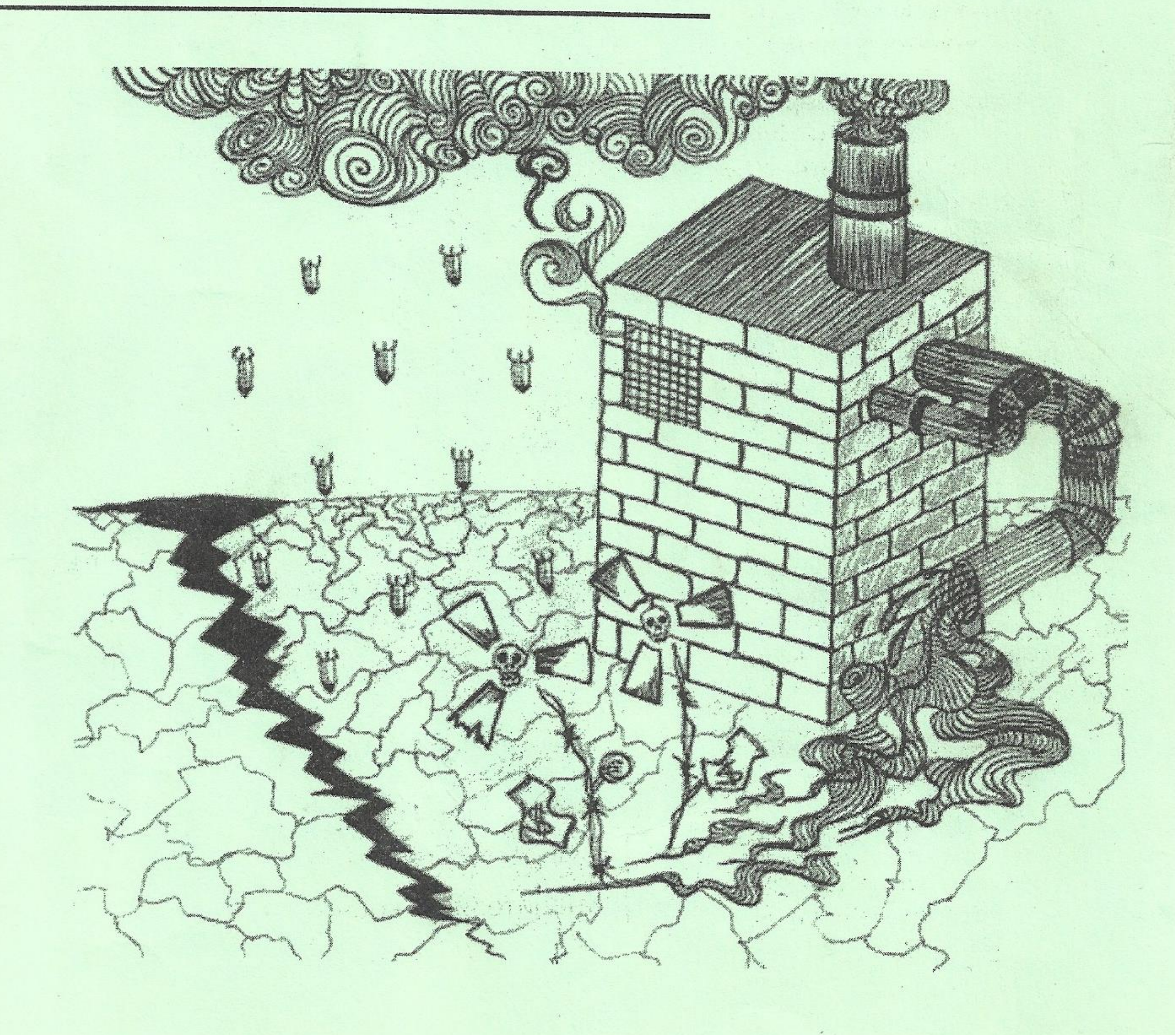
ЖУРНАЛ - КАТАЛИЗАТОР УМСТВЕННОГО БРОЖЕНИЯ

Наперекор

N12
ЗИМА 2002/2003

НАПЕРЕКОР
Журнал-катализатор умственного брожения

N12
Зима 2002/2003

В оформлении журнала использованы фотографии Туули, рисунки Вики, а также рисунки и фотографии, обнаруженные в Интернете

Связь с редакцией по адресу:
117485, Москва, а/я 34, comanar@mail.ru

Чтобы получить наш журнал, отправьте почтовый перевод по адресу:
125475, Москва, до востребования, Рябову Петру Владимировичу
В графе «для письменных сообщений» укажите, сколько и каких номеров журнала Вы хотите получить.

Стоимость одного экземпляра N12 - 70 руб, N11 - 40 руб. (цены указаны с учетом почтовых расходов)

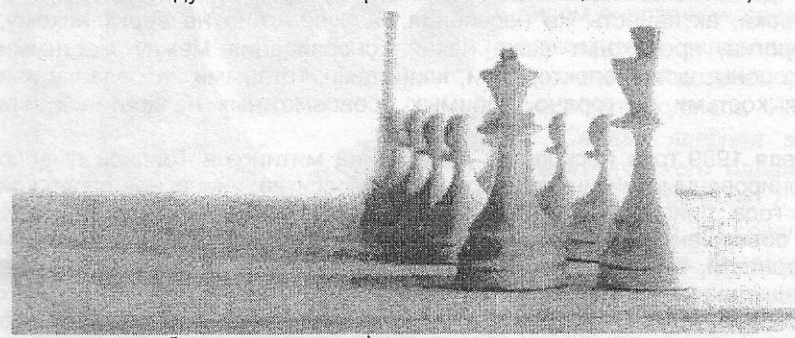
Содержание

СПЕРТЫЙ ДУХ ВРЕМЕНИ

Время вновь замедлилось: то ли вовсе пошло вспять, то ли просто где-то в Мировом Будильнике заело какой-то механизм. Будто и не бывало полутора десятилетий с 1985 по 2000 год, будто вовсе вычеркнуты они из российской истории. События последних месяцев носят глубоко символический характер, выражая в концентрированной форме нечто важное, делая копившееся подспудно тайное явным и очевидным.

Судите сами. За последнее время, буквально за год-два:

...пущена первая после Чернобыля АЭС в Волгодонске (в конце 80-х - начале 90-х годов ее строительство было остановлено под нажимом мощного общественного движения, все 90-е годы шли бои между атомной мафией и экологами, и вот - итог)...

... пущен первый завод по уничтожению химического оружия (в городе Чапаевске в 89-м году аналогичная попытка привела к региональной минიреволюции и была позорно провалена)...

... Думой принят закон о ввозе в Россию радиоактивных отходов из-за рубежа (лет 10 назад об этом власти не посмели бы и заикнуться)...

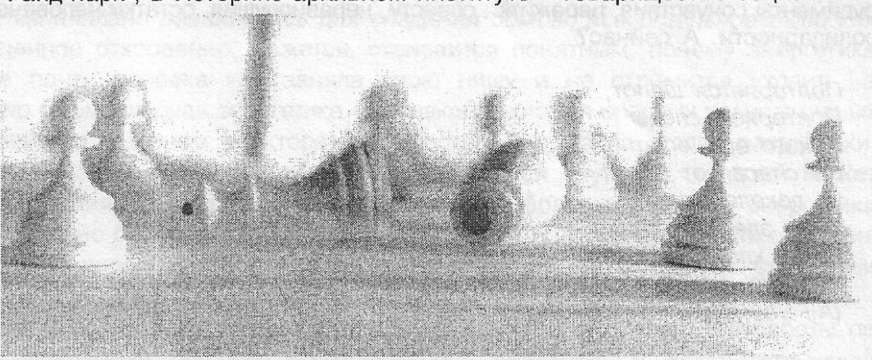
...начал действовать нефтепровод Баку-Новороссийск, построенный КТК (Каспийским трубопроводным консорциумом), против которого несколько лет активно боролись местные жители (из поселка Южная Озерейка) и радикальные экологи...

Что это - "возрождение экономики России" или окончательный ее перевод на путь превращения в мировую свалку и сырьевой придаток? Вопрос риторический!

Однако, не вдаваясь в экологические аспекты и последствия означенных проблем, обращу внимание на социальный смысл происходящего - не "около нас", а *с нами*: все завоевания эпохи "перестройки", вырванные обществом в борьбе с одряхлевшей Властью, отбираются назад, общественное движение, поредевшее, обессиленное, уставшее, терпит поражение за поражением, а чиновники и всевозможные мафиозные структуры, цинично наплевав на волю и судьбу населения, торжествуют победу.

Только ли к экологической сфере относится подобный печальный вывод? Продолжим сравнение ситуации конца 80-х годов и дня сегодняшнего, обратившись к студенческой среде.

В конце 80-х годов во всех больших вузах Москвы существовали неформальные студенческие группы и кружки (в МГУ - "Гайд-парк", в Историко-архивном институте - Товарищество социалистов-народников, в МГПИ - историко-политический клуб "Община", в МАИ - политклуб "Орбита", действовали Московский студенческий клуб и Оргкомитет союза учащейся молодежи...). Разумеется, число активистов этих групп было ничтожно, и все же - кипели дискуссии, вывешивались острые стенгазеты, порой организовывались забастовки. Сейчас во всех вузах - пусто и тихо, как на кладбище, почти нет никакой студенческой активности. О чем это говорит? О том, что все проблемы студентов решены, их стипендия увеличилась, бесплатное образование процветает, в вузах искоренены коррупция и произвол со стороны администрации, расцвело студенческое самоуправление, вырос уровень образования - или - о чем-то совсем ином? Ответ впишите сами.

Когда в 1988-89 годах у входа в главное здание МГУ появился постоянно дежурящий милиционер и попытался проверять у входящих документы - это вызвало бурю студенческого негодования. Как же: покушение на университетскую автономию, нарушение прав личности! Университетские власти тогда вынуждены были неуклюже оправдываться: мол, контроль на входе нужен, чтобы посторонние

люди не ходили в студенческую столовую и злонамеренно не поедали дотационные обеды. Сегодня - в любом вузе у входа мордовороты поигрывают резиновыми дубинками и куражатся над приходящими - вызывает это какой-нибудь протест?

В конце 80-х годов явочным порядком в вузах было введено право на "дацзибао" (у нас в МГПИ это называлось, например, "доска гласности", а в МГУ - "Гайд-парк"), право на свободное вывешивание всеми любых листовок и вообще информации. Сегодня на стендах появились замки, ключи от которых хранятся у деканов, и вывешивать что-либо без их разрешения категорически воспрещается. Впрочем, никто и не пытается нарушить этот запрет.

В 1988-89 годах во многих краях и весях прокатились "региональные революции", когда тысячи людей выходили на митинги с требованием отставки местных боссов, и местные начальники пачками "летели" со своих постов. Конечно, этим процессом во многом манипулировал Горбачев, открывший, подобно председателю Мао, "огонь по штабам". Конечно, местные выступления проходили под лозунгом: "долой местных воевод и бояр, да здравствует добрый царь (генсек)". И все же... Сейчас повсюду на местах происходит стабилизация власти, местных губернаторов перевыбирают на бесконечные новые и новые сроки, активность же населения на нуле - оно не верит никому, прежде всего, самому себе. Напротив, происходит даже некая консолидация между местными мэрами и директорами, с одной стороны, и "их" электоратом, клиентами, готовыми за подачку или просто за доброе слово ложиться костьми за горячо любимых всевозможных наздратенок или кондратенок.

Убийство спецназовцами 9 апреля 1989 года нескольких девушек на митинге в Тбилиси вывело сотни людей в Москве на несанкционированный митинг протеста. Кровопролитие, учиненное советской армией в Вильнюсе в январе 91-го года, привело к стотысячной демонстрации в Москве, а побоище на площади Тяньанмэнь в Пекине, совершенное китайскими властями в 89-м году над восставшими студентами, вызвало акции солидарности, собравшие в Москве две-три тысячи студентов. Сейчас на разрешенные и санкционированные акции против войны в Чечне выходит десяток-другой усталых людей, а массовые злодеяния, то и дело чинимые государством, вызывают тупое равнодушие ("Что нам Гекуба?") или даже злорадство. Пусть "Гекуба" замерзает в Приморье! Пусть "Гекубу" "зачистили" и изнасиловали солдаты в Чечне или взорвали в переходе московского метро - поделом! Главное, что над нами не капает. А стыд не дым - глаза не выест.

Тогда, в конце 80-х годов, в обществе был огромный интерес к печатному и непечатному слову - на "Пушке" в Москве собирались люди, чтобы "просто" пообщаться "за жизнь", на дискуссии в вузах и учреждениях приходили сотни зрителей, самиздат покупали по бешеным ценам. Сейчас попытки общественных активистов раздать *бесплатно* листовки приводят к отторжению и скепсису - на любую печатную продукцию реагируют, как на навязчивую рекламу.

О чем говорят все эти примеры? Вовсе не о том, конечно, что *тогда* - 10 лет назад, была "революция", как утверждают многие новоявленные мифотворцы. Не следует идеализировать эпоху Перестройки: в социальной борьбе участвовала лишь ничтожная часть общества, преобладали иллюзии со стороны населения и манипуляции со стороны власти, повсеместно господствовали конформизм, вера в "доброго царя" и "правильный Запад", а если и появлялись какие-то "романтики" (сейчас модно говорить о "романтиках Перестройки", подразумевая под ними Собчака, Станкевича, Попова и других "демократов первой волны"), то их уместнее, скорее, назвать "романтиками с большой дороги". И все же - тогда горизонты расширялись, возникали какие-то инициативы, люди на что-то надеялись, узнавали что-то новое, в человеческих взаимоотношениях проявлялись какие-то рудименты сочувствия, пережитки совести, неравнодушия, остатки человеческого достоинства, элементы солидарности. А сейчас?

Повторяется шепот,
Повторяем следы.
Никого еще опыт
Не спасал от беды!
О, доколе, доколе
И не здесь, а везде
Будут клодтовы кони
Покоряться узде?!
(А.Галич)

Но - покоряются, еще как покоряются. Ветер перемен пошумел над головой и стих, а родное, укорененное, вековое холуйство никуда не ушло. Люди устали от перемен и нестабильности, обернувшейся разрухой и хаосом, хотят хоть какой-то определенности, а начальство перестало поощрять активность "низов". Вот он и консенсус.

Свинцовая плита опускается все ниже на наши головы. Время идет вспять. И речь не столько о Власти (черт с ней, с Властью - от нее странно было бы ждать добра!), но прежде всего об обществе, о нас с вами.

В воздухе все сильнее и отчетливее пахнет Порядком...

Петр Рябов

К ВОПРОСУ О НУКЛЕОФИЛИИ

Андрей Константинов

Когда сегодня говорят о ядерной (атомной) энергетике, подразумевают отрасль энергетической промышленности, преобразующую энергию деления ядер "тяжелых" атомов (как правило – урана) в электроэнергию и используемое для отопления тепло. О проблемах, накопленных этим видом энергетики, свидетельствуют выдержки из интервью заместителя генерального директора МАГАТЭ (которого никак не заподозришь в антиядерных настроениях) главному редактору журнала "Ядерный контроль" (N5 за 1998 год): *"Сейчас ядерная энергетика - это семь процентов энергетического баланса в мире <...> это же ничтожно мало по сравнению с теми затратами, которое понесло человечество, по сравнению с миллиардами накопленных кюри* (единица измерения радиоактивности, 1 кюри = 37 млрд. ядерных распадов в секунду. – А.К.), *миллиардами истраченных долларов и национальных ресурсов..."* И кто-то еще после этого смеет всерьез говорить о расширении ядерной энергетики!

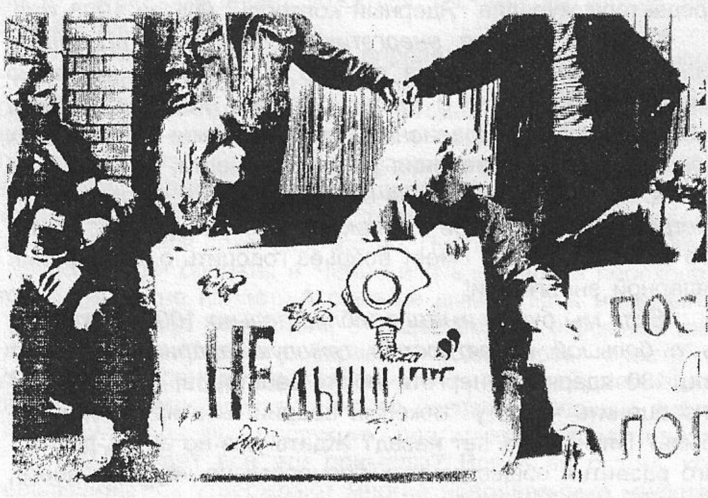
"Если мы будем иметь приблизительно 1000 реакторов, то каждые десять лет мы можем иметь с большой вероятностью тяжелую аварию. Начинает работать статистика". Сейчас в мире около 430 ядерных энергетических реакторов, т.е. 43 % от упомянутой тысячи. Соответственно, можно оценить частоту "тяжелых аварий" в этих условиях – примерно раз в 23 года. Когда был Чернобыль? Пятнадцать лет назад? Ждать уже не очень долго... Впрочем, это все для относительно мирного развития общественных процессов на нашей планете, а как насчет обострения военных конфликтов, вызванных глобальными социально-экономическими противоречиями? Тут даже не обязательно применять ядерное оружие – достаточно просто долбануть по атомной станции или радиохимическому заводу. (Справка: во время военной акции НАТО в Югославии в 1999 году существовала реальная угроза разрушения "мирных" ядерных объектов на территории ряда балканских стран, о чем писали "НГ", номер от 30 июня 1999 г., и экологическая газета "Зеленый мир", N10-11 за 1999 г.)

Но продолжим цитировать заместителя генерального директора МАГАТЭ: *"Вся ядерная энергетика изначально развивалась для создания бомбы, все остальное было как бы между прочим".* Очень ценное откровение. Кажется, становится понятным, почему энергетика *деления тяжелых ядер* уже почти полвека как заняла свою нишу и не стремится уходить, а энергетика *синтеза легких ядер* (термоядерная энергетика – не накапливающая опасных радиоактивных отходов и не чреватая аварийным разгоном реактора) так и осталась пока на стадии разработки. Из отработанного топлива атомной электростанции (АЭС) извлекается плутоний, который может быть использован для изготовления ядерных боеголовок, - таким образом, ядерная энергетика деления, "мирный атом", изначально был необходим "атому военному". В то же время для создания термоядерных (водородных) боеприпасов термоядерная энергетика не нужна – так стоило ли "напрягаться"?

Примечание. Справедливости ради следует сказать, что в мире с 1992 года ведутся работы по созданию международного экспериментального термоядерного реактора. В соответствующей международной программе участвуют Европейское сообщество по атомной энергии и правительства США, Японии и (по крайней мере, до конца 2001 года) России. Но при этом термояд рассматривается лишь как дополнение к ядерной энергетике деления.

И последнее: *"Объем отработанного топлива, отходов непрерывно растет с каждым годом".* Дело в том, что размещение, эксплуатация и вывод из эксплуатации атомных станций – с одной стороны – и обращение с накопленными в результате функционирования станции радиоактивными отходами (РАО) и отработанным ядерным топливом (ОЯТ) – с другой – рассматриваются как два совершенно разных процесса. Ведь они разнесены и в пространстве (предприятия по хранению и переработке

отходов могут отстоять от атомных станций на сотни километров), и во времени (отходы можно накапливать десятилетиями, и только потом начинать думать, куда их девать). Вот и получается, что проект новой АЭС, пусть безупречный с точки зрения нынешних представлений о безопасности (хотя достоверных данных о влиянии малых доз искусственной радиоактивности на живые организмы пока нет), неизбежно ставит нас перед фактом образования все новых и новых отходов, обращение с которыми за пределами площадки АЭС проектом не рассматривается и – соответственно - экологическую экспертизу *вместе с проектом АЭС* не проходит. Эксперт, одобряя

"безупречный" проект строительства атомной станции, *автоматически* и, возможно, не отдавая себе в этом отчета, одобряет накопление отходов, *не рассматривая* проект их последующей утилизации.

На мой взгляд, перечисленного достаточно, чтобы сформулировать представление о наиболее разумной ядерной политике: вывести из эксплуатации действующие и прекратить строить новые АЭС, а все усилия ядерной прикладной науки и техники направить на решение накопленных проблем, главная из которых – обращение с РАО и ОЯТ.

Если само существование ядерной энергетики деления – это, скажем так, первый уровень радиационной опасности, то дополнительным уровнем является регенерация отработанного ядерного топлива. ОЯТ представляет собой достаточно компактный материал, который сегодня следовало бы помещать в могильник для длительного контролируемого хранения (захоронения), пока не откроется реальная возможность как-то избавиться от него. Так поступают с ОЯТ в некоторых "ядерных" странах: в Испании, Канаде, США, Швеции; Финляндия, похоже, также склоняется именно к такому решению проблемы. Другие государства ориентированы на переработку ОЯТ в своей стране или в других странах. Ядерное топливо при этом регенерируется, из него выделяется плутоний, который можно использовать и для "оборонных" нужд (на один боезаряд достаточно 7 кг), а весь процесс – *наиболее "грязное" звено* ядерного топливного цикла – сопровождается дополнительным накоплением высокоактивных жидких РАО, обращаться с которыми несравненно хлопотнее, чем с компактным твердым ОЯТ.

В России в настоящее время действует один завод по регенерации топлива – РТ-1 на ПО "Маяк" под Челябинском; под Красноярском расположен недостроенный завод РТ-2. Еще в январе 1995 года Ельциным был издан проталкивавшийся Минатомом указ о ввозе в страну "для временного хранения" зарубежного ОЯТ и о завершении строительства РТ-2. Удивительно, но трем российским гринписовцам эту инициативу удалось затормозить судебным порядком; формально-юридический повод – запрет, налагаемый статьей 50 Закона "Об охране окружающей природной среды" на ввоз в РФ с целью хранения зарубежных радиоактивных материалов.

Развитием этой истории стало принятие Госдумой трех лоббируемых Минатомом законопроектов, снимающих упомянутое законодательное ограничение. Следует обратить внимание, что импорт зарубежного ОЯТ для переработки российским законодательством не запрещен; цель принятия законодательных поправок - разрешить ввоз зарубежного ОЯТ для хранения до того, как строительство радиохимического завода РТ-2 будет завершено; при этом часть средств, полученных от иностранных государств за эти услуги предполагается направить на завершение строительства завода РТ-2. А уж потом можно развернуться - регенерировать свое и чужое топливо, извлекать плутоний, зарабатывать неплохие средства... "Так, например, в результате расширения спектра услуг по обращению с облученными тепловыделяющими сборками зарубежных стран Россия потенциально может заработать за период с 2000 по 2010 годы свыше 20 млрд. долларов США, в том числе инвестиции на создание необходимых (необходимых Минатому. – А.К.) промышленных объектов – до 2,6 млрд. долларов США. Прямые налоги и выплаты в федеральный и региональный бюджеты составят до 3,3 млрд. долларов США", - говорится в финансово-экономическом обосновании законопроектов. "...Принятие настоящего законопроекта позволит без дополнительных расходов из федерального бюджета решить сложные внутренние проблемы по

финансированию специальных экологических программ реабилитации радиационно-загрязненных регионов Российской Федерации, в том числе природовосстановительных мероприятий на территориях, вовлеченных в прошлом в производство ядерного оружия". Отменное фарисейство! Впрочем, финансирование специальных экологических программ реабилитации радиационно-загрязненных регионов РФ, согласно одному из законопроектов, будет производиться за счет специального федерального фонда, "создаваемого в соответствии с законодательством Российской Федерации при уполномоченном Правительством Российской Федерации федеральном органе исполнительной власти, осуществляющим государственное управление использованием атомной энергии в Российской Федерации", а таким федеральным органом является все тот же Минатом. В том, что поступающими за переработку ОЯТ средствами там распорядятся, я не сомневаюсь. Как распорядятся – другой вопрос.

"В итоге можно прогнозировать благоприятные для Российской Федерации изменения сложившейся в настоящее время структуры экспорта-импорта в сторону, более характерную для стран с развитой экономикой", - говорится в финансово-экономическом обосновании; при этом речь идет об импорте отработанного топлива и экспорте регенерированного. Кроме российского завода РТ-1 на ПО "Маяк", перерабатывавшего ОЯТ восточноевропейских АЭС советской постройки, услуги по переработке топлива предоставляют заводы Селлафилд в Великобритании и Ля Аг во Франции, - долгое время сбрасывавшие свои отходы в Атлантику. Проблемы и скандалы, связанные с этими предприятиями в "странах с развитой экономикой", делают их (предприятий) дальнейшее существование проблематичным. Во всяком случае, нельзя говорить ни о каких перспективных позициях на "международном рынке" переработки ОЯТ, которыми нас потчует Минатом.

Сегодня в России накоплено около 14 тысяч тонн ОЯТ; согласно планам Минатома, предполагается за короткое время ввезти еще 20 тыс. тонн. При этом порядок ввоза, согласно законопроекту о дополнении к Закону "Об охране окружающей природной среды", должен определяться российским правительством, "принимая во внимание приоритетность права возвратить или обеспечить возвращение образовавшихся после переработки радиоактивных отходов в государство происхождения радио-активных материалов". Именно так – "принимая во внимание приоритетность права..." – и не более того. Вся предыдущая практика переработки на заводе РТ-1 восточноевропейского ОЯТ не предусматривала последующего возвращения РАО, которые оставались на территории России. Кроме того, из финансового обоснования законопроектов не видно, учитываются ли расходы на транспортировку по территории России отходов, возвращаемых государству происхождения ввезенного отработанного топлива.

Но дело не в том – в России или в какой другой стране будут накапливаться ядерные отходы, - важно, что они накапливаются, а для радиоактивного загрязнения нет государственных границ. Транспортировка отходов на дальние расстояния увеличивает вероятность радиационной аварии на транспорте, в наших условиях усугубляющуюся русским разгильдяйством. Проблемы ядерной энергетики носят общемировой характер и, следовательно, решаться они должны в том числе на международном уровне. В условиях желательного прекращения развития мировой ядерной энергетики, возможно, было бы целесообразно, если бы некоторые страны (и, возможно, Россия в их числе) приняли в целях хранения часть ОЯТ других стран. Поскольку речь идет о ситуации, когда развитие ядерной энергетики прекращается, общее количество накопленных ОЯТ и РАО может быть на международном уровне учтено и выработано наиболее рациональное решение об их распределении в существующих в мире хранилищах – до того, как будет найдено подходящее решение проблемы "куда их девать". Разумеется, при этом речь не идет о регенерации топлива, - в описываемых гипотетических условиях свертывания ядерной энергетики она просто не нужна.

Однако реальная ситуация принципиально иная – политика государств в целом ориентирована на дальнейшее развитие ядерной энергетики в мире и на переработку ОЯТ. Говорят, что специалистам виднее, вот пусть они и решают, а раз они считают нужным развивать ядерную энергетику и регенерировать ОЯТ, значит так надо. Допустим, специалистам виднее, но они должны быть реально независимыми. И не надо делать из специалистов особую касту, их роль – провести все необходимые исследования и предоставить информацию на суд обществу. При этом желательно, чтобы было несколько независимых исследовательских групп, чьи результаты можно было бы потом сравнить. Уверен, что при таком порядке у ядерной энергетики деления не останется никаких шансов. Вот только социальные условия для реализации такого порядка вещей должны быть иными, а значит – антиядерные силы должны стать интегральной частью движения за изменение всей социальной системы.

САМОЕ "БЛИЖНЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ" СЕГОДНЯ

Интервью с белорусским анархистом Юрием Глушаковым (Гомель)

От редакции
Публикуемое интервью было взято летом 2000 года московским анархистом Михаилом Цовмой. К сожалению, по зависящим от редакции причинам, выход этого номера задержался на целых два года. Вследствие этого, устарели некоторые констатации, оценки и прогнозы, высказанные Юрием в интервью. Однако, мы полагаем, что общий анализ социально-экономической и политической ситуации в Беларуси остается в силе и представляет интерес.

Вопрос. Каковы настроения в различных слоях белорусского общества, в общественных движениях? И насколько серьезны репрессии режима против оппозиции? Какова общая атмосфера, в которой приходится действовать активистам общественных движений?

Ответ. Однозначно определить настроение общества довольно сложно. Если говорить о настроении большинства, то оно весьма неопределенно и колеблется. Колеблется от очень неустойчивой поддержки президента до неприятия его персоны. Хотя до последнего времени Лукашенко, обладая колоссальным демагогическим талантом, мог опираться на поддержку почти половины населения Беларуси. Ныне даже социологические исследования официальных и полуофициальных структур фиксируют невиданное падение его авторитета. Рейтинг - около 37 %. Но это отнюдь не говорит о том, что оппозиция, в свою очередь, снискала себе поддержку в массах. Совсем нет! Ее рейтинг, видимо, также падает, и тому есть объективные и субъективные причины. Можно точно сказать, что популярности она не приобрела. К тому же намечается достаточно сильное расхождение в стане так называемой "объединенной оппозиции". Там изначально действовало несколько различных тенденций. И вот в момент кризиса они начинают оппозицию раздирать по тем слабым швам, которыми она якобы и была объединена.

Радикальные националисты, представляющие Белорусский Народный Фронт "Адраджение", тоже расколовшийся на две части - на консерваторов во главе с Позняком и на "модернистов" во главе с Вячеркой и другими, - они являются наиболее непримиримой в отношении президента группой в стане оппозиции, но не пользуются слишком большим влиянием.

Объединенная Гражданская Партия, именующая себя либеральной, а на деле выражающая интересы той части бюрократии и номенклатурного бизнеса, которая не вышла в верхний эшелон власти, представляет другую сторону оппозиционного движения. Она отличается большей беспринципностью, большей гибкостью и, возможно, ее вожди, в случае победы оппозиционеров, займут какие-то реальные посты. Но ныне говорить о победе оппозиции едва ли стоит. Хотя, с другой стороны, выявилась и та тенденция, что Лукашенко теряет поддержку не только своего электората, но и части своего окружения. Эта тенденция связана и с переменами в российском руководстве, которое, возможно, по-другому стало относиться к Лукашенко и, может быть, не нуждается уже в таком союзнике (учитывая амбиции Александра Григорьевича, распространяющиеся, как известно, и на кремлевский трон). Ходят правдоподобные слухи о том, что ему готовится замена из числа его ближайшего окружения. Называют кандидатуру ныне действующего премьера Ермошина, называют и другие загадочные фигуры из числа приближенных. Такой сценарий вполне возможен - тому есть немало примеров в истории.

Что касается реальных изменений в общей социально-политической ситуации, то перспектив каких-то радикальных изменений пока не видно, поскольку режим, который у нас существует, вызван не субъективными устремлениями Лукашенко или еще каких-то политиков, а отвечает природе того общества, которое у нас сегодня сложилось. Это режим в той стадии трансформации, в которой находимся и мы, и большинство республик бывшего Советского Союза - трансформации государственного капитализма в капитализм "классический", капитализм частнособственнический. А такая трансформация сопровождается жесточайшими злоупотреблениями, эксцессами, обнищанием большинства в пользу коррумпированного меньшинства. И это меньшинство нуждается в авторитарной, репрессивной модели государства для того, чтобы обеспечить себе то положение вещей, которое устраивает его наилучшим образом. И, поскольку Лукашенко утрачивает свою магическую способность заговаривать массы, постольку он будет сброшен, отстранен. Возможно, это даже произойдет в форме некой псевдодемократической псевдореволюции. Возможно, это произойдет в ходе неких закулисных интриг, рокировок в лагере власти. Это неважно. К сожалению, представить себе ситуацию по-другому пока оснований нет. Хотя, безусловно, надежда на развитие в республике широкого рабочего движения и гражданского движения и становление подлинно социалистических и анархистских организаций, - такая надежда

существует. Это связано с тем, что обостряющийся кризис рано или поздно должен заставить людей всерьез задуматься о своей судьбе.

В. Мы в России получаем информацию, в основном, о каких-то внешних проявлениях власти в Беларуси. Не мог бы ты рассказать, что представляет из себя режим Лукашенко на идеологическом уровне, на уровне риторики, политики? И ты упомянул о том, что идет трансформация по пути от государственного капитализма к частному. В том, что мы слышим здесь, как раз делается упор на то, что у вас там государственная экономика советского типа. Насколько все-таки Беларусь сейчас отошла от этого, насколько у вас сейчас развит более традиционный капитализм?

О. Да, миф о том, что в Беларуси существует некий “социализм” или, по крайней мере, суррогат социализма, действительно широко распространен. И он подпитывается из двух источников. С одной стороны, это пропаганда официального Минска. С другой стороны, это то, что пишет оппозиция, поскольку ей выгодно представлять в глазах Запада ситуацию в Беларуси в ключе некоего коммунистического реванша (это связано непосредственно с теми финансовыми дотациями, которые получает оппозиция от капиталистических западных стран и с попытками оппозиции привлечь под свои знамена предпринимателей - “новых белорусов”).

На самом же деле ситуация, мягко говоря, несколько иная. Никакого “социализма” в Беларуси

не существует. Там существует, возможно, более заорганизованный, возможно, более государственно регулируемый, но все же тот самый рынок, который существует везде на просторах бывшего Советского Союза. Единственное отличие от российской ситуации или от ситуации на Украине заключается в том, что в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств, бизнес в Беларуси находится под контролем президента и его ближайшего окружения. Лукашенко этого и не скрывает, и на одном из конгрессов предпринимателей и промышленников так прямо себя и назвал: “Я - крыша для бизнеса”. Характерно, что газета Федерации анархистов Беларуси “Боротьба” более трех лет назад выступила с передовицей, где президент был этой самой “крышей” и назван и - попала в точку. Теперь он сам об этом заявляет.

На уровне реальных фактов ситуация выглядит так. Управление по делам президента, которое является этой самой “крышей” для нескольких сот коммерческих фирм и предприятий, владеет наиболее доходными отраслями экономики в Беларуси. Владеет само и охотно делится с иностранными корпорациями, которые, естественно, охотно оплачивают подобную благосклонность. С корпорациями - как западными, так и с некоторыми российскими компаниями. Например, существует “Славнефть”, которая является представителем российского капитала - и она владеет акциями крупнейших нефтеперерабатывающих заводов Беларуси (Полоцк, Мозырь и так далее). На Могилевском автомобильном заводе немалая доля акций принадлежит южнокорейской компании “ДЭУ”. На Минском тракторном заводе присутствует капитал фирмы “Ман”. Недавно обанкротившееся в силу объективных экономических обстоятельств предприятие по производству автомобилей “Форд Эскорт” и “Форд Транзит” под Минском, являлось предприятием “Дженерал Моторс” и получило от президента баснословные льготы в области налогового обложения (но это не спасло его от краха - крах был связан с изменением конъюнктуры на российском рынке).

Таких примеров можно приводить много. В частности, изменен статус Припятского заповедника в Гомельской области. Заповедник теперь является заказником, и в нем Управление по делам президента ведет хищническую вырубку лесов в одной компании с добропорядочными шведскими капиталистами. Причем вырубка осуществляется без соблюдения элементарнейших норм и требований.

С другой стороны, ведется определенная пропагандистская кампания, которая предназначена как на экспорт, так и для внутреннего потребления. Суть этой кампании сводится к элементарной популистской риторике. Кстати говоря, наш президент даже в самые звездные часы своего президентства или еще в ходе борьбы за власть никогда ни о каком

"социализме" не говорил. Его демагогия примитивна. Он, якобы, пытается примирить интересы всех слоев белорусского общества без различия классовой принадлежности. И в этом смысле эта демагогия близка к традиционным популистским вариантам, в том числе и к той демагогии, которая сопровождала пребывание у власти фашистских режимов.

Но существует такая характерная специфика последних лет. Если в первый период пребывания Лукашенко у власти, действительно, имела место значительная "псевдокрасная" риторика - возрождение старой советской бээсэсэровской

символики, ритуальное празднование седьмого ноября и первого мая, то в последнее время это все сходит на нет. И на первый план выходит на уровне символов нечто православно-монархическое. Буквально 30-40 % эфира государственного радио заполнено откровенно клерикальными передачами, очень часто содержащими просто черносотенные выпады. В чуть перелицованном виде цитируются "Протоколы Сионских Мудрецов" и т.д. и т.п. И это тоже симптоматично. Такая плавно перетекающая эволюция - от туманной псевдо-бээсэсэровской идеологии к идеологии велико-державного славянского шовинистического патриотизма - она просто отвечает тем потребностям режима, которые сложились на сегодняшний день: не будить, даже в искаженном виде, какие-то социальные чувства у народа, а одурманить его религиозным и государственническим бредом.

В. А как можно в общих чертах описать социально-классовую структуру белорусского общества? Как и чем живут большинство людей? Какова экономическая ситуация?

О. Видимо, радикальных отличий от ситуации в России не существует, хотя определенная специфика присутствует. Большинство общества - это рабочие и крестьяне в классическом варианте, люди наемного труда, занятые как в государственном, так и в частном секторах экономики. Причем последний является довольно-таки объемным - на сегодняшний день это 45-46% экономики республики Беларусь. В таких отраслях, как торговля, это 74%, в строительстве - 60% и т.д. (по объему выпускаемой продукции).

Статистика в такой авторитарной стране, как Беларусь - вещь коварная. У многих предприятий, которые считаются разгосударствленными, на самом деле государство имеет контрольный пакет акций, - это собственность чиновников, которые, конечно, злоупотребляют ею, как только могут. Хотя соблюдаются какие-то правила игры. Например, у нас иногда, вместо того, чтобы обращаться в ходе неких коммерческих разборок к представителям криминальных группировок, обращаются в налоговую инспекцию или в отдел по борьбе с экономической преступностью: так проще задавить конкурента и ликвидировать его.

Бизнес в Беларуси носит более анонимный характер, чем в России. Возможно, сказываются какие-то тонкости менталитета крестьянско-трудового: наши бизнесмены стараются себя не афишировать, не эпатировать общественное мнение, довольно успешно камуфлируясь под честных тружеников управленческого фронта. Но, тем не менее, социальное расслоение растет со дня на день и происходит то, что происходит везде и что естественно должно происходить при данном порядке вещей, - большинство населения погружается в нищету, а ничтожное меньшинство, соответственно, богатеет. Достаточно поглядеть на города-спутники из пресловутых коттеджей, которые растут во всех более или менее крупных городах. Достаточно посмотреть некоторые элитные клубы, где "тусуется" предпринимательская прослойка. Причем хочу заметить, что наиболее элитное казино в Минске - "Адмирал" - тоже взято президентом под свою опеку (как и другие заведения во всех наиболее рентабельных отраслях).

В. Вот этот класс "новых белорусов" вкупе с государственными чиновниками, которые нередко являются также и предпринимателями, - сколько процентов он примерно составляет, и находятся ли эти люди исключительно в Минске или и в других городах тоже?

О. Что касается численности - трудно сказать, по понятным причинам не существует такой официальной статистики. Можно предположить, что этот класс достаточно велик, так как есть данные об общем росте государственного аппарата, который сейчас примерно в два раза превысил тот, что существовал во времена "советской власти". Относительно "чистых бизнесменов": немалая часть их просто укрывается, из-за нежелания выплачивать налоги. Надо полагать, что количество этих людей не превышает 5 -10 процентов. Это, конечно, очень грубые прикидки. В основном, это люди, вышедшие из советской номенклатуры - партийной, хозяйственной - как и везде.

В. Каков средний уровень жизни, средний объем заработной платы, которую получают люди, и как он соотносится с минимальным прожиточным

уровнем?

О. Средний доход варьируется в зависимости от регионов. В Минске он гораздо выше, средняя заработная плата там составляет около 70-100 долларов. В провинции это в два раза меньше - и опять-таки очень дифференцировано: на некоторых предприятиях получают по 20 долларов в месяц, на других - 70-80 и более.

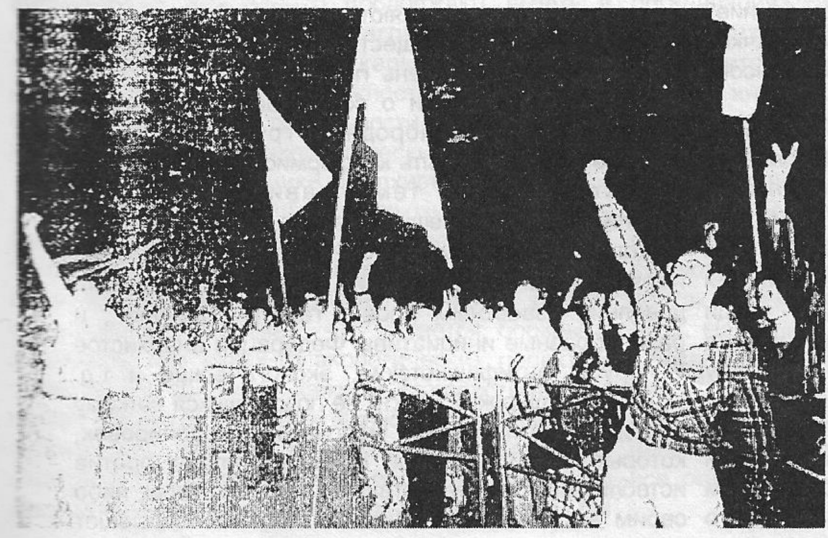
Уровень жизни? Около половины населения сейчас живет у черты бедности или за чертой бедности, и это количество стремительно растет. Растут цены, а заработная плата в условиях отсутствия реального рабочего и профсоюзного движения, безусловно, отстает. Однако некоторые проблески социальной оппозиции режиму имели и имеют место, и даже официальные профсоюзы, послушные доселе, тоже пробуют выражать свое недовольство.

Неоднократно власть предпринимала попытки протащить через абсолютно марионеточное Законодательное Собрание новое трудовое законодательство, которое носило чрезвычайно жесткий неолиберальный характер и предусматривало введение контрактной системы в принудительном порядке, предусматривало сокращение всех социальных льгот и гарантий и введение штрафной системы по образу и подобию Российской империи 1913 года и т.д. Но стоило только официальным профсоюзам (которые теряли всякое значение согласно этому новому КЗОТу), вывести несколько десятков тысяч людей в разных городах Беларуси на улицу, и этого оказалось достаточно, чтобы власть пошла на попятную. Наиболее драконовские меры, предусмотренные проектом нового трудового законодательства, были отменены. Однако пока ситуация в этих вопросах остается "подвешенной".

В. Та информация, которая доходит до нас, до России - это исключительно сообщения о деятельности оппозиции в лице того же Белорусского Народного Фронта. А насколько популярны эти акции в реальности? И какие гражданские или социальные инициативы существуют помимо БНФ? Что происходит с рабочим движением помимо официальных профсоюзов? Какие вопросы поднимают людей на активные действия?

О. Что касается Белорусского Народного Фронта, то это название давно уже стало нарицательным для обозначения непопулярности. БНФ - организация, существующая для самореализации определенных групп белорусской национальной интеллигенции, которая, кажется, сознательно не стремится идти на сближение с большинством населения и культивирует элитарность самым непродуктивным способом: за счет отталкивания большинства и проведения резкой грани между "продвинутыми" "сознатель-ными белорусами" и "плебейской" остальной частью народа. Тому есть много причин. Это и трансформация белорусской идеи, которая произошла в "совковый" период - от идеи национально-демократической, связанной с чаяниями большинства белорусов. За счет казенной белорусизации, осуществлявшейся на официальном уровне, эта идея совершенно трансформировалась и превратилась в свою полную противоположность. Ныне это признак элитарности и "антинародности".

Что касается рабочего движения, независимого от официальных профсоюзов, - оно существует в Беларуси в виде Свободных профсоюзов. Но, поскольку Свободные профсоюзы контролируются оппозиционными политическими лидерами, говорить о подлинной независимости здесь не приходится. Более того, складывается впечатление, что лидеры буржуазно-националистических партий и организаций сознательно не прибегают к такому мощному оружию борьбы с режимом, как рабочее движение. Для этого есть основания. Даже некоторые оппозиционные политики, ориентированные на рабочих, предлагая различные проекты активизации рабочих, наталкиваются на непонимание тех, кто контролирует финансовые потоки, вкладываемые в поддержку оппозиции. В частности, попытки Антончика и Мухина инициировать создание республиканского стачкома несколько лет назад, инициировать создание рабочего союза не так давно в силу тех или иных причин не увенчались успехом. По всей видимости те, кто контролирует ситуацию с рабочим движением, просто-напросто этого рабочего движения боятся. Ведь оно - это палка о двух концах. И рабочие, поверившие в свои силы, поднявшиеся на сопротивление, могут пойти дальше, чем этого хотелось бы тем, кто сегодня стоит у руля оппозиции.

Сейчас проходят дискуссии о социальной политике

Лукашенко. Конечно, оппозиция пытается использовать то репрессивное трудовое законодательство, которое предлагалось правительством, в целях противостояния президенту. Однако некоторые оппозиционные средства массовой информации, в частности, "Белорусская деловая газета", пытались остудить пыл оппозиционеров в этом вопросе, вполне резонно указывая на то, что Лукашенко, принимая такие направленные против рабочих меры, расчищает дорогу для белорусского бизнеса. В данном случае классовые интересы власти и оппозиции сходятся. Это одна из причин, по которым рабочее

движение в Беларуси сегодня достаточно слабо. Есть и другие причины. Это и общая репрессивность ныне существующего режима. Это и социальная апатия, вызванная крушением идеалов общедемократического (в том числе и рабочего) движения конца 80-х - начала 90-х. Тогда имело место массовое движение рабочих стачкомов в Минске, Гомеле и других городах. Все это вместе пока не позволяет говорить о том, что рабочие составляют реальный фактор сопротивления тому порядку вещей, который сложился. Однако спонтанно возникающие стачки все-таки позволяют верить в то, что ситуация изменится, и изменится, возможно, уже в ближайшем будущем. Это связано и с тем колоссальным социальным давлением, которое оказывают на общество пробуржуазные реформы нынешнего правительства.

В. Но все-таки стачечное движение имеет тенденцию к росту или же это сезонное явление? Или же возникают лишь спорадические стачки? И в каких секторах экономики наиболее высока стачечная активность?

О. Выступления происходят очень стихийно. Это стачки исключительно оборонительного характера, вызванные, как правило, невыплатой заработной платы. Выступления рабочих происходят в самых различных отраслях и, в том числе, (что симптоматично) эти акции происходят даже в колхозах и совхозах - среди той категории трудящихся, которая всегда подвергалась наибольшему репрессивному гнету и всегда была лояльна персонально к нынешнему президенту. И, тем не менее, поскольку происходят колоссальные невыплаты заработной платы в аграрном секторе, то даже там происходят порой стачки. Но говорить о скоординированном и стройном стачечном движении пока не приходится - все происходит очень спорадически и неорганизованно. И пока, к сожалению, мы не можем организовать сопротивление на основе какой-то общей стратегии и тактики.

В. А где выше забастовочная активность - в промышленности или в сфере здравоохранения и образования?

О. Сфера здравоохранения, насколько мне известно, не активна в этом отношении. Учителя в прошлом достаточно часто выступали против невыплат заработной платы, но в последнее время - нет. А вот на промышленных предприятиях активность повысилась.

Однако власти с давних пор применяют тактику отсечения мало-мальски политизированных групп активистов от таких стачек. Там, где такие активисты участвуют, репрессивное давление осуществляется усиленными методами, а чисто экономические выступления "гасятся" на основе, как правило, либо компромисса, либо даже полного удовлетворения требований рабочих.

В. А какие еще направления социальной активности существуют? В каких еще секторах общественной жизни происходит сопротивление режиму?

О. Можно говорить о нескольких уровнях социального сопротивления. Существует , во-первых, "официально" курируемый оппозицией уровень НГО (неправительственных организаций), которые довольно-таки активны, благодаря той финансовой накачке, которую они получают. Они осуществляют самые разнообразные инициативы, и там тоже есть люди, которые работают не за страх, а за совесть. Но зависимость от грантов, зависимость от оппозиционных политиков очень осложняет деятельность этих организаций в смысле их аутентичности и соответствия подлинным общественным потребностям. Ориентированы они на культурнические проекты, связанные с повышением статуса белорусского языка, белорусской культуры и работают с молодежью, с женщинами, осуществляют разные околонаучные, научные проекты, осуществляя и много полезных вещей и много не очень полезных.

Можно говорить и о совершенно спонтанном сопротивлении разнородных групп молодежи, которые не желают быть конформистами, не желают существовать по тем правилам, которые предписывают и нынешний режим и общий контекст "дикого" капитализма. Это - и проекты, которые носят чисто анархистский характер: ставший довольно известным проект газеты "Навинки"; и разнообразные инициативы Федерации анархистов Беларуси: антифашистские, экологические и т.д. И, конечно, широкий спектр не поддающихся четкому определению инициатив молодежных группировок, которые в той или иной мере выступают против истеблишмента и существующих правил игры, либо своим эскапизмом в какой-то степени подрывают

основы этого строя. Но эта "сцена", которая весьма спонтанна, и на ней сейчас пытаются делать свой политический бизнес самые разнородные группировки, начиная от оппозиционеров и заканчивая праворадикальными организациями типа РНЕ, скинхедами. Безусловно, наша задача, как анархистов и социалистов, активнее работать на этой сцене, причем стремиться работать не только с традиционно ангажированными группами - "неформалами" разных направлений, но работать и с теми молодежными тенденциями, которые ранее не были охвачены леворадикальной практикой. Я имею в виду и молодежь из рабочих кварталов, и людей, вообще не идентифицирующих себя с какими-либо субкультурами и т.д.

В. А что еще существует на традиционном "левом" фланге? Ты совсем не упоминал коммунистическую партию. Она вообще есть в Беларуси? Кто есть помимо нее?

О. Да, у нас существуют целых две коммунистические партии. Но их роль недостаточно активна, чтобы о них много говорить. Одна из этих компартий пропрезидентская - это КПБ, артикулирующая этакую смесь реликтов коммунистической мифологии и просто державно-патриотического маразма (по-другому не назову). И партия коммунистов Беларуси (ПКБ) во главе с товарищем Калякиным, которая на уровне самого Калякина и его окружения является оппозиционной, а на уровне местных организаций очень часто является по сути лояльной режиму - по крайней мере, какой-то оппозиционности не проявляет в своих поступках и действиях. Традиционно выходит на ритуальные демонстрации 7 ноября и 1 мая, причем у нас в Гомеле это происходит в тесном единении с той же КПБ (пропрезидентской) и с городскими властями. ПКБ в большинстве случаев включает в себя людей пенсионного возраста с комплексом ностальгии на уровне рядовых участников, а на уровне руководителей - это бывшие аппаратчики, которым не хватило места в эшелонах власти и которые в силу инерции и амбициозных вожделений продолжают играть в свои старые привычные игры с выборами-перевыборами, партийной карьерой и заодно, насколько позволяют возможности, лоббируют на уровне электоральной деятельности свои групповые, клановые социально-экономические интересы.

В. А каковы союзники анархистов?

О. Что касается проблемы союзников анархистов, то мы здесь придерживаемся следующей тактики: в конкретных вопросах мы позволяем себе сотрудничать с очень широким кругом организаций. Например, что касается борьбы с фашизмом или каких-то экологических проектов, то здесь наш союзник - каждый, кто действительно против фашистов и действительно желает защищать окружающую среду. В данном случае мы можем говорить о сотрудничестве, например, с либеральными организациями. Но хотел бы подчеркнуть, что речь идет о сотрудничестве на уровне активистов, на уровне базовых инициатив, но мы никогда и нигде не заключаем никаких союзов на уровне официозного партийного руководства. Речь идет о сотрудничестве с *людьми*, а не с политическими организациями. Можно говорить и о каких-то приоритетах. Для нас наиболее близкими являются организации правозащитного характера, экологи, молодежные инициативы, разные независимые общественные организации. У нас неплохие отношения с некоторыми активистами Белорусского Хельсинского комитета. Работаем по антифашизму с молодежью из либеральных, социал-демократических организаций и так далее. Главное для нас - это конкретное дело.

В. Существуют ли в Беларуси какие-то "экстремистские" "левые" группы?

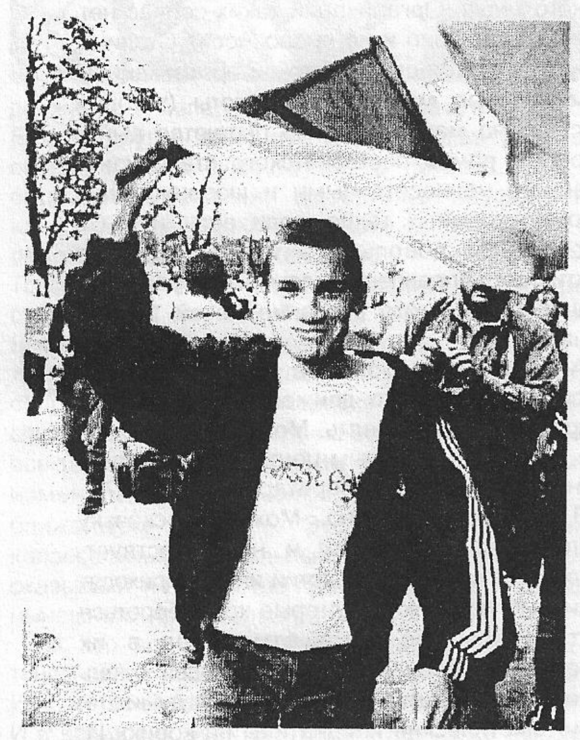
О. Есть отдельные активисты, которых можно причислить к ортодоксальным коммунистам ленинского толка. Организаций таких сейчас нет. Хотя ПКБ формально и не превозносит Сталина, но по сути является сталинистской организацией. А вот отдельные молодые активисты (которых там достаточно мало), которые пытаются выйти за порочные рамки постсоветского сталинизма, ослепленного черносотенными и шовинистическими комплексами, - такие люди есть, и мы с ними работаем довольно активно. Одно из перспективных направлений возможного расширения наших рядов - это создание некой "левой" координации.

В. Анархисты с момента возрождения в Беларуси анархического движения в 80-е годы не прекращали существовать. Можно ли говорить, что они являются реальным центром "кристаллизации" на "левом", антиавторитарном фланге?

О. В общем да, можно. Можно, поскольку иных альтернатив попросту и не существует. Характерный момент: в компартии иногда приходят одиночки - молодые люди, которые хотят бороться с капитализмом, но сама атмосфера в их организациях такова, что она этих людей очень быстро отторгает, выталкивает из себя, душит их антикапиталистические инициативы на корню. И, так или иначе, они тяготеют к нам. В последнее время мы имеем тесные контакты с этими людьми. Любые "левые" инициативы, которые зарождаются сейчас, появляются в том антисталинистском идейном "левом" поле, которое существует за рубежом - и, безусловно, такие инициативы являются родственными для нас, и мы с ними контактируем, общаемся, сотрудничаем.

В. Насколько массово, активно анархическое движение в Беларуси? И есть ли в белорусском анархическом движении активное противоядие против большевизма? (Поскольку не секрет, что некоторые говорят: мы - "левые" прежде всего, все остальное - детали).

О. Большой массовостью мы, по вполне понятным причинам, похвастаться не можем, но активностью, наверное, - да. А что касается противоядия от большевиз-ма, думаю, что оно есть, хотя, быть может, не совсем того сорта, которого бы хотелось. Дело в том, что существуют несколько источников пополнения наших рядов. К нам приходили и приходят люди из "оппозиции" - те, кто пришел туда из лучших побуждений, но, столкнувшись с ее пороками, разочаровался в ней. Представить себе, что эти люди станут продолжателями "дела КПСС", совершенно невозможно. Другой источник пополнения наших рядов - "простая" молодежь, неангажированная идеологически ранее, часто это выходцы из рабочих семей. У них есть тоже, как ни

парадоксально, сильная прививка против тоталитарной псевдокоммунистической идеологии - это связано с теми традициями неопределенной, но вполне реально существующей оппозиции большевистскому режиму, которая существовала в сознании людей в 1960-70-80-е годы - это традиция неприятия всего пропагандистского маразма, который тогда столь активно насаждался, и вообще авторитарных, госкапиталистических функций советского государства.

В. В каких городах сегодня действуют анархисты? Насколько я знаю, сегодня в Беларуси довольно много анархических и околоанархических изданий.

О. Города - Минск, Гомель, Гродно - это основные центры, в которых имеются устойчивые традиции анархистского сопротивления. Инициативы существуют в Бресте, Витебске, Барановичах, в некоторых других городах. Издания у нас весьма разнообразны, очень часто неустойчивы. При всех минусах этой "неустойчивости", у нее есть и свои плюсы потому что эти издания неожиданны, динамичны и разноплановы. Крупнейшее белорусское анархистское издание - это "Навинки". Хотя не все читатели этой газеты догадываются о подспудном "энтризме" анархизма через комиксы и обыгрывание, пародирование "желтой" прессы, однако это издание осуществляет сильный подрыв стереотипов массового сознания. Выходит "Антифашик" - газета, адресованная широким массам и в определенной степени, в то же время, претендующая на теоретичность. Есть и еще ряд проектов. Я, как представитель гомельской организации Федерации анархистов Беларуси, в последнее время пытаюсь со своими товарищами возобновить выпуск нашей региональной газеты.

Также ведется работа в некоторых легальных оппозиционных газетах, где мы получаем возможность выражать свои идеи без каких-либо значительных уступок с нашей стороны. Мы тоже используем эту возможность.

В. Расскажи, каковы репрессии со стороны государства, его карательных структур? С чем сталкиваются активисты анархического и других общественных движений? Насколько силен этот пресс?

О. Да, такая проблема существует. У нас фактически невозможно проводить какие-либо уличные акции - поскольку существует законодательство, жестко преследующее за несанкционированные мероприятия, а санкционированные акции отправляются в такие места на окраинах города, где их проведение просто не имеет никакого смысла. В последнее время прессинг немного ослаблен. Это связано с маневрами режима в преддверии грядущих выборов, с признанием режима или непризнанием его со стороны европейского сообщества. В последнее время имеет место серия исчезновений оппозиционных активистов, нападений на них. Эти явления отражают общую тенденцию к брутализации конфликта, к привнесению криминальных методов в область политики и социальной практики, кто бы за этими акциями не стоял - репрессивно-официозные структуры или какие-то другие организации. Имеет место ультраправый террор, осуществляемый такими организа-циями, как РНЕ и им подобными. Пока он носит локальный характер, но имеет тенденцию к росту.

В. А этот террор имеет место именно в отношении активистов общественного движения?

О. Да. Было несколько случаев - как в Минске, так и в других городах - нападения ультраправых боевиков на активистов общеоппозиционного движения и на активистов антифашистского сопротивления, на членов их семей.

В. Расскажи поподробнее о структуре белорусской РНЕ, как самой крупной праворадикальной организации, о ее связях с криминалом, с госструктурами.

О. Эта организация, безусловно, закрытая, и имеющаяся информация о ней не всегда правдива и полна. Наиболее сильными группировками в Беларуси сегодня являются организации РНЕ в Минске, в Гродно и в некоторых других городах. Белорусская региональная организация РНЕ пыталась организоваться достаточно давно, но успехами она раньше не пользовалась; и рост ее происходит в последние два-три года. Это связано с общим контекстом - как социальным, так и идеологическим, когда праворадикальная идеология, являясь наиболее примитивной и вытесняя другие идеи, переживающие период естественного кризиса, становится популярной. Говорить о связях РНЕ с государством и его спецслужбами довольно сложно. Националистическая белорусская оппозиция довольно часто муссирует тезис о том, что РНЕ действует "под крышей" спецслужб. Но я не думаю, что ситуацию в целом можно охарактеризовать так просто. По-видимому, имеются разные тенденции, подходы к этой организации у белорусских спецслужб - и не стоит полагать, что тенденция позитивного восприятия РНЕ там доминирует. Оснований для этого нет. Но, тем не менее, нет и решительной борьбы со стороны государства против этой одиозной организации. Хотя существует широчайшее неприятие РНЕ, ее символики и ее идей на уровне массового обыденного сознания, учитывая то отношение к фашизму, которое существует в Беларуси после Второй мировой войны. Однако, с другой стороны, та официальная пропаганда панславистских, великодер-жавных шовинистических идей, которая ведется государственными средствами массовой информации, по сути создает почву для роста РНЕ и подобных организаций.

В. Скажи, пожалуйста, пару слов о белорусских правых организациях.

О. Они представляют из себя намного менее значимую силу, чем их русские "коллеги". Это связано, возможно, с тем, что психология фашиста предполагает культивирование силы, и поскольку, с их точки зрения, российская государственность, традиция русского национализма представляется более значимой, более агрессивной, фашизоидные типы устремляются более охотно в организации типа РНЕ. Хотя возникают и попытки представителей белорусского правого радикализма конкурировать с ними на почве ксенофобии, расизма и приносят определенные плоды. Происходит активизация таких организаций, как Белорусская партия свободы и группа Микуса, которые являются чистокровными белорусскими фашистами. Существуют и другие организации, которые пытаются частично использовать такие одиозные идейки - идет процесс "правения", но говорить, что он завершился, пока еще рано. Это тоже тенденция, но тенденция, конечно, настораживающая.

В. Каковы формы и методы деятельности белорусского антифашистского сопротив-ления? И распространяются ли они в той же степени на белорусских националистов, как и на русских националистов?

О. Методы используются разные. Это, прежде всего, пропаганда, выпуск антифа-шистских изданий, листовок, проведение семинаров, конференций и т.д. Система проведения регулярных семинаров по антифашизму вошла у нас в практику - и приносит определенные результаты, поскольку на основе материалов и докладов, представленных на этих семинарах, потом издается наш "пресловутый" "Антифашик". Не исключены, конечно, и иные методы. Поскольку фашисты действуют силовыми средствами, то в некоторых случаях вполне уместна и адекватная реакция. Она имеет место.

Что касается дифференциации между русскими, белорусскими и прочими фашистами, то для нас таковой не существует - мы одинаково относимся к тем и к другим. Будь у нас фашисты китайские, мы бы действовали точно также в отношении к ним. Но нам в последнее время приходилось "работать" больше с русскими фашистами, поскольку в моем городе иных просто не наблюдалось. Появятся иные - я думаю, реакция будет такой же. Да, верно, что некоторые белорусские праворадикальные элементы пытаются камуфлироваться просто под борцов за белорусское национальное освобождение - это, конечно, несколько осложняет их разоблачение в глазах молодежи и людей, которые подвержены воздействию национальной идеологии.

АРГЕНТИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Михаил Магид

Кажется, будто снова просыпается общество, по крайней мере, одно из обществ нашей планеты, и на ход истории начинают воздействовать живые сознательные силы. Массовые протесты в Аргентине и формирование там новых структур самоуправления вновь поставили под сомнение систему Большого Капитализма. Россиянам сегодня с трудом верится в то, что такое возможно...

Над Россией витает дух порядка, дух Большого Брата. Очень и очень многие смирились со своей участью. Люди воспринимают как реальность мир коммерческой и политической рекламы, а заодно и ценности конкуренции, коммерции и индивидуалистического господства над другими. Правда, не все так однозначно. Функционирование капитала не гармонично: он не сдерживает обещаний построить мир грёз наподобие рекламы и вызывает возвратную (протестную) реакцию. По последним данным опросов 60% россиян не доверяют СМИ. Ну, положим, не доверяют, но живут, подчиняясь не ими изобретенным правилам, а куда деваться-то? Но, вот оказалось, есть куда деваться.

СНОВА КЛАССЫ?

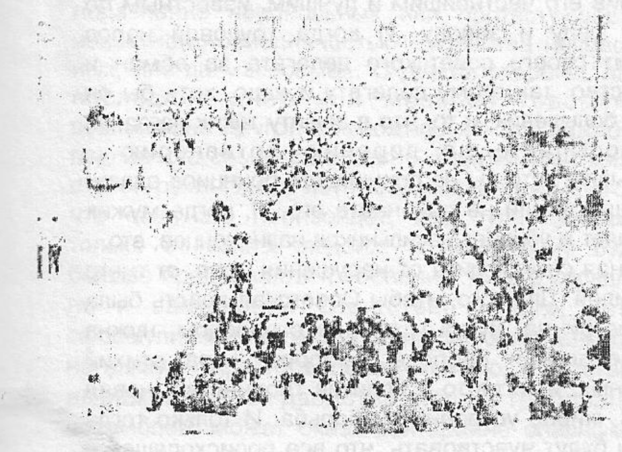
Развитие капитализма, вопреки ожиданиям многих, не привело к росту строительства все более крупных фабрик. Напротив, закрываются не только фабрики, но и целые отрасли промышленности. Вследствие этого наблюдается снижение процента населения, соответствующего архетипу рабочего марксистской или синдикалистской традиции. Это привело к тому, что многие рассматривают класс как старомодную идею. И тем не менее, разделение общества на классы остаётся фундаментальным. Концентрация власти и богатства вместо того, чтобы уменьшаться, увеличивается в виде капитала, контролируемого крошечным меньшинством. Каковыми бы ни были трудовые, культурные и личностные изменения, больше чем когда-либо выросло число людей, которые могут теперь выжить только обменивая свою жизнь на зарплату и попадая во все большую зависимость от капризов экономики.

Даже политкорректная служба "Евроньюс" вынуждена была сквозь зубы признать: "Правящий класс Аргентины замер в ожидании грандиозной первомайской демонстрации трудящихся". Ого! А мы-то думали, СМИ и не знакомы с такими понятиями. У них все больше разговоры о "среднем классе" или, на худой конец, о "бедных слоях населения", но чтобы так откровенно признавалось, что, оказывается, в Аргентине (возникает крамольная мысль, что и в остальных странах тоже!) есть правящий класс и противостоящий ему класс трудящихся... Видно дела делаются необычные, раз такие внезапные признания.

В АРГЕНТИНЕ ВСЕ КАК ВЕЗДЕ

В современной Аргентине, как и во многих странах мира, где в недавнем прошлом большинство населения работало на крупных промышленных предприятиях, ситуация в корне изменилась. Во время приватизационной волны 90-х годов, многие предприятия были куплены американскими корпорациями, после чего закрыты, с тем чтобы не составлять более конкуренцию американским предприятиям. На других прошли массовые увольнения. Сегодня большинство трудового населения Аргентины – это частично или временно занятые наемные работники, мелкие индивидуальные производители, находящиеся в кабальной зависимости от банков и государственных налогов, безработные. Вся эта многомиллионная масса людей, составляющая большинство населения Аргентины, распылена, рассеяна, не сконцентрирована более на крупных предприятиях. Положение всей этой огромной массы незавидное, очень уж она зависима от колебаний рынка. В прошлом эта зависимость наемных работников смягчалась (амортизировалась) системой коллективных соглашений между профсоюзами, бизнесом и государством. Работникам крупных предприятий было легче, кризис не бил так больно, могли снижаться заработки, но без работы (или, на худой конец, без пособия) никто не оставался. А теперь ты сам себе хозяин - формально. Захотел, устроился работать на завод - там временно возникла работа под очередной заказ, когда она закончится, тебя уволят или просто перестанут платить зарплату. Захотел, открыл индивидуальную или семейную торговлю бутербродами на последние сбережения - работай, пока тебя не раздавили более мощные компании, пока очередной кризис не ударил по карману покупателей, пока банк, у которого ты берешь кредит, не начал повышать проценты, пока не повысили налоги, пока не подняли цены на продукты. Захотел, взял временную работу на дом, макетируешь какие-нибудь книги или газеты - пока редакция в этом нуждается, до первого серьезного экономического спада, после которого из десяти таких как ты у редакции останется один (если редакция вообще будет существовать). С пособиями сегодня тоже все не так как в прошлом. Время, в течение которого их выплачивают, постоянно

сокращается везде и всюду, даже в самых богатых странах мира. А в бедных, таких как Россия или Аргентина, это просто не существенно. Сам себе хозяин, сам себе режиссер, "новый самостоятельный". А на самом деле? Полурабочий, полуслужащий, полу- мелкий бизнесмен, полунищий, полулюмпен...

Это все на одном полюсе. А что на другом? Гигантские слияния крупных компаний, в результате которых возникают супергиганты, с капиталом в сотни миллиардов и даже триллионы долларов. Менеджмент и крупные акционеры этих компаний и есть "правящий класс" (плюс еще политики, чиновники министерств и ведомств). Угадайте с трех раз, на кого вы в конечном счете работаете, оставаясь "самостоятельным", кому платите проценты, налоги... Но вернемся к Аргентине.

ПРОФСОЮЗНАЯ БЮРОКРАТИЯ НА МАРШЕ

Большинство все еще занятых в крупной промышленности рабочих состоят в управляемых проправительственными чиновниками профсоюзах. Перонистские профсоюзы (называемые так в честь своего создателя, союзника Гитлера и большого почитателя Муссолини, аргентинского генерала Перона) верой и правдой служат правительству. Почему? Потому что за долгие десятилетия своего существования они привыкли, что власть и бизнес с ними делятся кусочком пирога. Не столько с рядовыми участниками (это тоже было, но осталось в прошлом), а с чиновниками, которые профсоюзами управляют. И так везде. Взять к примеру российский ФНПР, наследник ВЦСПС. Или израильский Гистадрут. К тому же, в Аргентине у власти находится президент, связанный с той же самой перонистской партией, что и профсоюзы, так что надежда чиновников урвать кусочек пирога чуть-чуть больше. Разумеется, при условия отсутствия стачек и полной лояльности.

НАРОДНЫЕ СОБРАНИЯ

Именно поэтому протестная самоорганизация по квартальному, территориальному (а не по производственному принципу) получила максимальное распространение в Аргентине. С нашей точки зрения в этом есть определенные плюсы. Ведь борьба, не привязанная к конкретной фабрике, а нацеленная на изменение самого образа жизни в обществе и общества как такового, позволяет избежать сепаратизма, узости отдельных интересов отдельной фабрики. Настоящий пик классовой борьбы происходит, когда рабочие выходят с предприятий и борются на "территории общества". Но важны, конечно, и непосредственные захваты фабрик суверенными общими собраниями рабочих. Этого в Аргентине пока почти не наблюдается.

Народные собрания, которые каждую неделю собираются в той или иной местности, на сегодня охваты-вают большинство районов 12 миллионного Буэнос-Айреса, распро-страняясь также и по другим провинциям. Начиная с 12 января 2002 г., народные ассамблеи соби-раются в Буэнос-Айресе еженедельно по воскресеньям, чтобы согласовать свои действия и обсудить текущие дела. Эти встречи делегатов от различных районных собраний («interbarrial») выросли в размере и теперь собирают от 3 до 4 тысяч человек. Имеются сообщения о подобных встречах в провинциях. Например, в Розарио регулярно встречаются делегаты, представляющие 24 народных собрания.

Эти встречи обсуждают одновременно программу ассамблей и предпринятые акции. Каждому дается только три минуты на выступление, причем только делегатам, избранным от районных собраний или групп рабочих, позволяется говорит на встречах interbarrial. В конце встречи все предложения выносятся на голосование. В самом начале событий ассамблеи организовывали массовую экспроприацию одежды и продуктов в магазинах и их распределение. Сейчас в основном все свелось к выдвижению тех или иных требований к правительству, к попыткам сформировать устойчивую структуру самоуправления и к организации протестных маршей.

Особенно обращает на себя внимание резко антипартийный характер народных собраний. Люди больше не верят политикам. Как можно им доверять? Левые и правые уже миллион раз обманывали трудящиеся классы: одни обещали райскую жизнь в условиях свободного рынка, другие - райскую жизнь при социализме, когда все основные вопросы будет решать "рабочее государство". А на самом деле и те, и другие неизменно оказывались ворами.

Аргентинский капитал, естественно, испуган событиями, хотя у него в резерве остается несколько сильных "ходов" (например, военный переворот). Одна из официальных медиа, газета "La Nacion" объявила, что «хотя появление этих собраний выглядит следствием усталости народа

и разочарования ненадежным поведением политического класса, мы должны также принять во внимание, что такие механизмы народного обсуждения представляют опасность, так как по своей природе они могут развиться в нечто подобное этой зловещей модели власти – советам". Со своей стороны мы можем только согласиться с подобными аналогиями.

На встрече interbarrial 16 февраля было принято решение о необходимости создания национальной ассамблеи квартальных собраний, а также рабочих и пикетчиков. Было заявлено так же о необходимости передачи власти ассамблеям и о необходимости национализации крупной промышленности и транспорта. Скорее всего, эти требования или намеренья не имеют для аргентинского обездоленного населения ярко выраженной государственнической окраски: как и во время русской революции, люди вкладывают в слова "национализация" и "власть" двойной смысл. С одной стороны, речь может идти об огосударствлении и создании нового аппарата регулирования и подавления (государства), с другой, о самоуправлении через систему квартальных собраний, interbarrial и рабочих комитетов на фабриках. Именно в этой двойственности и скрыта главная опасность.

Аргентинская революция может оказаться дезориентирована - как это произошло с русской революцией. Всегда есть люди и их объединения (партии), которые, манипулируя популярными лозунгами, попытаются установить контроль над движением. Говоря о самоуправлении советов ("вся власть советам!") или народных ассамблей, они попытаются превратить советы делегатов и ассамблеи в новое эксплуататорское государство. Так было в русской революции, где эту роль сыграли большевики, выдвинувшие лозунги власти советов, но, утвердившись внутри самих советов, уничтожившие сами корни системы самоуправления и народной автономии и установившие затем свою партийную диктатуру.

Как тут не вспомнить слова лидера левых эсеров Марии Спиридоновой, писавшей в ноябре 1918 года в своем письме к Центральному Комитету партии большевиков: "...Своим циничным отношением к власти советов вы поставили себя в лагерь мятежников против Советской власти..., своими разгонами съездов и советов и безнаказанным произволом назначенцев-большевиков. Власть советов, это, при всей своей хаотичности, большая и лучшая выборность, чем всякие думы и земства. Власть советов – аппарат самоуправления трудовых масс, чутко отражающий их волю, настроения и нужды. И когда каждая фабрика, каждый завод и село имели право через перевыборы своего советского делегата... защищать себя в общем и частном смысле, это действительно было самоуправление. Всякий произвол и насилие, всякие грехи, естественные при попытках массы управлять и управляться, легко излечимы, так как принцип не ограниченной никаким временем выборности и власти населения над своим избранником даст возможность исправить своего делегата радикально, заменив его честнейшим и лучшим, известным по всему селу и заводу. И когда трудовой народ колотит своего советского делегата за обман и воровство, так этому делегату и надо, хотя бы он и был большевик, и то, что в защиту таких негодяев вы посылаете на деревню артиллерию..., доказывает, что вы не принимаете принципа власти трудящихся или не признаете его. И, когда мужик разгоняет и убивает насильников-назначенцев, это... народная самозащита от нарушения прав, от гнета и насилия. Для того, чтобы Советская власть была барометрична, чутка и спаяна с народом, нужна беспредельная свобода выборов, игра стихий народных, и тогда-то и родится творчество, новая жизнь, живое устроение и борьба. И только тогда массы будут чувствовать, что все происходящее – их дело, а не чужое. Что они сами - творцы своей судьбы, а не кто-то их опекает и благотворит..."

Чего же хотят аргентинцы? Опыт предшествующей жизни толкает их к привычному сценарию:

поддержать какое-нибудь новое правительство, состоящие из новых людей, которое национализирует (огосударствит) фабрики и заводы, даст всем спокойную обеспеченную жизнь, постоянную работу. Ведь почти так когда-то Аргентина и жила, при генерале Пероне, этот опыт, кстати, очень похож на наш собственный недавний опыт жизни в СССР. Правда, это означает и изнурительный труд на фабрике, диктатуру, подавление недовольных или протестующих, с известной периодичностью - убийства недовольных, иногда массовые... С другой стороны, опыт последних дней или месяцев говорит о совершенно другой возможности - возможности подлинного самоуправления – взятия всей жизни в свои руки. Здесь нет никаких гарантий, потому что если это произойдет, все будет зависеть только от самих людей... и не к кому будет больше предъявлять требования... и это страшно, но и заманчиво. Отсутствие ясного, четко сформулированного желания самостоятельно и напрямую управлять своей жизнью, отсутствие, выраженное в двойственности требований ассамблей, может оказаться крайне опасным в самом ближайшем будущем.

В АРГЕНТИНЕ И ВЕЗДЕ!

За шумом и гамом официальных СМИ, редко угадываются настоящие новости. Что мы видим на экранах: марши идиотов-антиглобалистов, непонятно зачем бьющих витрины магазинов и маленьких семейных кафе, наглую физиономию Буша-младшего, уверенно заявляющего о существовании "мировой оси зла" (пришедшей на смену "Империи зла" Рональда Рейгана) и уверенного в необходимости "продолжить и расширить антитеррористическую операцию" (проблемы с семьей Бин-Ладенов, с ними семья Бушей имеет крупные дела чуть ли не с 60-х годов, а теперь, кажется, рассорилась, в чистую). Что еще? Очередная резня на Ближнем Востоке, которую устроили окончательно свихнувшиеся сионисты и их оппоненты из числа палестинских фанатиков-исламистов (интересно, что так было и во время славной венгерской революции 1956 года, самой глубокой из всех революций XX-го столетия, когда параллельно возникновению рабочих советов Большого Будапешта, израильские, английские и французские войска осуществили нападение на Египет). Русский мыслитель XIX столетия Михайловский считал, что когда дремлют живые, сознательные силы истории, действуют бессознательные стихии. Вот мы и смотрим в отвратительное лицо этих стихий, вот мы и видим все эти морды - Буша, Путина, Шарона, Арафата, Ле Пена, Басаева. И то, что за ними: разбитая вдребезги Чечня, целые поля, усеянные трупами, боевые корабли и самолеты, обломки Дженина. И миллионы, миллиарды глаз по ту сторону экрана, безучастно наблюдающие за всем этим.

И все-таки в мире есть настоящее - подлинные события. Так было, когда в 1996 году восстали против приватизаторов и воров, устроивших финансовые пирамиды, города Южной Албании, где возникли на короткое время "мини-республики советов" (по замечательному выражению замечательного мыслителя XX-го столетия Ханны Арендт). И так сейчас в Аргентине.

Настоящая социальная революция не делает ставку на репрессии. Во время венгерской революции 1956 года было расстреляно только двести гэбэшников, причем большинство из них погибло в бою и с оружием в руках, а не у стенки (большевистский режим Ракоши и его ГБ репрессировали около миллиона венгров из девять миллионов населения за десять лет своего правления). Во время восстаний в Испании (в Лабрегате и Таррагоне в 1934 и 1936-ом годах), когда там трудящимися были созданы самоуправляющиеся коммуны, полицейские и солдаты правительственной армии не репрессировались и не один волос не упал с их головы. У них просто отобрали оружие и сообщили, что не собираются просто так кормить: "Полиция и армия больше не нужны, хотите есть, работайте вместе с нами!"

Социальная революция не столько подавляет, сколько "подрывает". Она разрушает почву под ногами своих противников. Она уничтожает старые социальные структуры, заменяя их новыми. Конечно, во время революции, есть люди, мечтающие с ней покончить (финансовая и военная верхушка, государственные чиновники), есть спекулянты, наживающиеся на последствиях революционного хаоса (переход от одного образа жизни к другому всегда сопровождается некоторым хаосом), есть люди, подобные большевикам. Но если большинство обездоленного населения окажется способно преодолеть свое экономическое и политическое "обездоление", т.е. начнет управлять своей жизнью (территорией, предприятиями, инфраструктурой, распределением произведенной продукции) через систему ассамблей и подконтрольных им советов, через систему прямых договоренностей между ассамблеями и непосредственного диалога между индивидами, то исчезнет почва под ногами чиновников и капитала. Последние просто станут не нужны.

Если люди в большинстве своем окажутся способны сами принимать решения, то будут лишены всех своих манипулятивных возможностей большевики. Если самоуправляющиеся инициативы и их ассоциации сумеют обеспечить бесплатное распространение необходимых людям изделий и продуктов, то исчезнет и почва для спекуляции и спекулянтов. Ясное понимание всего этого – условие успеха для аргентинской и любой другой революции.

НОВОСТИ ИЗ АРГЕНТИНЫ

Квартальные ассамблеи, которые появились в столице Аргентины и ее пригородах после протестов в декабре 2001 г., дают конкретные результаты, но постоянно подвергаются атакам со стороны различных политических активистов. Организованные жители вместе закупают продукты питания по более низким ценам. Они создают добровольные бригады, восстанавливающие подключение к сетям электро-, газо- и водоснабжения, если обитателей квартала отключают за неуплату. Они осуществляют самые различные проекты - от огородов для выращивания продуктов питания до соседских касс, которые, будучи неформальными, не обязаны подчиняться правительственному декрету, ограничивающему снятие денег с банковских счетов. Ассоциации жителей кварталов на Западе столицы добились того, что электрическая компания "Эдесур" изучает план приостановки на 180 дней отключения за неуплату. Теперь жители западных окраин требуют сокращения тарифов для тех, кто не имеет работы.

Феномен квартальных ассамблей распространился после манифестаций, которые ускорили отставку президента Фернандо Де ла Руа 20 декабря 2001 г. Насилие и репрессии в те дни вызвали гибель около тридцати человек. На этих собраниях, проходящих обычно в публичных местах, обсуждаются как общенациональные политические и экономические вопросы, так и наиболее насущные местные проблемы, такие как кризис общественного здравоохранения, безработица, нехватка продуктов. На эти проблемы, говорят участники ассамблей, политические руководители не обращают внимания. Организованные жители кварталов на Севере, Юге и Западе аргентинской столицы также страдают от насилия. Муниципальные работники и сторонники традиционных партий - Хустисиалистской (перонистской) и Гражданского радикального союза - запугивают и даже избивают наиболее активных людей. Медсестра из госпиталя района Морон на Западе Буэнос-Айреса рассказала, что ее избили до потери сознания неизвестные лица, которые приехали на автомобиле; до этого они в течении нескольких дней следили за ней. Это произошло после того, как она заявила на одной из ассамблей, что лидер ее профсоюза не защищает трудящихся, а предпочитает политические компромиссы. Когда усилилась организация жителей в Мерло, другом районе на Западе столицы, примерно двести мужчин напали на ассамблею и принялись избивать участников рукоятками топоров, рассказывала местная хозяйка, чье жилье пострадало от необъяснимого пожара. Угрозы по телефону и репрессии (почти всегда исходящие не от полиции) стали чем-то повседневным. Президент Эдуардо Дуальде, назначенный править страной Законодательным конгрес-сом с 1 января 2002 г. по сентябрь 2003 г., осудил движение квартальных ассамблей. Нельзя управлять с помощью ассамблей. "Демократический способ организоваться и участвовать в принятии решений – голосование", - заявил он.

В то время как традиционные политики нападают на ассамблеи, их участники чувствуют вакуум власти и прибегают к своим собственным силам для решения назревших проблем. Очень острой является проблема голода. "Мы не смогли не отреагировать на предложение Национального института агротехнологий ИНТА предоставить двести га пустующих земель под общественный огород. Мы должны решить, кто будет там работать, что нужно производить и для чего", - говорил на ассамблее один из жителей Морона. Другой, более молодой, призвал ускорить дискуссию относительно цен на общественные услуги. Он предложил, чтобы делегат от ассамблей принял участие в переговорах между фирмами, правительствами и организациями потребителей. Хотя активность ассамблей не снижается, число участников в

последние недели уменьшилось. "Сейчас кажется, что приходит меньше народу. Так всегда бывает: с какого-то момента участие снижается. Но важно, чтобы ассамблеи продолжались, чтобы изменить мир, который никому больше не нравится", - заявила Кристина Гуэрра, 54-летняя медсестра, безработная уже в течении 5 месяцев. "Мы живем в очень жестокой системе, в обществе для немногих, и изменить его можно, лишь участвуя в органах, созданных народом", - говорит она. Медсестра добавляет, что в декабре произошел разрыв между людьми и правительством, и предсказывает, что политические руководители столичного региона попытаются затормозить развитие ассамблей. "Им нравится лишь мобилизовать в свою поддержку политическую клиентеллу, тех, кто получает продукты и блага в обмен на участие в выборах и политических акциях. Если мы решим вопросы, мы создадим двоевластие. Если мы добьемся, к примеру, сокращения на 50% платы за общественные услуги для безработных и лиц с минимальными доходами, мы совершим качественный скачок, и участвовать станет куда больше людей", - предрекает Гуэрра.

Жители столичного квартала Палермо-Вьехо организовали зал первой медицинской помощи и одновременно продолжают обсуждать проблемы местной больницы. В Рамос-Мехиа, за пределами столицы, в ассамблее принял участие директор медицинского центра. Как в столице, так и в пригородах ассамблеи проходят раз в неделю. Они направляют также делегатов на interbarrial - межквартальную встречу, чтобы сопоставить критерии и обменяться опытом. Намечено проведение ассамблеи ассамблей в Парке Столетия в Буэнос-Айресе. Участники займутся созданием горизонтальной организации со сменяющимися представителями и комиссиями по различным предложениям.

Многие участники ассамблей считают, что в будущем возможно, чтобы их организации занялись делами, которые прежде считались прерогативой правительства. "Жителям необходимо предоставить пространство для обсуждения демократии", - говорит Хуан Моска, рабочий авиапромышленности из Кастелара. Так считают многие жители, которые на парламентских выборах в минувшем октябре предпочли, несмотря на обязательность голосования, опустить незаполненные бюллетени или вообще не пойти голосовать - в знак того, что они отвергают действия политических лидеров. "19 и 20 декабря пакт о представительстве между народом и правителями был разорван, и наша конституция больше не действует. Иначе не было бы 15 миллионов бедняков и такого беззакония", - заявляет 57-летний Моска, садясь на свой велосипед после межквартальной ассамблеи в Мороне. "Поэтому на этой interbarrial я передал предложение Кастелара приступить к обсуждению, как надо управлять завтра, каков наш политический проект, как нам заменить наших правителей и судей", - говорит рабочий, ветеран Общества развития своего района.

Со времени кризиса в декабре 2001 г. по меньшей мере каждый третий из ответивших на анкету социологического опроса Уго Айме по крайней мере один раз участвовал в квартальных ассамблеях или "кастрюльных маршах протеста" против политиков... 35% опрошенных считают, что речь идет о новой форме политической организации, 16% - что из этой сферы вырастет обновление руководства, а 21,3% полагают, что со временем движение пойдет на спад. Но пока что ассамблеи занимают все большее место в СМИ и создают свои собственные, альтернативные каналы. Радио Морона передает программу "Час ассамблей". Уже издается газета ассамблей – "Аргентина Арде" ("Аргентина в огне"). "Некоторые полагают, что нас мало; но мы, те кто остался, это те, кто что-то делает, те, кто хотят оставить жалобы дома и делать то, чего не делают политики: решать каждодневные проблемы, без партийно-политических аппаратов, только сами, с помощью нашей организации", - заключает Гуэрра.

(По материалам испанской анархической газеты CNT, лето 2002 г.)

Народное восстание в современном Алжире

Об Алжире редко говорят в теленовостях и пишут в газетах. Внимание журналистов привлекают сенсации, обоюдное зверство на Ближнем Востоке, катастрофы, войны и политические скандалы. Что им за дело до проблем обнищавшей североафриканской страны? Между тем, вот уже почти полтора года там происходит самая настоящая революция, которая по своим масштабам отнюдь не уступает событиям в Аргентине.

По размерам территории Алжир - одно из крупнейших африканских государств. На площади в 2,4 млн. квадратных км. здесь живут около 30 млн. человек, причем 70% экономически активного населения - моложе 30 лет. До 1962 г. страна была французской колонией, затем находилась под управлением однопартийной государственно-капиталистической диктатуры. В 1970-х - начале 1980-х гг. Алжир переживал нефтяной бум. Но когда мировые цены на нефть упали, непрочная алжирская экономика рухнула. Оголодавшее и обнищавшее население вышло в 1988 г. на улицы. Армия стреляла в народ, убив более 500 человек. Через три года, на волне всеобщего недовольства на выборах победили фундаменталисты из Исламского фронта спасения. Исламисты обещали власть Аллаха и рыночные реформы. Однако алжирская армия, которая открыто или скрыто правила страной с момента обретения независимости, не собиралась делиться с ними прибылями от приватизации и зарубежных займов. Военные совершили переворот, и между ними и исламистами началась кровавая гражданская война. Она велась с беспримерной жестокостью и унесла на сегодняшний день от 100 до 200 тысяч жизней. Уничтожались целые деревни, армия обстреливала из пушек и бомбила с воздуха населенные пункты, где, как она утверждала, укрывались повстанцы-фундаменталисты; те, в свою очередь, систематически убивали жителей, которые были недостаточно лояльны или осмеливались не слишком рьяно соблюдать исламские обычаи, расправлялись с женщинами, отказывавшимися носить чадру, с иностранцами и т.д. Простые люди оказались мишенью со стороны обоих воюющих лагерей: это была настоящая классовая война сверху против трудящихся. К тому же им пришлось вынести все тяготы неолиберальных рыночных реформ: закрытие большей части предприятий, безработицу, достигшую 40%, отсутствие минимальных условий, необходимых для нормальной жизни. За 8 лет, с 1991 по 1999 гг., покупательная способность алжирских трудящихся упала на 60%. Между 1999 и 2001 гг. число людей, официально живущих ниже уровня бедности, увеличилось с 10 до 14 миллионов. Почти половина населения жила на менее чем 300 франков в месяц, в то время как плата за жилье в бедных кварталах составляла 800-1000 франков в месяц.

Не удивительно, что в одной комнате живут по 7 человек!

МВФ предоставил алжирскому правительству финансовую помощь в обмен на реформу государственного сектора. Это приспособление к новым нормам производства вызывает уничтожение 400 тысяч рабочих мест. С учетом краха промышленного производства в регионе, у уволенных нет никаких шансов найти новую работу. В сегодняшнем Алжире не удовлетворяются даже самые элементарные жизненные потребности трудящихся - многие семьи лишены чистой воды, жилья, электричества. Больше всего страдает от этих социальных условий молодежь. Каждый год на рынок труда выбрасываются новые 300 тысяч человек, которые оказываются ненужными. Из-за высокой платы за жилье молодые люди не могут покинуть свои семьи.

Им остается продлевать время учебы, отдаляя день, когда им придется стать безработными. Рано или поздно терпение людей должно было лопнуть. Убиваемые со всех сторон и измученные нищетой и безнадежностью, они решили послать ко всем чертям и военных, и фундаменталистов, и взять

свою судьбу в собственные руки. В центре бунта вновь оказался регион Кабилии в более чем 100 км к востоку от столицы страны. Кабилия - настоящий сад Алжира. Здесь горы слегка отступают в глубь континента и защищают долины и побережье от жаркого дыхания Сахары. В Кабилии сосредоточена значительная часть населения страны, вынужденного прижиматься к берегу Средиземного моря. И это регион со своими особыми традициями и культурными особенностями. Здесь древнейшее, доарабское население Алжира - берберы - сохранило свой язык «тамазигхт» и сопротивляется насильственной арабизации, которую насаждали и насаждают власти независимого Алжира. Кабилия всегда была очагом бунта: в 1871 г. она поднимала восстание против французских колониальных властей, в 1950-х гг. там находились базы алжирских партизан, боровшихся за независимость, в 1960-х гг. берберское население боролось против столичного диктата, за что поплатилось сожженными и разбомбленными селениями... В 1990-х гг. кабилы поддержали региональные партии, которые объявили себя альтернативой как военной диктатуре, так и исламистам, и обещали демократию. Но и регионалисты-демократы ничего не дали Кабилии. И тогда грянул гром.

Как часто бывает, поводом ко всеобщему бунту стал почти уже привычный эпизод произвола властей. 18 апреля 2001 г. жандармы убили школьника-кабила в городе Бени-Дуала. 21 апреля в другом населенном пункте они похитили трех школьников и избили их учителя. Гнев молодежи выплеснулся на улицы. В течение нескольких недель тысячи молодых людей, школьников, учащихся, безработных демонстрировали, забрасывали коктейлями Молотова и камнями жандармов, громили и сжигали полицейские участки и машины, а также здания государственного управления и суда. Акции с самого начала носили насильственный и антибуржуазный характер. Улицы повсюду оказались под контролем населения. Гнев простых людей обрушился на всю совокупность институтов государства, как военных, так и гражданских, а также на буржуазию. Люди поджигали роскошные виллы, громили склады и универмаги. Пролетарии разбирали товары, в которых они нуждались, и уничтожали то, что всегда было для них символами угнетения и нищеты - поджигали налоговые офисы, префектуры, бюро политических партий (включая и кабильских демократов-регионалистов). Войска и жандармерия открывали огонь по демонстрантам, которые кричали им: "Вы не можете нас убить: мы и так уже мертвы! Власть - убийца!". В результате этой "черной весны" погибло не менее 100 человек. На расстрелы люди отвечали новыми демонстрациями и бунтами. Жандармские и полицейские участки превратились в осажденные крепости, которые снабжались на вертолетах из столицы. Кровавые столкновения с полицией быстро вышли за пределы Кабилии и распространились на другие районы страны. Своего пика в этот, первый период движение протеста достигло 14 июня 2001 г., когда на улицы столицы - города Алжир, в котором живут 3 миллиона человек, - выплеснулось людское море - от 500 тысяч до 2 миллионов манифестантов. На камни и зажигательные снаряды демонстрантов полиция отвечала слезоточивым газом и водяными пушками, а также настоящими пулями. Несколько складов в Алжирском порту были разграблены.

Восстания весны 2001 г. были стихийным взрывом. Они не контролировались никакой политической партией, никаким идеологическим течением. Фундаменталистов и власть в Кабилии ненавидят, бер-берским партиям досталось не меньше, чем другим. Попытки изолировать движение, объявив его чисто берберским, провалились. В крови и дыму "черной весны" родилась самоорганизация взбунтовавшегося народа. Она приняла форму возродившейся кабильской родовой общины - ааpш.

Аарш заявляют, что никаких переговоров с властями относительно этих требований быть не может

Какому-нибудь неуемному поклоннику прогресса эта деталь может показаться дикой, отсталой и консервативной. Но нет: речь идет не о патриархальном фундаментализме или исламском Домострое, а о людях, которые призывают к расширению участия женщин в движении и к их равноправию. Активисты аарш не обожествляют своих старейшин и не собираются замыкаться в узком родовом кругу. Они объединяют свою деятельность с соседями, жителями других общин, округов и областей,

создав структуру, которая собирается охватить все общество. Как и в Албании 1997 г., и в Аргентине 2002 г. здесь можно наблюдать возрождение глубинного чувства человеческой солидарности: люди спонтанно восстанавливают местные связи, разрушенные капиталистическим развитием; они отбрасывают прочь не только контроль со стороны центральной власти и политических партий, но нередко и влияние местных авторитетов. И, выступая как настоящие стихийные анархисты, то есть сторонники народной самоорганизации и самоуправления, они кладут в основу новой гражданской структуры суверенные и автономные местные общие собрания жителей. Эту форму мы можем обнаружить сегодня в самых разных движениях и выступлениях, в самых разных и непохожих странах и ситуациях. Мы можем считать ее самой современной формой социального движения.

Политическая доктрина бунтарей весьма проста: это вызов всей существующей социальной системе.

Лето и осень 2001 г. стали временем оформления нового движения - "Координация аарш, округов и общин". Оно провозгласило своими принципами многообразие, независимость от власти и любых партий, отказ от любого союза с политическими формированиями и от подмены ими движения. "Движение, - говорится в его Руководящих принципиах, - запрещает себе превращение в политическую партию, в передатчик и подпорку политических партий и любых иных ассоциаций". Вместо представительной демократии, в основу системы аарш положены горизонтальность и прямая демократия, то есть самоуправление и федерализм. В кварталах и деревнях действуют общие собрания, которые автономно решают все вопросы, касающиеся борьбы и действий на местах. Эти собрания избирают также делегатов на окружные собрания; по такому же принципу собираются областные собрания и межобластные конклавы. Все основные решения принимаются снизу вверх: они выносятся и обсуждаются первоначально на местных общих собраниях, а затем отстаиваются их делегатами на более высоких уровнях, причем делегаты обязаны представлять их, а не высказывать свое личное мнение. Иными словами, они связаны обязательным наказом и могут быть отозваны в любой момент. Функции окружных, областных и межобластных органов движения сводятся исключительно к координации деятельности, ее обсуждению и согласованию, причем решения принимаются с помощью консенсуса (общего согласия). В эти органы координации входят делегаты соответственно от округов или областей, а также члены избираемых президиумов-троек, которые постоянно меняются. "Межобластная координация, - указывается в документах движе-ния, - не образует какой-либо организационной структуры, но служит лишь местом синтеза размышлений снизу с целью объединить действия и соединить пути и средства их осуществления".

Конечно, аарш, несмотря на глубоко анархистский дух всеобщего самоуправления, нельзя считать осознанно анархистским (анархо-коммунистическим) движением. Они выросли из существующего общества, со всеми его противоречиями, муками и путаницей. Аарш непартийны, но (все еще?) не антипартийны, они против идеологического господства, но не против буржуазной и реформистской идеологии как таковой. И их требования, утвержденные в платформе Эль Ксер, не предусматривали создания нового свободного общества. Они чисто негативны.

Аарш требуют от властей признать ответственность за массовые репрессии, предоставить компенсацию их жертвам и судить гражданским судом виновников, вывести отряды жандармерии и сил безопасности, прекратить преследования участников бунтов, признать культурные права берберов и равноправие их языка тамазигхт с арабским; они требуют гарантий всех социально-экономических прав и гражданских свобод, прекращения политики недоразвития, обнищания и пауперизации алжирского народа, демократического контроля над всеми исполнительными инстанциями и службой безопасности, прекращения коррупции и выплаты всем не имеющим работы пособия по безработице в размере 50% минимально гарантированного уровня зарплаты. Можно, конечно, считать эти требования реформистскими. Но здесь стоит обратить внимание на немаловажный момент: аарш заявляют, что никаких переговоров с властями относительно этих требований быть не может! Иными словами, эти требования сами по себе не меняют систему, но ставятся они по-революционному и создают революционную динамику. Никаких конкретных реформистских рецептов бунтовщики не предлагают. Логика здесь такова: мы не признаем вашу

власть своей, мы не желаем диалога с ней, не несем и не желаем нести за нее ответственность; извольте сделать то, что мы требуем немедленно, нам совершенно все равно, как вы это сделаете; не хотите добром - мы вас заставим! Иными словами, политическая доктрина бунтарей весьма проста: это вызов всей существующей социальной системе.

Движение разработало Кодекс чести для своих делегатов на всех уровнях; за неисполнение его принципов делегаты отзываются. Эти правила запрещают любые прямые или косвенные связи с властью, занятие государственных и политических постов, использование движения в партийных или предвыборных целях, а также участие в борьбе за власть вообще. Делегаты обязались также не придавать движению региональный (чисто кабильский) характер и не узурпировать право говорить от общего имени. Что касается социально-экономической стороны борьбы, то здесь нет надобности что-либо требовать. При любой возможности люди стихийно обобществляют богатства, в которых они испытывают нужду. Они делают это явочным порядком, с помощью прямого действия.

Аарш заявляют, что их выступления носят мирный характер. В действительности, это далеко не всегда так. Молодежь нередко нападает на жандармские участки, адпминистратитвные здания и поджигает их. Скорее под мирным характером активности подразумевается неиспользование огнестрельного оружия, то есть о полномасштабных военных действиях речь пока что не идет. На практике основная форма борьбы, которую практикует не имеющее оружия алжирское население, - это гражданское неповиновение. Люди бойкотируют власти, официальных лиц и жандармов, не исполняют их приказы и распоряжения. Нередки нападения на тех, кто нарушает или не соблюдает бойкот.

Весной 2002 г. аарш провозгласили бойкот парламентских выборов. К этой мере вынуждены были присоединиться - под сильным нажимом снизу - и кабильские регионалисты. В результате 98% жителей Кабилии не участвовали в выборах. Движение пытается всеми силами, морально и физически изолировать государство, его органы и службы от общества. Власти отвечают арестами активистов движения. В конце июля 2002 г. аарш предъявили государству ультиматум, требуя немедленно освободить всех арестованных. В противном случае они пригрозили начать выдворение представителей государственной администрации из Кабилии...

Алжирские трудящиеся делают лишь первые шаги по пути революции. Но они быстро учатся. Аарш еще говорят по старой привычке о семье демократических народов, но тут же обличают демократические западные державы, упоминают о гипотетических демократических выборах, но признают, что они невозможны и что представительная система ничего не дает, что необходим народный контроль. "Мы весь этот год размышляли, - сказал 24 марта 2002 г. один из бунтарей в столице Кабилии Тизи-Узу, - вся власть должна уйти, иначе наши проблемы так и не будут решены".

Решение, за которое выступают аарш, - это переустройство Алжира по горизонтальному принципу с председательством, переходящим от общины к общине..., - так сформулировал позицию алжирского революционного движения делегат из Эль-Ксер Али Герби.

Кабилия стала сегодня - наряду с Аргентиной - символом возрождения духа солидарности, этики и эстетики сопротивления. Лимит на революции - как бы этого ни хотелось тем, кто нами правит - не исчерпан.

ULAC SMAH ULAC, что на языке тамазигхт означает: БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Вадим Дамье, по материалам французской анархической прессы

Тоталитаризм: темное прошлое или "светлое будущее"?

Михаил Магид

Понять всю ширину и действительность, понять всю святость прав личности и не разрушить, не раздробить на атомы общество – самая трудная социальная задача. Ее разрешит, вероятно, сама история для будущего, в прошедшем она никогда не была разрешена.

А.И.ГЕРЦЕН

ЧАСТЬ I
ТОТАЛИТАРИЗМ В XX СТОЛЕТИИ

Двадцатый век вошел в историю как век тоталитаризма. То была эпоха, когда во многих странах мира государственная машина полностью подчинила себе общество и личность. На протяжении десятилетий в этих странах господствовала система тотальной государственной регламентации общественной и частной жизни.

Уничтожение людей в эту эпоху превратилось в рутину, стало чем-то вроде работы механических станков. В ходе Второй мировой войны нацисты отправили в лагеря уничтожения и в трудовые концлагеря миллионы евреев, славян, лиц других национальностей. Этот геноцид сопровождался такими, например, заявлениями:

"Между собой мы можем называть вещи своими именами... Я имею ввиду... истребление еврейской расы... Большинство из вас должно знать, что это значит, когда рядами один к одному лежат 100 трупов, или 500, или 1000. Выдержать все это до конца и остаться при этом порядочными людьми за некоторыми исключениями, что называются подчас человеческой слабостью, - вот что делает нас твердыми..." (из выступления шефа СС Генриха Гиммлера перед эсэсовскими генералами в Познани 4 октября 1943 г.). Или: "Другим усовершенствованием, сделанным нами, было строительство газовых камер с разовой пропускной способностью 2 тысячи человек, в то время как в десяти газовых камерах Треблинки можно было истреблять за один раз по двести человек в каждой" (из показаний Рудольфа Хесса, начальника лагеря Освенцим, на судебном процессе в Нюрнберге).

Подобного рода отношение к своим жертвам прослеживается и в действиях большевистского режима в СССР. "Обширное крестьянское восстание в Рязанской губернии было вызвано нашими безобразиями,- писал в 1918 году уполномоченный ВЦИК, Овсянников. - Оно не затронуло только два уезда - Скопинский, где проводилась мягкая политика, и Данковский, в котором невероятным террором было задавлено все... С крестьянством можно обращаться только двумя способами – или пряником, или палкой до бесчувствия". "Бесспорно, принципиальный наш взгляд на казаков, как на элемент, чуждый коммунизму и советской идее, правилен, - писал в 1919 году другой высокопоставленный большевик, И.Рейнгольд. – Казаков, по крайней мере, огромную их часть, надо будет рано или поздно истребить, просто уничтожить физически, но тут нужен огромный такт, величайшая осторожность и всяческое заигрывание с казачеством. Ни на минуту нельзя упускать из виду того обстоятельства, что мы имеем дело с воинственным народом".

Тоталитаризм поставил перед человечеством новые вопросы. Как все это оказалось возможно? Почему люди могли совершать столь немыслимые злодеяния? Можно ли вообще после всего этого говорить о каком-либо прогрессе в человеческих отношениях и в обществе за последние несколько тысячелетий? Или, наоборот, стоит поговорить о регрессе и деградации человечества?

Правда и в том, что многие люди скажут, что во времена тоталитарных режимов они испытывали чувство единения, чувство причастности к великим событиям, что они были меньше отчуждены друг от друга, чем теперь. Что же это за общественный строй, в рамках которого сочетаются несочетаемые вещи: холодная механическая жестокость и чувство солидарности, вера в общее счастье?

ТОТАЛИТАРИЗМ КАК НОВАЯ ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Отметим, что идеологи самих тоталитарных режимов могли вообще отрицать принадлежность своей власти к тоталитарным системам (как это

было в СССР) или, напротив, открыто провозглашать ее таковой и даже пытаться определить основные черты такой формы господства. Известно высказывание лидера итальянского фашизма Бенито Муссолини: «...Для фашиста все - в государстве, и ничто человеческое или духовное не существует и тем более не имеет ценности вне государства. В этом смысле фашизм тоталитарен, и фашистское государство как синтез и единство всех ценностей истолковывает и развивает всю народную жизнь, а также усиливает ее ритм». Таким образом, теоретики и создатели тоталитарных режимов сами обратили внимание на одну из главных характерных черт феномена тоталитаризма : указанные режимы представляли собой крайнюю форму выражения этатистских тенденций, господства государства над обществом. Поглощение общества государством и означает модель «тотального», то есть всеобъемлющего, всеохватывающего государства, которое полностью растворяет общество в себе. «Начало авторитаризма во всех существенных отношениях диаметрально противоположно началу тоталитарного господства, – писала исследовательница тоталитаризма Ханна Арендт. Авторитаризм в любой форме всегда стесняет или ограничивает свободу, но никогда не отменяет ее. Тоталитарное же господство нацелено на упразднение свободы, а отнюдь не на ограничение свободы, сколь бы тираническим оно ни было». Стремление к неограниченной власти «содержится в самой природе тоталитарных режимов. Такая власть прочна только в том случае, если буквально все люди, без единого исключения, надежно контролируются в любом проявлении их жизни».

Barbara Olszewska Dyoniziak

В отличие от обычного диктаторского режима или от авторитарных режимов прошлого, которые допускают существование подчиненных ему и интегрированных в общую вертикаль общественных единиц (общин, союзов, ассоциаций) внутри системы, тоталитарная власть осознанно пытается уничтожить любые неформализованные, горизонтальные связи между индивидами и не допустить существование каких-либо пространств, свободных от государственной опеки. Государство в этом случае мыслится как регулятор или даже заменитель всех социальных взаимоотношений, вплоть до самых интимных (так, в Советском Союзе семейные проблемы нередко обсуждались и разрешались на заседаниях парткомов). Парадоксально, но тоталитарное государство при этом опирается на стимулируемую и направляемую им самим массовую инициативу снизу.

ТОТАЛИТАРИЗМ КАК "АКТИВНАЯ НЕСВОБОДА"

Говоря о тоталитаризме, обычно обращают внимание на то обстоятельство, что такая система основана на тотальном поглощении общества и личности государством. Однако, это – лишь внешняя оболочка тоталитаризма. Внутренний стержень тоталитаризма – это феномен, который современный израильский политолог Яаков Овед называет «активной несвободой». В отличие от классических авторитарных диктатур, основанных на принципе «пассивной несвободы» - запрета «делать что-либо конкретное», тоталитаризм утверждает «активную несвободу», т.е. он стремится подвести личность или коллектив к такому состоянию, при котором они бы «сами делали только то, что можно».

Данный феномен является результатом внушения массам определенной идеологии, вследствие чего они становятся добровольными и, зачастую, активными соучастниками политики и преступлений режима. Но это было бы невозможно, если бы тоталитаризм не предоставлял людям определенную психологическую компенсацию. Тоталитаризм предлагает людям веру, стройную систему координат, коллективную идентичность, чувство локтя и, наконец, своего рода, эйфорическое чувство растворения в огромности ликующих и бьющихся в ненависти людских потоков.

Тотальное принуждение и контроль государства над обществом в сочетании с направляемой самим государством активностью масс – эти два феномена составляют сердцевину тоталитарного строя и очерчивают его границы.

Тема "активной несвободы" достаточно подробно и глубоко затрагивалась различными исследователями тоталитаризма. Конечно, первыми вышли на эту проблему сами тоталитарные движения и их вожди. Уже Владимир Ленин определял большевистский порядок в России как сочетание диктатуры пролетариата (под которой понималась власть партии большевиков и управляемого ею государства) и "живого творчества масс". Адольф Гитлер, будучи еще молодым человеком, стал свидетелем миллионной демонстрации рабочих в Вене, организованной социал-демократами, испытав при этом ужас, а затем и восторг. Ужас

оттого, что вся эта умело направляемая вождями масса людей могла легко раздавить своих противников (к каковым он относил и себя). Восторг оттого, что к нему пришло понимание мощи массовых движений, которые могут быть направлены манипулирующей ими силой в нужную сторону.

Из тех, кто не желал принимать тоталитаризм, первыми обратили внимание на феномен активной несвободы участники Кронштадтского восстания 1921 года, первой антитоталитарной революции в XX-ом столетии. В газете, издававшейся кронштадтским временным революционным комитетом в марте 1921 года, говорилось: "...Но наиболее позорно и преступно моральное порабощение коммунистами: они не останавливаются даже перед внутренним миром трудящихся, но заставляют их думать так же, как они".

Всеволод Волин, анархист, участник русской революции и один из наиболее непримиримых критиков СССР, одним из первых обратил внимание на то обстоятельство, что в некоторых странах мира сложились условия для восприятия массовыми движениями идей диктатуры, увидел в этом сходство фашизма и большевизма, и, таким образом, открыл дорогу к осмыслению феномена тоталитаризма и активной несвободы. Он писал в своей работе под названием "Красный Фашизм" в начале 30-х годов : "Если идея диктатуры - жестокой или подслащенной - встречает всеобщее признание и одобрение, то путь для фашистской психологии, идеологии и действия открыт... Когда эта идея... подхватывается и претворяется на практике идеологами неимущих классов как средство их освобождения, этот факт следует признать... опасным заблуждением. Будучи по существу фашистской, эта идея, примененная на практике, фатальным образом ведет к глубоко фашистской социальной организации". Конечно, и авторитарные режимы нуждаются в признании их обществом и не могут опираться исключительно на штыки. Но их вполне устраивает конформистское приятие их политики и они никогда не стремятся овладеть "внутренним миром людей" и добиться их активной поддержки режима и прямого соучастия в его политике и преступлениях.

Настроения, характерные для состояния "активной несвободы", точно описала российская писательница-мемуаристка Евгения Мельцер, уже в советское время, в конце 20-х годов : "Женя очень любила праздники 7 ноября и 1 мая. Они были вехами жизни страны, ее стремительного бега, вехами ее личной жизни, ей казалось, что каждый такой день она переживает и помнит по-особому. И затем, это ни с чем не сравнимое чувство растворения в воодушевленной победным торжеством массе людей, когда все на одном дыхании, на одной мысли, в одном порыве". Здесь обращает на себя внимание не только эйфорическое чувство растворения в толпе, которое, как мы увидим позже, является, по-видимому, проявлением древних, доиндустриальных форм существования человека. Возможно, самое печальное и самое абсурдное в этой ситуации то, что люди празднуют "победу" в нищей и полуголодной стране, на которую неумолимо накатывается волна чудовищных по своему размаху и жестокости государственных репрессий. Люди празднуют победу государства над собой, празднуют свое собственное сокрушительное поражение. Здесь мы сталкиваемся с одним в высшей степени важным аспектом активной несвободы: в ситуации, когда насилие становится невыносимым, а у людей нет сил и возможностей от него уклониться, они могут реагировать на это насилие проявлениями любви к тем, кто его осуществляет. Джордж Оруэлл указывал на странную привязанность, которую испытывает жертва пыток к палачу, ссылаясь на рассказы людей, подвергавшихся репрессиям в тоталитарных странах. А другой крупный исследователь тоталитаризма, Эрих Фромм, называл это "проявлениями садо-мазохистского характера". "Великолепное и ужасающее зрелище представляют собой движения все более однообразных по своей форме масс - писал фашистский философ Эрнст Юнгер, - Каждое из этих движений способствует тому, что они захватывают все сильнее и безжалостнее, и здесь действуют такие виды принуждения, которые сильнее, чем пытки: они настолько сильны, что человек приветствует их ликованием. За каждым выходом счастья его подстерегают боль и смерть".

Еще один важный аспект состояния активной несвободы - это принцип коллективной ответственности и коллективное чувство вины. Почему тоталитарному государству так важно было добиться всенародного одобрения всех его мероприятий, в особенности репрессий? Почему оно непрерывно осуществляло многолюдные собрания на фабриках и заводах, массовые уличные шествия, где часто звучали призывы к уничтожению классовых врагов или представителей неполноценных рас? "Единство, единство – восклицает герой рассказа Франца Кафки "На Строительстве Великой Китайской Стены", – все стоят плечом к плечу, ведут всеобщий хоровод, кровь, уже не замкнутая в скупую систему сосудов отдельного человека, сладостно течет через весь бесконечный Китай и все же возвращается к тебе". В этом восклицании, вложенном писателем в уста участника "великих строек", обращает на себя внимание двусмысленный образ крови. Кровь здесь - это символ массовых убийств, скрепляющих народное единство в тоталитарном государстве. Когда все повязаны кровью, отступать назад, может быть, уже поздно, слишком велико чувство вины, остается только продолжать в том же духе.

Следствием активной несвободы является исчезновение человека как такового, его превращение в незначительную деталь террористической машины тоталитарного государства. В этом качестве он обречен на быстрый износ, на перемалывание жерновами гигантской машины, которая не позволяет раскрыться многообразию его натуры, заглушает в нем способность мыслить и чувствовать самостоятельно, растворяет его личность в поклонении вождям, в экстазе истерического самопожертвования. В сущности, тоталитаризм, несмотря на все величественные "мистерии" крови и почвы, нации или класса, есть ни что иное, как "никогда не прекращающийся скандал".

ДОИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ

С самого начала своего существования люди жили небольшими сообществами, которые соответствовали их глубинным социальным инстинктам взаимопомощи. На протяжении истории эта коллективная жизнь проявлялись в различных формах - родов, племен, общин и их объединениях. Труд, быт и иная деятельность человека на протяжении тысячелетий определялись традициями, различия между членами общества, касавшиеся их деятельности, носили временный характер и не сопровождались социальными привилегиями. Военные задачи и потребность в координации хозяйственных усилий общин способствовали постепенной концентрации и закреплению властных функций в руках верхушки вождей и жрецов. Так сложилась постоянная власть, из которой 5-6 тысяч лет назад выросло государство. Однако, хотя подавляющее большинство политических систем доиндустриальной эпохи мы сегодня назвали бы авторитарными, вмешательство государства в жизнь сельской общины или ремесленной корпорации прошлого было обычно очень ограниченно. Так в средневековой Европе сохранялась автономия крестьянских общин, ремесленных союзов, цехов, ассоциаций, монастырских братств и т. д., причем государства мало вмешивались в их внутреннюю жизнь.

Развитие народов и культур шло различными, а иногда и схожими путями. Если в Европе постепенно складывались, вследствие политики абсолютистских государств, институты частной собственности, из которых постепенно вырос современный капиталистический индустриализм, то положение в остальном мире было совершенно иным. "Государство здесь – писал Карл Маркс о странах Востока – верховный собственник земли. Суверенитет (т.е. - верховная власть) здесь – земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе... В этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное пользование землей". Поскольку земля в древности была основным средством производства, то можно сказать, что в руках государства и государя была сконцентрирована не только политическая, но и огромная экономическая власть, подавлявшая личность и общество. Колоссальное большинство населения при этом составляло общинное крестьянство, жившее главным образом самообеспечением (натуральным хозяйством), имевшее землю в пользовании (но не в собственности) и обрабатывающее ее на основах коллективизма и известного имущественного равенства (хотя в некоторых регионах Востока имелись и городские центры, где развивались ремесленные и торговые структуры). С легкой руки Маркса этот порядок вещей принято называть "азиатским деспотизмом". Подробный анализ этого общественного устройства содержится в трудах знаменитого немецкого исследователя Карла Виттфогеля, современного русского историка-востоковеда Леонида Васильева и других.

Азиатский деспотизм обычно цементировался мощной культурной традицией. В России это была освященная церковью власть царя, "самодержца земли русской", что понималось отнюдь не в переносном смысле: помимо огромных земельных угодий, принадлежавших непосредственно государству, помещики также, в какой-то степени, воспринимались как государственные управляющие землей. Хотя они и могли покупать и продавать землю, государство активно вмешивалось в земельные отношения. При этом подавляющее большинство населения составляло общинное крестьянство, которое находилось в крепостнической зависимости от государства и помещиков.

В исламском мире было принято считать, что земля принадлежит Аллаху, от имени которого ею управляет халиф или султан. Китайская культура на протяжении более чем двух тысячелетий испытывала сильнейшее влияние идей конфуцианства – общественной теории, в основе которой лежало подчинение авторитету старших, представление о "священной власти императора", который управляет страной и земельными угодьями через разветвленный государственный бюрократи-ческий аппарат и, наконец, коллективистские, уравнительные представления о социальной справедливости.

Но не следует думать, что Восток был миром абсолютного господства государства. И здесь существовала известная автономия сельской общины, бывшей во многих отношениях самостоятельным, самодостаточным замкнутым миром, жившим по древним традициям и правилам. Причем в тех случаях, когда государство допускало серьезное вмешательство во внутренние дела общины или оказывало на нее чрезмерное экономическое (налоговое) давление, община могла реагировать повстанческими действиями, с тем, чтобы восстановить попранную социальную справедливость.

Традиционные общественные институты на Западе оказались под давлением со стороны растущего индустриального капитализма, поддерживаемого, поощряемого и развиваемого государством. В результате социальные связи, основанные на нормах солидарности и взаимопомощи, подверглись размыванию и разрушению. Процесс становления индустриально-капиталистического общества развернулся и завершился в странах Европы, а затем постепенно стал охватывать все новые страны и континенты, принимая различные и, подчас, весьма причудливые формы.

УСКОРЕННАЯ ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Нарастание тоталитарных тенденций, роли государственного регулирования во всех сферах общественной жизни и начало массовых репрессий исследователи тоталитаризма связывают с процессами ускоренной индустриальной модернизации. По мнению современного американского политолога Элвина Тоффлера, технологическое развитие человечества проходит волнообразно и можно выделить три основные волны технологических изменений. Первая волна – это начавшаяся много веков назад и давно завершившаяся аграрная революция, приведшая к переходу человечества к новым общественным отношениям, покончившая с собирательством и сформировавшая первые цивилизации, известные историкам. Вторая волна – это начавшаяся примерно 300 лет назад индустриальная революция, основанная на фабричном производстве, ознаменовавшаяся становлением известных нам форм общественного устройства. В качестве одной из основоопределяющих черт индустриализма Тоффлер видит разрыв между производством и потреблением и господство первого над вторым. Теперь уже, в отличие от доиндустриальных аграрно-ремесленных сообществ, исчезает самопроизводство (производство для удовлетворения собственных потребностей и потребностей сообщества, к которому принадлежал человек) и ему на смену приходит производство товара, т.е. продукции, потребляемой анонимным потребителем и предназначенной для извлечения прибыли производителем (иначе говоря, "товарное производство", капитализм).

Именно с индустриализмом связано, по мнению Тоффлера, появление тоталитарных режимов. Они были порождены индустриальным обществом, с его бюрократизмом, гигантоманией, стандартизацией, анонимностью. Гигантские фабрики способствовали росту бюрократизма в обществе, требовали усиления регулирующей роли государства, которое должно было теперь все более тщательно следить за послушанием многомиллионных масс рабочих, занятых изматывающим монотонным трудом. Особенно усилилась эта тенденция с переходом к "фордизму" - конвейерному производству, впервые введенному на заводах Форда. Эта форма организации фабричного труда характеризуется высоким уровнем специализации, разбиением процесса труда на множество мелких, относительно простых операций, жесткой субординацией, абсолютным подчинением нижестоящих производственных инстанций вышестоящим, системой поощрительно-карательных мер с целью оптимизации процесса труда. Такая система организации труда могла привести и в некоторых случаях (СССР, нацистская Германия) приводила к появлению соответствующих ей форм диктаторской государственной власти, основанной на тотальной регламентации общественной жизни. С ускоренным ростом промышленного потенциала в этих странах связывали надежды на мировое господство или, по крайней мере, на равноправную игру на мировой политической арене с другими промышленно развитыми странами.

В отличие от Тоффлера, мы не склонны считать развитие индустриальной формы человеческого сообщества единственной и основной причиной возникновения тоталитаризма. Однако связь капиталистического индустриализма и тоталитарных тенденций представляется несомненной.

В СССР...

Система так называемого «реального социализма» в СССР, как и другие тоталитарные системы, проводила разновидность форсированной индустриальной модернизации. Большевики - ленинцы-сталинцы - форсированным темпом создали в России основы индустриальной системы, причем методы, к которым они прибегали, были продолжением и радикализацией той политики индустриализации, которая была начата еще самодержавием. С 60-х годов 19 века царским правительством активно проводилась промышленная модернизация страны, хотя, конечно, это делалось в масштабах, не сопоставимых с советской эпохой. При этом государственные кредиты играли огромную роль в горнодобывающей, текстильной, металлургической промышленности, без них было бы невозможно и строительство гигантских железных дорог. Основных источников для подобного кредитования у российского государства было два. Первый - государственные облигационные займы, распространявшиеся на немецком, французском, бельгийском и британском рынках ценных бумаг. И второй - жесткая налоговая политика, в частности за счет роста косвенных налогов на товары широкого потребления. Эти налоги тяжелым бременем ложились на плечи городского и, прежде всего, сельского населения, причем это последнее

составляло, как известно, огромное большинство населения страны. Подобная ситуация приводила крестьянство к разорению и способствовала росту числа переселенцев в крупные промышленные центры, обеспечивая новые растущие предприятия дешевым трудом. В определенном смысле это означает, что русская промышленность развивалась во многом за счет государственной эксплуатации общинного крестьянства, и конечно, такое положение дел не могло не приводить к росту социальной напряженности как в деревне, вся внутренняя жизнь которой была нарушена подобной политикой, так и в городах, где скапливались миллионные массы озлобленных разоренных людей, лишившихся привычных условий жизни и труда, вырванных из привычной для них социальной среды.

Как пишет современный российский историк Сергей Павлюченков, "так называемый "военный коммунизм" (экономическая и социальная политика большевистского режима 1918-1921 гг. – прим. ред.) естественным образом возник в России из ее традиционного государственного крепостничества, из казенной и частной промышленности, вскормленной на тяжелых налогах на средние и беднейшие слои населения. Только такая страна, как Россия, имела на заре XX века необходимые исторические предпосылки и подготовленную почву для проведения широкомасштабного опыта по качественному усилению сознательного государственного начала в управлении обществом, и глубокому проникновению в процессы социального развития. Никакая иная страна не могла бы предоставить в руки... революционеров столь мощные рычаги власти над массами". Для России 1918 года, с ее подорванной войной экономикой, этот введенный большевистским государством тоталитарный общественный порядок, с его жесткой государственной централизацией экономики, равно как и всех прочих сфер общественной жизни, и насильственным выкачиванием хлеба из деревни, оказался одним из возможных вариантов общественного устройства. Тем самым большевики осуществили обусловленные военным положением преобразования. Однако эти меры натолкнулись на решительное сопротивление части рабочего класса и многомиллионной массы трудового общинного крестьянства. Поэтому в 1921 году большевистская диктатура едва не была сметена волной крестьянских восстаний и вынуждена была отказаться от данной политики. Прямое ограбление деревни в таких масштабах прекратилось. Крестьянам было позволено свободно распоряжаться произведенной ими продукцией: продавать ее или непосредственно обменивать на изделия городской промышленности. Наступил НЭП - передышка перед новым мощным наступлением на трудящихся города и деревни. Все двадцатые годы крестьянская община по-прежнему существовала и оказывала, порой, стойкое сопротивление налоговой политике большевистского государства.

К концу 20-х годов СССР оставался еще слаборазвитой, преимущественно аграрной страной. Около 80% населения жили в сельской местности; около 2/3 продукции народного хозяйства давали сельскохозяйственные отрасли, и лишь 1/3 - промышленность. Индустрия страны едва только начала превышать довоенный уровень. Оказавшись у власти в огромной стране, правящая партийно-хозяйственная номенклатура, по существу, очутилась в том же положении, что и царский режим. Она не меньше его стремилась к имперской, державной политике, но материальная база для такого курса оставалась по-прежнему чрезвычайно узкой. Для этого понадобилась бы широкомасштабная модернизация страны, создание мощной современной тяжелой и военной промышленности. С этим власти связывали не только решение внутренних проблем, но и независимость и мощь государства, его экспансионистские возможности, а значит, стабильность господства и привилегий правящего слоя. «Ты отстал, ты слаб - значит, ты не прав, стало быть, тебя можно бить и порабощать. Ты могуч - значит, ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться. Вот почему нельзя нам больше отставать», - заявлял Сталин.

Партийно-государственная бюрократия рассчитывала на то, что "... опираясь на национализацию земли, промышленности, транспорта, банков, торговли, проводя строжайший режим экономии, можно будет накопить достаточные средства, необходимые для восстановления и развития тяжелой индустрии" (Сталин). Речь шла, по существу, о специфическом государственном индустриализме, при котором государство бюрократии действовало более или менее как единая огромная раздувшаяся фабрика. "Великий перелом" в экономике потребовал колоссальной концентрации и централизации ресурсов и сил, сосредоточения огромных хозяйственных и репрессивных полномочий в руках правящей верхушки и плановых государственных институтов, широчайшего внедрения командных методов и подневольного труда миллионов заключенных, без которого не обходилась ни одна крупномасштабная сталинская стройка. Была создана единая государственная система управления и экономического планирования, основанная на так называемых "пятилетках", пятилетних планах экономического развития. Догоняющая модернизация осуществлялась за счет ограбления деревни, крайне низкого уровня зарплаты в городах (покупательная способность зарплаты сократилась в 1928-1940 гг. почти в три раза), экспорта сырья и хлеба,

повышения налогов, роста продажи алкоголя.

...И В ГЕРМАНИИ

Возрастание роли государства в ряде западных стран в 20-х - 30-х гг. стало результатом происходивших технологических и социальных сдвигов. Начало широкого внедрения конвейерного производства привело к резкому сокращению рабочих мест, массовому обнищанию, падению платежеспособного спроса и «Великой депрессии», к нарастанию социальной напряженности. Справиться с этими проблемами в рамках либерально-рыночной системы не удавалось. В то же время задачи выживания в конкурентной борьбе с другими государствами и укрепления экономического и политического могущества требовали форсированных действий по ускорению технологических преобразований и политической стабилизации. Государство вынуждено было взять на себя осуществление мер, без которых общество вообще перестало бы существовать как некое целое. Государственно-административные нормы распространились не только на сферы повседневной жизни, но и на экономику - посредством системы субсидий, налогов, регулирования цен и заработков, планирования и даже прямого огосударствления хозяйства. Особенно актуальны эти задачи были для стран, потерпевших поражение в Первой мировой войне и подвергавшихся экономическому и политическому давлению со стороны стран победителей, выражавшемуся в обязательствах по выплате репараций и в ограничениях на развитие военной промышленности и вооруженных сил.

Кроме того, экспансия германского капитала за рубежом сдерживалась политикой протекционизма, к которой перешли многие государства в ответ на мировой хозяйственный кризис, а капиталовложения в невоенную сферу оказались невыгодными из-за массовой безработицы и падения покупательной способности населения. Промышленные круги вступили в тесные контакты с нацистами, партия получила щедрые финансовые вливания. В ходе встреч с руководителями германской индустрии лидеру нацистов Адольфу Гитлеру удалось убедить партнеров в том, что только возглавляемый им государственный режим сможет посредством наращивания вооружений и поддержки развертывания новых промышленных предприятий преодолеть проблемы инвестиций и подавить любые протесты со стороны трудящихся.

В 1936 году нацистами был принят четырехлетний план развития экономики. Одной из главных задач этого плана было реорганизовать немецкую экономику таким образом, чтобы Германия была в состоянии обеспечить себя всем необходимым в случае экономической блокады. В соответствии с этим планом создавались огромные предприятия по производству синтетических тканей, каучука, горючего и другой продукции из собственного сырья. Были построены новые гигантские заводы по производству стали из местной дешевой руды. Частично расходы на создание и развитие новых отраслей промышленности оплачивались векселями “мефо”, выдаваемыми рейхсбанком и гарантированные государством. Таким образом, развитие немецкой экономики осуществлялось в кредит, фактически под залог будущих завоеваний. Деятельность промышленности была опутана колоссальным количеством государственных регламентирующих правил. Доктор Функ, занявший в 1937 году должность министра экономики в германском правительстве заявлял, что “официальная отчетность теперь составляет более половины всей деловой переписки предпринимателей”. Под давлением государства были принудительно осуществлены слияния частных компаний в ассоциации, которые в обязательном порядке подчинялись Экономической палате рейха, состоявшей из наиболее влиятельных олигархов, во главе которой стоял назначаемый государством чиновник. Через эту структуру осуществлялись правительственные мероприятия по экономическому планированию. Если частная компания получала прибыль свыше 6%, она должна была в обязательном порядке идти на приобретение облигаций правительственных займов. Но следует оговорить, что нацистское государство, тем не менее, не разрушало институты частной собственности, подобно тому, как это было сделано в СССР, хотя и резко ограничивало и направляло их. Бурное развитие ряда отраслей немецкой экономики и ликвидация дорогостоящих забастовок, которые в Третьем Рейхе были запрещены, положительно сказались на доходах огромной части буржуазии, которая, несмотря на обременительную и назойливую систему регламентаций, поддерживала нацистский режим.

МИЛИТАРИЗАЦИЯ...

Важно отметить, что политика сталинского СССР и нацистской Германии в 30-е годы была нацелена на подготовку к будущей войне за передел мира. По мнению Ханны Арендт, истоки

тоталитаризма как абсолютного насилия над личностью коренятся в империалистической экспансии. "Мы приближаемся к сражению, которое потребует от нас наивысшей производительности труда, – говорил в 1936-ом году Герман Геринг, – Предела перевооружений пока не предвидится. Альтернатива одна – победа или уничтожение... Мы живем в такое время, когда последнее решительное сражение не за горами. Мы находимся на пороге мобилизации и войны..." В СССР вожди не делали в то время столь откровенных заявлений. Но в 1938 году герои некоторых официальных пропагандистских кинофильмов начинают рассуждать о желательности "хорошей войны, после которой в СССР было бы 30 или 40 советских республик" (на тот момент их было 11).

Такая логика требовала безусловной консолидации общества, ликвидации всех недовольных. Система школьного образования в СССР и Германии включала в себя обязательные занятия по военной подготовке. Почти вся промышленность мирного времени строилась таким образом, чтобы в случае войны ее немедленно можно было перевезти на военные рельсы. "Достаточно только окинуть взором саму нашу жизнь, - писал Эрнст Юнгер, - во всей ее... безжалостной дисциплине, с ее дымящимися и пылающими районами, с физикой и метафизикой ее движения, с ее моторами, самолетами и миллионными городами, - чтобы, исполнившись чувства удивления, понять: здесь нет ни одного атома, который бы не находился в работе, да и сами мы, в сущности, отданы во власть этому неистовому процессу. Тотальную мобилизацию осуществляют не люди, скорее она осуществляется сама; в военное и мирное время она является выражением скрытого и повелительного требования, которому подчиняет нас эта жизнь в эпоху масс и машин."

Многие террористические мероприятия в СССР и нацистской Германии были обусловлены именно этими обстоятельствами. "1937 год был необходим, - говорил Вячеслав Молотов писателю Ф.Чуеву. - Если учесть, что мы после революции рубили направо и налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали... Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны". Жертвами репрессий 1937-38 гг. в СССР стало до трех миллионов человек, из них около миллиона было расстреляно.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ УНИФИКАЦИЯ

Тоталитарная система, по мнению Ханны Арендт, это – "абсолютное зло", созданное самими людьми. Арендт уделяет особое внимание связи между идеологией и террором. Тоталитарная идеология представляется ей как "логика единственной простой идеи", на которой основано тоталитарное мышление. Это идеи расового превосходства или классовой борьбы. Они выступают как общеобязательное мировоззрение для всех. По сути дела, единая унифицированная идеология призвана создать каркас мировоззрения всех граждан тоталитарного государства. Для этой системы мышления характерны, прежде всего, такие атрибуты, как единство и коллективизм, с одной стороны, и образ врага, в виде представителей иной нации, класса или расы – с другой. Тоталитарное мышление всегда полярно, оно сводит мир к схеме черное-белое: на одной стороне "наши" – единый, подчиненный воле вождей и великим идеалам народ или класс, на другой – враги, по отношению к которым используется принцип коллективной ответственности. В том числе и ответственности за все собственные несчастья и трудности. Такую роль, роль "козлов отпущения" играли евреи в нацистской Германии, "враги народа" и "классовые враги" в большевистском СССР.

"Одна страна, один народ, один вождь" – провозглашал официальный лозунг нацистов. "Кто не с нами, тот против нас" – утверждали большевики. Унитарные структуры языка и мышления соответствовали задачам управления страной, как единым механизмом, обеспечивали консолидацию общества на основе единых простых принципов и идей. По этой же причине все тоталитарные режимы проводили политику национальной, этнической унификации. Национальные меньшинства подлежали либо переплавке в котле единой официальной культуры (как это провозглашалось в СССР в 30-е годы, где предпринимались усилия по созданию новой культурной общности в виде "советского народа"), либо растворению в культуре статусной нации (которая сама, при этом, подвергалась грубой унификации и переделке), являвшейся основой тоталитарного государства (политика русификации в СССР со времени Второй мировой войны), либо тотальному уничтожению (евреи и цыгане в нацистской Германии). Даже в тех случаях, когда тоталитарный режим декларировал свой интернационализм, он был ориентирован на этническую унификацию. "Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь" - такими словами начинался советский гимн, сразу же указывая на подчиненное положение других народов по отношению к России. Но и сама культура статусного народа подверглась жестокой переплавке, из нее были искусственно удалены целые пласты, связанные с религиозными исканиями, литературой, исторической памятью. История России непрерывно переписывалась в угоду идеологии тоталитарного режима, язык подвергался жесткому давлению и обработке со стороны официальной государственной пропагандистской машины и машины образования. Подобные мероприятия и политика проводились и в нацистской Германии, в отношении немецкой культуры, и в других тоталитарных государствах.

И ПОСЛЕДСТВИЯ

Всякая подобная политика требовала задействования особых механизмов, основанных на манипулируемом сверху массовом энтузиазме, с одной стороны, и на массовых репрессиях, с другой. Коренная ломка образа жизни огромной части населения, ускорение промышленной модернизации – все эти меры требовали жесткого контроля государства над обществом. Нужно было бить по большим площадям, чтобы уничтожить даже саму мысль о неповиновении. В советских коллективных сельских предприятиях, колхозах, вводилась индустриальная форма организации труда: во главе был поставлен председатель, фактически назначаемый властями; тот, в свою очередь, определял руководителей бригад. Практически весь урожай изымался государством; члены колхоза за свою работу получали квитанции - «трудодни». Весь труд строжайше планировался «сверху», за невыполнение плана устанавливались санкции. Колхозникам запрещалось покидать колхоз без разрешения. Отказавшиеся «вступить» в колхоз объявлялись «кулаками» или «подкулачниками»; против них была провозглашена решительная борьба. В конце 1929 года Сталин объявил, что крестьяне «идут в колхозы» целыми «селами, районами, даже округами», и распорядился «ликвидировать кулачество как класс». У «кулаков» и «подкулачников» отбиралось все имущество, а сами они вместе со всей семьей высылались на Север и в Сибирь. «Раскулачивали вплоть до валенок, которые стаскивали с ног малых детишек», - писал один из наблюдателей. По словам левого эсера Исаака Штейнберга, «под общим именем кулака был, по существу, объявлен террор против всей деревни, включая бедняков. Так, в среднем были экспроприированы 10-15 % крестьян, а во многих областях - до 40 %». А некоторые зажиточные деревни были высланы целиком. Оставшихся крестьян заставляли вступать в колхозы. Позднее Сталин признавался Черчиллю, что «политика коллективизации была страшной борьбой», пришлось бороться с «десятью миллионами» «маленьких людей». «Это было что-то страшное, это длилось четыре года. Все это было очень скверно и трудно, но необходимо». Только за первые несколько лет индустриализации и коллективизации около 10 миллионов крестьян, спасаясь от голода, переселились в города, обеспечив, таким образом, стремительно растущую государственную промышленность дешевыми рабочими руками. В 1930-м году деревня бурно реагировала на подобную политику повстанческими действиями и бунтами. За этот год – год сплошной коллективизации - имело место 13754 антиколхозных и антигосударственных крестьянских выступления, в которых приняло участие примерно 3,5 миллиона человек. Наиболее упорным и ожесточенным было сопротивление украинского крестьянства – 4098 выступлений. Ответный удар государственных репрессий пришелся по зонам активных повстанческих действий на Украине: там в 1932-1933 гг. искусственным голодом было убито от 4 до 5 миллионов крестьян.

В нацистской Германии в 30-40-ые гг. степень государственного контроля над экономикой не была столь высока, как в СССР, продолжала существовать частная промышленность, которая, правда, во все большей степени подпадала под государственный контроль. Кроме того, ускоренная модернизация не сопровождалась падением уровня жизни, напротив, была почти ликвидирована безработица, созданы миллионы новых рабочих мест. Однако сделано это было, прежде всего, за счет нагнетания инвестиций в военно-промышленный комплекс. Именно это обстоятельство предопределило развязывание Германией мировой войны. ВПК, не производивший никаких потребительских благ, необходимых населению, не мог работать вхолостую, это привело бы к кризисным явлениям в самой немецкой экономике. Поэтому предстояло использовать возможности, открывшиеся в связи с ростом вооружений для мировой экспансии (аналогичные задачи стояли и перед Советским Союзом). Меры по развитию промышленности сопровождались процессами милитаризации труда, установлениями, прикреплявшими работников к их предприятиям, подобно крепостным. Как и в СССР для этой цели использовались трудовые книжки. Если администрация предприятия не соглашалась с переходом работника на другое место работы, она просто не выдавала ему трудовую книжку, а

без нее его не принимали на работу.

Жертв внутреннего террора здесь было меньше чем в СССР: около миллиона оказалось в тюрьмах и концлагерях, несколько сот тысяч было уничтожено... Репрессии затронули различные группы населения – представителей политических партий, профсоюзных активистов, оппозиционных интеллектуалов, евреев, цыган. Внутренний террор в Германии не был столь массивным, как в СССР. Дело в том, что Германия к этому моменту уже была промышленно развитой страной и ей не было необходимости осуществлять столь грандиозную, как в СССР, ломку привычных устоев. По-настоящему нацистский террор развернулся уже в ходе Второй мировой войны. "Новый европейский порядок" нацистов предполагал контроль над ключевыми производственными мощностями, ресурсами и размещением населения на захваченных территориях. Многие миллионы жителей Украины, Белоруссии, Польши, России и других стран были угнаны на принудительные работы в Германию, где они подвергались тяжелой эксплуатации, некоторые из них погибли вследствие плохих условий жизни и труда. "В то время, (в 1941 г. – прим. ред.) – говорил Гиммлер - мы не ценили многочисленные людские ресурсы, как ценим их сегодня (в 1943 г. – прим. ред.) в качестве сырья, в качестве рабочей силы. То, о чем не следует сожалеть, мысля категориями поколений, но что нынче представляется неразумным в смысле потери рабочей силы, то есть гибель пленных десятками и сотнями тысяч от истощения и голода". В эту систему вписывалось уничтожение 6 миллионов евреев, истребление массы представителей славянских народов, депортации, огромные перемещения рабочей силы. Предполагалось заселение некоторых территорий немецкими колонистами. Показательно, что нацисты не отменили колхозы на большей части оккупированной территории СССР, а продолжали использовать их для выкачивания продовольствия на нужды армии.

ТОТАЛИТАРИЗМ НА ВОСТОКЕ

Задачи ускоренной индустриальной и военной модернизации по-своему решал и маоистский Китай в 50-60-е годы. Здесь ситуация чем-то напоминала советскую - Китай был преимущественно отсталой аграрной страной – и потому политика модернизации во многих отношениях копировала советские методы. Усилиями коммунистического режима в Китае была создана сильная военная промышленность, даже собственная атомная бомба. Большинство крестьян было принудительно согнано в "коммуны" – по сути, государственные предприятия, аналогичные советским колхозам, что сопровождалось соответствующими мероприятиями. Цена оказалась огромной: по некоторым подсчетам, репрессиям в той или иной форме подверглись 100 миллионов человек (общее население Китая тогда составляло 600 миллионов).

В мусульманском мире в 50-е–70-е годы, после освобождения от колониального господства, у власти оказались националистические движения. Они, как и режим маоистского Китая, пытались развивать промышленность, с тем, чтобы на равных чувствовать себя с развитыми странами Запада, и делали это, опираясь на традицию азиатского деспотизма, всеохватывающей государственной бюрократии. Почти вся крупная промышленность в этих странах, равно как и земля, социальные службы, отчасти и товарообмен, контролировались и управлялись государством. Так же, как в СССР и Китае, оппозиция режиму уничтожалась физически. Таким образом, национально-освободительные движения, пришедшие к власти в этих странах, частично осуществляли преобразования, которые могли бы быть приравнены к тоталитарным, хотя, как правило, не в таком объеме, как в Китае. Эти преобразования не смогли разрушить сельскую общину, хотя во многом подорвали ее роль и влияние в обществе. Традиционные общинные устои, прочно сцементированные исламом, оказались все же крепче, чем в ряде других стран мира.

Специфические тоталитарные мероприятия осуществлялись и сионистским режимом Израиля. В этой стране, созданной в 1947 году, были предприняты энергичные усилия для создания мощной, патронируемой и управляемой государством военной промышленности. Общественная жизнь подверглась милитаризации, почти все мужчины и значительная часть женщин стали военнообязанными. Вводилась унитарная синтетическая культура, основанная на использовании искусственного языка иврит (созданного на базе древнееврейского языка), с тем, чтобы превратить "нацию ремесленников и торговцев" в "нацию крестьян, рабочих и солдат", как гласили официальные лозунги. Подавлялись и изгонялись языки еврейской диаспоры, сформировавшиеся естественным путем: идиш, эспаньоль-ладино, иудео-арабские диалекты. Вероятно, это был наиболее последовательный тоталитарный эксперимент над языком за всю историю человечества. Усилия по созданию этнически однородного государства сопровождались изгнанием со своей земли 750 тысяч палестинских арабов, актами геноцида, наподобие резни в арабской деревушке Дейр-Ясин в 1948 году, разрушением и осквернением сотен мечетей и других памятников арабской культуры. Последствия создания тоталитарного сионистского государства не удалось преодолеть и по сей день, они сказываются на судьбах миллионов людей – евреев и арабов – постоянных участников незатухающего ближневосточного конфликта.

Из всех восточных цивилизаций, пожалуй, только Индия смогла в этот период избежать

чудовищного усиления деспотизма. Конечно, и здесь государство в далеко идущей степени контролировало экономику, направляло развитие промышленности, привлекало дополнительные средства для укрепления военной машины, устраивало порой репрессии против оппозиции, эксплуатировало крестьянскую общину. Но все это было не сопоставимо по масштабам и глубинному охвату с тотальной правительственной регламентацией и массовым террором в СССР, Китае, некоторых мусульманских странах. Огромное большинство населения Индии, при этом и по сегодняшний день продолжает жить в деревне, хотя общинные устои там уже сильно подорваны.

Дело в том, что государственная традиция в Индии никогда не была столь мощной, как в России или в Китае. Исторически здесь роль государства как регулятора общественных отношений была намного меньше, а возможности и функции сельской или ремесленной городской общины гораздо больше, чем в других восточных цивилизациях. С другой стороны, сказались и традиции, заложенные в период антиколониальной борьбы Индийского Национального Конгресса, возглавлявшегося Махатмой Ганди: элементы общественного самоуправления, отрицание насилия, как метода решения политических проблем, идея синтеза культурных традиций Запада и Востока.

ГОСКАПИТАЛИЗМ, АЗИАТСКИЙ ДЕСПОТИЗМ ИЛИ НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ?

Среди исследователей тоталитаризма нет единого мнения по поводу того, считать ли тоталитарный порядок особой формой капитализма (государственный капитализм), азиатским деспотизмом в условиях индустриального развития, или совершенно новым общественным строем. Довольно убедительными выглядят, на первый взгляд, доводы сторонников теории азитского деспотизма.

Те ученые востоковеды, которые пытались в советское время отстаивать концепцию азиатского деспотизма (ссылаясь, между прочим, не только на собственные выводы и наблюдения, но и на авторитет Маркса, и, упаси боже, не затрагивая некоторые события новейшей российской истории, а всего только исследуя древний Китай или Ассирию) подвергались в СССР жестоким репрессиям. Мало кто из них пережил сталинское правление, а учение Маркса об азиатском деспотизме советской исторической наукой замалчивалось. Была даже выдумана знаменитая "пятичленка" (первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и социалистический строй) - якобы универсальная историческая теория, которая не подтверждалась фактами и которая, безусловно, не являлась изобретением Маркса, хотя ему и приписывалась. Вообще, ситуация с теорией азиатского деспотизма была совершенно уникальной: Маркса считали непревзойденным гением экономических и политических наук, чей авторитет не подлежит сомнению, но, при этом, из его идей был искусственно удален целый пласт. Причины этого очевидны: уж слишком похожи были описываемые Марксом азиатские деспотические общества на советскую систему. Ведь и здесь политический деспотизм сочетался с централизованным контролем государства над экономикой. "В странах победившего социализма – пишет современный российский востоковед Леонид Васильев, – на первом плане власть и рождаемое ею насилие... Страны победившего социализма в этом смысле лишь модификация традиционно-восточной структуры. Конечно, модернизация и технический прогресс, индустриализм и урбанизация сильно изменили облик этих стран. Возникла иллюзия, что, сохранив свою внутреннюю структуру, основанную на насилии и всесилии государства, можно чуть ли не опередить капитализм. Но иллюзия эта рухнула под ударами жестокого кризиса, обнажившего все пороки бесчеловечной системы". Итак, с точки зрения сторонников этой теории, речь идет о воссоздании или продолжении азиатского деспотизма на новом, индустриальном, уровне развития. "Когда весь мир с изумлением следил за гигантскими социальными экспериментами Мао, стремившегося вогнать страну в огромную коммунистическую казарму, в самом Китае это воспринималось несколько иначе, ибо пусть не во всем, но в целом вписывалось в привычные нормы поиска социальной справедливости, государства высшей гармонии, управляемого великим мудрецом – замечает далее Васильев, - Иными словами, традиция оказывала... едва ли не решающее воздействие". Эта теория объясняет некоторые процессы в бывшем СССР и маоистском Китае, а также в ряде других стран Востока, но, во-первых, остается все же и ряд вопросов, а во-вторых, эта теория все-таки не объясняет появление тоталитарных режимов в Европе (Германия, Италия). Списать немецкий национал-социализм на проявления азиатского деспотизма сложно, все-таки Германия находится в центре Европы, а не Азии.

Поэтому существуют определенные возражения против данной теории. Так современные исследователи - сторонники концепции тоталитаризма, как государственного капитализма, или как особой формы капитализма (Роберт Курц) - указывают на сходство между процессами раннего индустриально-капиталистического развития в ряде стран Европы, где оно осуществлялось путем ограбления и разрушения сельской общины, при активной поддержке государства, и процессами индустриализации и коллективизации в сталинском СССР.

"У истоков европейского капитализма - пишет Курц - стояло не якобы «повышающее благо-

состояние» расширение рыночных отношений, а ненасытная жажда денег аппарата абсолютистского государства, чтобы финансировать военные машины раннего этапа современной эпохи. Только интересы этих аппаратов, впервые в истории накинувших на все общество бюрократическую удавку, вызвали ускоренное развитие городского купеческого и финансового капитала, которое вышло далеко за рамки традиционных торговых отношений. Только таким образом деньги превратились в центральный общественный мотив, а абстракция труда - в центральное общественное требование, независимое от реальных потребностей.

Большинство людей перешли к производству для анонимных рынков и, тем самым, к всеобщей денежной экономике отнюдь не добровольно, а потому что жажда денег со стороны абсолютистского государства вызвала обращение налогов в денежную форму и одновременно огромное повышение их. Они вынуждены были «зарабатывать деньги» не для себя, а для вооруженного огнестрельным оружием государства раннего этапа современного периода истории, для его снабжения и его бюрократии. Именно так и не иначе появилась на свет абсурдная самоцель накопления капитала и, следовательно, отчужденный труд.

Вскоре денежных налогов и поборов уже не хватало. Бюрократы абсолютистского государства и администраторы финансового капитала принялись силой организовывать самих людей как материал общественной машины по превращению труда в деньги. Традиционный образ жизни и способ существования населения разрушался - не потому что это население добровольно «развивалось» на основе самоопределения, а потому что оно как человеческий материал должно было быть прилажено к запущенной машине накопления. Людей силой оружия сгоняли с их полей, чтобы освободить место для овцеводства на нужды шерстяных мануфактур. Старые права, такие как свобода охоты, рыболовства и собирания дров в лесах, были отменены. А если обнищавшие люди затем бродили по стране, прося милостыню и воруя, их бросали в работные дома и мануфактуры, чтобы мучить машинами трудовой пытки и вбить в них рабское сознание покорной рабочей скотины.

Современная буржуазия, в конечном счете принявшая наследие абсолютизма, выросла отнюдь не из мирных купцов с древних торговых путей. Общественную почву, которая породила современное «предпринимательство», составляли кондотьеры наемных орд раннего периода современной эпохи, администраторы работных домов и тюрем, сборщики налогов, надсмотрщики за рабами и прочие головорезы. Буржуазные революции XVIII - XIX веков не имели ничего общего с социальным освобождением; они всего лишь перетасовали отношения власти внутри сложившейся системы принуждения, освободили институты общества труда от устаревших династических интересов. Именно славная Французская революция с особым пафосом провозгласила обязанность трудиться и «законом против нищенства» ввела новые работные дома – тюрьмы".

«В условиях относительно высокоразвитой стадии системы товарного производства на Западе и далеко зашедшей конкурентной борьбы на мировом рынке, - пишет Курц в своей книге "Коллапс Модернизации", - любая новая попытка модернизации в еще неразвитых регионах мира должна была приобрести характер особо жестокого догоняющего развития, при котором этатизм, свойственный для раннего этапа нового времени, не только повторялся, но и выступал в более чистом, последовательном и строгом виде, чем в давно ушедших в прошлое западных оригиналах... Особая насильственность советской... модернизации объясняется тем, что в ней за чудовищно спрессованный промежуток времени вместилась эпоха индустриального развития Запада протяженностью в 200 лет: меркантилизм и французская революция, процесс индустриализации и империалистическая военная экономика, слитые воедино».

"Бросается в глаза то, что коммунистическое правление было особенно ужасно там, где общество проявило значительную волю к

модернизации по существовавшему к тому времени образцу и где начальная фаза этой модернизации проходила в условиях огромного аграрного перенаселения и полного отсутствия источников накопления капитала – пишет российский исследователь Александр Кустарев. - Образцом для модернизаторов было развитие капитализма в Англии. С жертвами не считались, и тех, кто оказывался «на пути прогресса», уничтожали, а чисткам находили благородное оправдание (точно так же, как большевики...). Еще в XVII веке на территории Англии была густая сеть деревень, которые к следующему столетию исчезли. Огораживания в Англии были по смыслу и методам очень похожи на раскулачивание в России".

Кроме того, сторонники теории госкапитализма приводят следующий аргумент: гигантская корпорация под названием СССР была интегрирована в мировую экономику. Она продавала за границу сырье - в 30-е годы – золото, добывавшееся главным образом системой концлагерей и хлеб, выкаченный из деревни с помощью коллективизации, а в более поздний период – нефть, газ, лес, золото, алмазы и т.д. Средства, полученные от экспорта, использовались как для осуществления индустриализации (так, только по германо-советским торговым соглашениям, действовавшим с 1931 по 1936 годы, была получена значительная часть станков для строящихся советских заводов в обмен на хлеб и золото), так и для поддержания внутренней стабильности режима. Азиатскому деспотизму всегда была присуща автаркия, т.е. самозамкнутость, отсутствие развитой торговли, тогда как СССР не мог бы существовать вне мирового рынка, и хотя советская экономика была целиком управляема государством, она носила ярко выраженный товарный (рыночный) характер по отношению к внешнему миру. А капиталистический характер нацистской Германии или фашистской Италии вообще не ставится под сомнение, так как там никогда не осуществлялись государством меры по уничтожению частной собственности на средства производства, а государственное вмешательство в экономику хотя и было велико, все же носило лишь ограниченный характер (хотя и возрастало постоянно). Впрочем, даже если бы экономика Германии подверглась тотальному огосударствлению, это еще не означало бы исчезновение капитализма. "И при капитализме, - пишет современный либертарный историк и экономист, Карл-Хайнц Рот, - осуществляющем огосударствленное накопление, средства производства все еще являются частной собственностью. Как единственный сохранившийся частный собственник, государство действует как колоссальный концерн, то есть как выросший до гигантских масштабов отдельный капитал".

Наконец, некоторые исследователи вообще считают тоталитаризм совершенно новым общественным строем. Так думали, например, Джордж Оруэлл, Макс Шехтмен, Андре Горц, Ханна Арендт. С точки зрения Ханны Арендт, основными элементами тоталитарной системы являются, "атомизированные" массы, тоталитарные движения, тоталитарная пропаганда, тотальное господство, идеология и террор, тайная полиция и концлагеря. Нигде в истории она не находит подтверждения существования аналогичных систем. "Все, что мы знаем о тоталитаризме, демонстрирует такую ужасающую оригинальность, которую не могут преуменьшить никакие притянутые за уши исторические параллели".

Нам, отчасти, близки доводы сторонников теории госкапитализма, однако они кажутся нам недостаточными. Можно предположить, что тоталитаризм, поскольку он формировался не на пустом месте, а вырастал из существовавших до его возникновения обществ, нес в себе многие черты, присущие этим обществам, прежде всего, индустриальному капитализму, будучи однако, в своей сердцевине, принципиально новой общественной системой. Ведь будучи очерчен в своих границах, как сочетание тотального государства и активной несвободы, тоталитаризм действительно не имеет аналогов в истории. Однако, новое формируется не вдруг и не сразу, но вызревает постепенно в недрах старого. Мы считаем, что тоталитаризм является принципиально новой и более глубокой формой господства, чем все прочие общественно-государственные системы, когда-либо существовавшие в истории, так как он утверждает тотальное господство правящих иерархий не только над поступками людей, но и над их мыслями и чувствами.

Вообще, спор о том, наследниками какого строя являются тоталитарные режимы, сильно идеологизирован сам по себе. Возникает ощущение, что это, по крайней мере отчасти, спор о том, что же все-таки порождает тоталитаризм: Запад с его индивидуализмом и индустриализмом, или Восток с его деспотическими и коллективистскими традициями?

Нам близка мысль, что тоталитаризм возникает прежде всего там, где существует особенно острый конфликт, особое напряжение между индивидуальным и коллективным началами человеческого существования – в зонах отчаянья. Там, где проходит форсированная индустриально-капиталистическая модернизация традиционного общества, но и не только там. В тех обществах, где происходит особенно быстрое разрушение солидарных отношений между людьми, где в хаосе мечутся одинокие, потерявшие смысл и цели собственного существования индивиды, тоталитаризм может быть востребован как необходимая и желательная форма упорядоченности. Тоталитаризм вырастает там, где

сталкиваются два способа мышления, два способа человеческого существования: атомистическо-индустриально-капиталистический и общинно-коллективистский. Он, безусловно, является порождением индустриального капитализма, но, прежде всего, в смысле реакции на него со стороны доиндустриальных культурных пластов и структур мышления.

ДОИНДУСТРИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ МЫШЛЕНИЯ НА СЛУЖБЕ У ТОТАЛИТАРИЗМА

Основой доиндустриальных общественных систем была, прежде всего, крестьянская община - коллективный организм, построенный на принципах самоуправления, а также ремесленная корпорация, монастырское братство и т.д. Для этой формы отношений характерно своего рода целостное мышление, основанное на принципах солидарности, взаимопомощи, природосообразности и экономического равенства. Конечно, такого рода сообщества тоже были знакомы, например, со стяжательством и жадностью, но все же, они в гораздо большей степени основывались на солидарности. Здесь корни конфликта, во многом определившего судьбы нашего времени.

Дело в том, что утвердившееся индустриально-капиталистическое общество на Востоке или на Западе атомистично, оно разрушает традиционные общинные, мастеровые, профессиональные, даже родственные связи, заменяя их жесткими функциональными установками и социальным программированием. На смену органике социальных отношений приходит механика. Миллионы людей становятся к станкам, рядом с другими людьми, которых они прежде не знали, работа каждого жестко контролируется начальством, которое поручает ему выполнять строго определенные вещи (часто, одни и те же монотонные операции). Человек поселяется в огромном мегаполисе, рядом с чужими и зачастую совершенно чуждыми ему людьми, в панельном или блочном доме с однотипными стандартными квартирами. На всем лежит привкус синтетики, все вещи становятся серыми. За каждым углом поджидают одиночество и депрессия. В отношениях между людьми воцаряется холод отчуждения. "Неоглядность городов, в которых индивид теряется, зданий, высоких, как горы, - писал Эрих Фромм, - непрерывная акустическая бомбардировка радио, газетные заголовки, сменяющиеся трижды в день и не дающие сообразить, что же на самом деле важно – все это в отдельности черты того общего положения вещей, при котором индивид противостоит независящим от него огромным величинам, ощущая себя песчинкой в сравнении с ними". Там, где индустриализм (в большой степени) стал результатом развития частной инициативы, предпринимательства, свободной конкуренции, он оставлял какое-то пространство для индивидуальной свободы, может быть, и отсутствовавшее в некоторых традиционных обществах. Но какой ценой! "Очевидно, что принцип частной инициативы способствовал процессу индивидуализации, - писал Эрих Фромм, – и об этом всегда говорят как о важном вкладе в развитие современной культуры. Но, способствуя развитию свободы от (коллективистских объединений – прим. авт.), этот принцип помог и уничтожить все связи между отдельными индивидами, изолировав человека от его собратьев".

Понятие человеческой индивидуальности существовало еще в Древней Греции и в Средние века. Уже христианство, к примеру, ставило проблему индивидуального выбора и индивидуальной ответственности. Человеческая личность формировалась не вдруг и не сразу, но на протяжении тысячелетий. Это процесс, а не взрывной акт. Индустриальный капитализм не создал личность, а придал ее становлению и развитию определенное и, безусловно, патологическое направление - самоутверждение за счет других. Поэтому то, что в современном обществе часто называют свободой, похоже, скорее, на заключение в одиночной камере. И почему-то мало кому из теоретиков либерализма приходит в голову, что длительное пребывание в этом состоянии может быть даже тягостнее для человека, чем жизнь в условиях коллективистской иерархии (впрочем, как мы увидим, среди либералов есть и те, кто это до известной степени понимает).

Здесь необходимо отметить и то обстоятельство, что процесс индивидуализации и атомизации, связанный с ростом рыночных отношений, капитализма и индустриализма, затрагивает не только тех, кто постоянно живет в городах, но и всех, кто так или иначе втянут в процесс индустриальных преобразований, например, в качестве временных сезонных работников, и оказывает разрушительное воздействие на традиционную сельскую общину и ремесла.

Наше мышление формировалось на протяжении тысячелетий и не может в одночасье приспособиться к таким переменам. Да и почему вообще оно должно к ним приспосабливаться? Ведь и этот вопрос вполне уместен. Наличие в нашем мышлении и культуре архаических пластов, связанных с тысячелетиями "органического", коллективистского общинного существования, признают многие исследователи. С точки зрения одного из ведущих идеологов современного неолиберализма Фридриха Хайека, поведение людей определяется многими культурными пластами, традициями, закрепленными в нашем поведении и языке и передающимися из поколения в поколение. Человечество, говорит Хайек, не сразу пришло к современным формам общест-

венного устройства, основанного на рыночных отношениях и частной собственности. Этому предшествовали десятки тысяч лет существования в маленьких, часто изолированных друг от друга общинах, основанных на принципах коллективного взаимодействия и социального равенства. В сознании людей и сегодня присутствуют какие-то архаические пласты, связанные с этой древней эпохой. И не только присутствуют, но и в значительной степени задают мотивы нашего поведения. Такому обществу Хайек противо-поставляет современное капиталистическое общественное устройство - рыночную систему, где поведение людей определяется с помощью спонтанного взаимодействия на основе законов спроса и предложения, а не на основе личных связей. Он даже отказывается называть капитализм "обществом", чтобы избежать "опасной путаницы" и предлагает собственное название – "расширенный порядок". "Товарищество индивидов, поддерживающих тесные личные контакты, и структура, формируемая миллионами, связанными только через сигналы, исходящие от длинных и бесконечно разветвленных цепочек обмена – образования совершенно разного типа, и одинаковое их наименование не только является фактической ошибкой, но и почти всегда мотивировано подспудным желанием создать расширенный порядок по образу и подобию любезного нашим сердцам братского содружества. Удачно охарактеризовал такую инстинктивную ностальгию по малой группе Бертран де Жуванель, сказавший, что "среда, в которой первоначально жил человек, остается для него бесконечно привлекательной, однако любая попытка привить ее черты обществу в целом утопична и ведет к тирании"". Если эти мечты воплотятся в жизнь, то придется расстаться и с частной собственностью, и с рынком (им, справедливо замечает Хайек, нет места в "маленькой архаической общине", они противоречат "любезной нашим сердцам идее братского содружества"), а, следовательно, и со свободой, которая, по мнению Фридриха Хайека, невозможна вне этих институтов. Таким образом, тоталитарные тенденции Хайек связывает с исходящими от самих масс глубинными импульсами, основанными на стремлении преодолеть межличностное отчуждение, одиночество и социально-экономическое неравенство.

Однако, здесь становится уместным вопрос: если свобода совершенно противоположна "инстинктивной ностальгии по малой группе", как утверждают неолибералы, то не приведет ли окончательное воцарение этой "свободы" к уничтожению таких свойств человеческой натуры как доброта, отзывчивость, взаимопомощь, солидарность? Не будет ли "общество свободы" настолько холодным и эгоистичным, что в нем не захочется жить никому, кроме теоретиков неолиберализма? К тому же, если, по представлениям Фридриха Хайека, архаические культурные пласты почти неуничтожимы, "бесконечно привлекательны" и играют огромную роль в жизни людей, то стоит ли вообще с ними бороться? Может быть, как раз более естественно было бы поискать какие-то возможности для синтеза этих коллективистских устремлений и индивидуальной свободы?

И, наконец, можно ли считать, что тоталитарные движения были просто попыткой восстановить доиндустриальный способ отношений между людьми? На наш взгляд все гораздо сложнее. Верно, конечно, что для тоталитаризма характерны определенные формы коллективизма, достаточно вспомнить многомиллионные толпы, охваченные эйфорией или ненавистью, миллионы индивидов, охваченных стремлением раствориться в этих толпах, критику тоталитарными движениями индивидуального начала. И все же, тоталитаризм нигде не приводил к восстановлению сельской общины или ремесленных корпораций прошлого, нигде торжество тоталитаризма не вело к восстановлению доиндустриальных общественных форм. Напротив, почти всегда тоталитаризм осуществлял ускоренную индустриальную модернизацию. Дело в том, что архаические коллективистские устремления здесь накладываются на ту отчужденную холодную реальность, в которой все мы пребываем. Как отмечал немецкий философ Мартин Хайдеггер, механизм растворения личности здесь работает через "самоотождествление своего я с неким коллективным субъектом", каковым может быть нация, класс или государство, как общности. С этого момента индивид начинает отождествлять свое Я с интересами целого. Но целое, о котором здесь идет речь, отличается от коллективных систем доиндустриальной эпохи. Чувство принадлежности к роду, конкретной сельской общине или ремесленной корпорации, с членами которой ты прожил всю свою жизнь, и судьба которых тебе не безразлична, было органичным отношением к людям, которые являются твоими родственниками или близкими. Совсем другое дело – растворение в безликой толпе анонимных личностей. "Если прежде человек был в значительной мере растворен в системе традиционных группировок, местных религиозных и иных связей, то теперь он оказывался один на один с миром и потому остро ощущал утрату своего места в обществе, потерю самого смысла своего существования," - подчеркивает современный российский исследователь тоталитаризма Вадим Дамье. Эрих Фромм полагал, что человек может искать замену исчезающим социальным связям, некую внешнюю силу, в виде государства, нации, движения, вождя или идеи, с которыми он мог бы себя идентифицировать. "Интимные чувства любви к родным

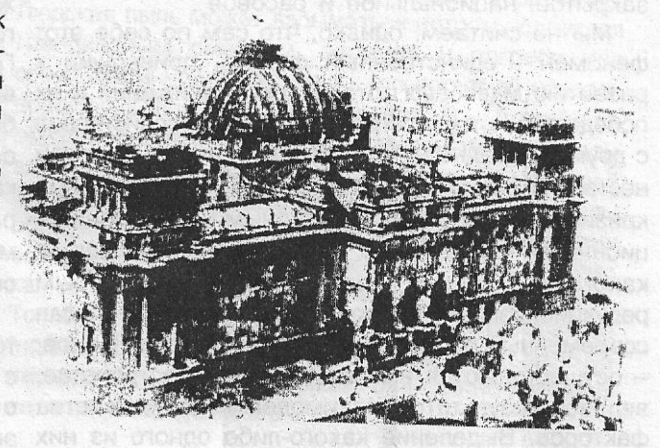
местам, так называемой «малой родине» не имеют ничего общего с современным патриотизмом, – пишет Вадим Дамье. - Большинство людей (хотя и не все) привязаны к тому, что окружало их с детства, к знакомому с младенчества пейзажу, к песням, которые они слышат от матери и близких, иначе говоря, к своим материализованным воспоминаниям. Все это - конкретные вещи, которые можно любить. Никому не придет в голову убивать и умирать во имя красоты ландшафта или ненавидеть одни местности только из любви к другим. Но огромные, холодные и абстрактные понятия «нации» и "государства" любви не поддаются - они генерируют иные чувства: самоотреченного поклонения и служения, покорности власти, агрессии по отношению ко всем тем, кто к ним не принадлежит". Таким образом, уже в самих подобных проявлениях коллективизма скрыта возможность манипуляций со стороны тоталитарных сект, партий и режимов.

Тоталитарные организации используют импульсы, порожденные глубинным устремлением людей к теплу, к сотрудничеству и взаимопомощи, импульсы, вызванные естественной реакцией человека на ужасы индустриальной гигантомании и атомистического существования в условиях современного общества, когда каждый сам за себя и все против всех, в вечной конкурентной борьбе за ресурсы и рынки. Тоталитарный строй со временем обращает подобные импульсы в свою противоположность, мобилизуя скрытые в людях ресурсы активности и сотрудничества ради радикальной общественной модернизации, войн и репрессий против своих противников. По-видимому, невозможно до бесконечности увеличивать дистанцию между людьми, если правда в том, что человеческое сообщество - это целостность, подобная гигантской пружине. Стоит слишком сильно растянуть ее, и она сожмется, не взирая ни на какие преграды и доводы разума.

Особенностью нацистского режима в Германии было то, что он сумел интегрировать подобные импульсы не только непосредственно, в форме массового коллективизма, как в большевистской России, но и апеллируя к идеям возвращения к природе, сельской жизни, апеллируя к привлекательности естественных и неотчужденных форм труда. Подобного рода идеи были характерны для некоторых фракций нацистского движения, и хотя они и не нашли какого-то конкретного практического применения, им суждено было сыграть весьма существенную роль в пропаганде нацистов и в их утверждении у власти. Так, представители "левого крыла" нацизма (Штрассер) говорили о необходимости сохранения и расширения аграрных зон, иначе говоря, видели социальные перспективы нацист-ского движения не столько в индустриализации, сколько в аграризации общества. В какой-то степени эти идеи сохраняли свое значение для НСДАП и после ее разрыва с левыми нацистами. Возможно, тотальное унич-тожение славянского населения на Востоке (в случае победы нацистов во Второй мировой войне), привело бы к постепенному заселению опустевших земель немецкими фермерами-колонистами.

"Консервативная революция заимствовала старые антикапиталистические тенденции (возвращение к природе, бегство из городов и т.д.), которые отрицались или недооценивались рабочими партиями - даже наиболее крайними из них, – писал современный французский социальный мыслитель Жиль Дове. - Эти партии оказались неспособны интегрировать устремления, исходившие из внеклассового коммунитарного измерения пролетариата, оказались неспособны к критике экономики (как таковой – прим.ред.) и не могли представить себе новый мир иначе, чем через распространение тяжелой промышленности. В первой половине XIX столетия эти темы стояли в центре внимания социалистического движения, пока «марксизм» не отказался от них во имя прогресса и науки, и они выжили только в анархизме и в религиозных сектах".

Такого рода настроения очень ярко выразил известнейший немецкий публицист и поэт Готфрид Бенн, объясняя причины своей поддержки нацистов в 1933 году: "Народ — это так много! Своим духовным и экономическим существованием, своим языком, своей жизнью, своими отношениями с людьми, всеми своими мыслями и представлениями я обязан прежде всего моему народу. Из него вышли предки, в него возвратятся потомки. И поскольку я вырос в деревне, среди полей и стад, я еще знаю, что такое Родина. Большой город, индустриальное общество, интеллектуализм, все тени, которые отбрасывает эпоха в мое сознание, вся мощь этого столетия, которой я предстою в моем творчестве, — бывают мгновения, когда вся эта вымученная жизнь исчезает и не остается

ничего — только равнина, простор, времена года, земля, простое слово Народ. Вот откуда моя решимость предоставить себя в распоряжение того, чему Европа... отказывает в малейшем признании. Пришла пора испытаний, общество сплотилось, и теперь каждый, и в том числе литератор, в одиночку и сам для себя должен сделать выбор: личные пристрастия или равнение на государство. Я выбрал последнее и связал свою судьбу с этим государством..." Здесь можно видеть причудливую смесь привязанности к малой родине и к естественным, солидарным и природосообразным формам существования человека, со стремлением полностью отождествить свои интересы с многомилионным немецким народом (растворившись в нем) и немецким государством, якобы являющимся проводником воли и интересов этого народа.

"Разрушение общинных связей, индивидуализм и стадность, нищета сексуальности, семья, подорванная, но в то же время утверждаемая как убежище, отчуждение от природы, индустриализация питания, растущая искусственность, протезированность человека, регламентация времени, все большее опосредование социальных связей в виде денег и техники - все эти формы отчуждения прошли через огонь рассеянной и многообразной критики. Только поверхностный взгляд назад может рассматривать этот фермент через призму его неизбежного возмещения, – писал Жиль Дове. - Контрреволюция восторжествовала в 20-х гг., только когда в Германии... были заложены основы общества потребления и фордизма, а миллионы немцев, включая рабочих, были брошены в пучину индустриалистской современности товарного производства. Экстремизм нацистов и развязанное ими насилие были адекватны глубине революционного движения, которое они перехватили и отрицали... Подобно радикалам 1919-1921 гг. (здесь имеется в виду коммунитаристски настроенная часть участников немецкой пролетарской революции 1918-1921 гг. – прим. ред.), нацизм предлагал сообщество... тружеников, но только сообщество иерархическое, закрытое, национальное и расовое".

Мы не считаем, однако, что сам по себе этот феномен - единственный фактор, приведший к развитию массовых тоталитарных движений и их победе в некоторых странах. Он взаимодействовал с другими мощными факторами – экономической нестабильностью, разрушительными политическими кризисами, сложными культурными и модернизационными процессами. Сводить жизнь лишь к какому-то одному фактору было бы грубым редукционизмом. "Исторические события, – писал современный российский историк Михаил Леонов, – осуществляются в многомерном пространстве, являясь результатом взаимодействия множества факторов. Выделение какого-либо одного из них в качестве определяющего с целью построения линейно-последовательного ряда с априорно заданной целью... приводит к упрощению и искажению исторических явлений". Однако, в интеграции тоталитарными движениями и режимами устремлений, исходящих из внеклассового коммунитарного измерения мышления людей, мы видим фундаментальную причину появления тоталитаризма, фундаментальное объяснение центрального феномена тоталитаризма – сочетания тотального принуждения государства с ленинским "живым творчеством масс", то есть с активной несвободой.

ТОТАЛИТАРИЗМ КАК ОХЛОКРАТИЯ

"Тоталитарные Идеологии, – говорила Ханна Арендт, - безвредны и безопасны, пока в них не верят всерьез". Когда же эти идеологии превращаются в каркас жестких логических систем, возведенных на базе первой исходной посылки, будь то борьба классов или борьба рас, то в конечном итоге и возникает тотальное упрощенное объяснение всего и вся (так в СССР все социальные и культурные процессы было принято объяснять с точки зрения борьбы классов, а в нацистской Германии - с точки зрения борьбы наций или рас). С помощью подобной идеологии воспитывается тупая преданность, утверждается принцип: «партия всегда права». Но когда это происходит? В ситуации, когда общество погружается в атомистический хаос, когда разрушаются коммунитарные солидарные связи между людьми и когда этот процесс накладывается на картину экономических страданий масс. Так было в России в начале ХХ-го века, когда индустриализация и коммерциализация общественной жизни, проводившиеся царским правительством, подрывали основы крестьянской общины, а затем разразился тяжелейший экономический и социальный кризис, спровоци-рованный Первой мировой войной. Так было в СССР в 30-е годы, когда общество, по выражению французского советолога Николя Верта, превратилось в "зыбучие пески", когда вследствие коллективизации огромные массы сельского населения стремительно утрачивали привычный жизненный уклад и переселялись в растущие городские индустриальные центры. Так было в Германии в конце 20-х – начале 30-х годов, когда введение фордистского производства и массовая безработица довели атомизацию общества до самых крайних пределов. Индустриально-капиталистическое общество беременно тоталитаризмом. Однако, тоталитаризм оказывается максимально востребован именно в условиях острейшего кризиса этого общества.

Среди факторов, сопутствующих появлению тоталитарных форм массовой активности наряду с индустриализацией и коммерциализацией общества, следует указать на социально-экономический кризис и люмпенизацию. Здесь выявляется еще одно неожиданное качество

тоталитарных движений и режимов: они сами формируют собственную опору. Это, конечно, не означает, что такие движения или режимы не получают поддержку от тех или иных общественных групп, сформировавшихся в "дототалитарном" обществе. И все же мы не поймем динамику тоталитаризма без того, чтобы указать на формирование им собственной опоры из числа тех, кто подвергся люмпенизации. Самоформируемая опора тоталитарного режима или движения – это различные, достаточно массовые общественные организации или вооруженные милиции. Наиболее преданные участники таких формирований обычно получают не только психологическое удовлетворение, но и экономическую и социальную поддержку путем интеграции в бюрократические структуры режима.

В РОССИИ

Как уже отмечалось выше, рост частной и государственной промышленности, вытеснение мелких индивидуальных производителей с рынка, тяжелое бремя налогов, накладываемых на крестьянскую общину государством, заставлявшее крестьян отправляться в города в поисках работы, насильственная приватизация земли в ходе Столыпинских реформ, и, наконец, громадный экономический кризис, голод, массовая безработица и люмпенизация части трудового населения, спровоцированные мировой войной, вызвали в обществе бурную реакцию, противоречиво выплеснувшуюся в годы Великой Русской революции. С одной стороны, можно было видеть самостоятельные попытки рабочих, крестьян и части трудовой интеллигенции наладить свою жизнь через Советы, Фабрично-заводские комитеты, Союзы Трудового Крестьянства, кооперативы и иные формы самоуправления. С другой стороны, кризис заставил часть обездоленного населения (часть городских рабочих, крестьян, одетых в солдатскую форму, сельскую бедноту) искать новую опору в виде мощного государства и иерархически устроенного коллектива, которые заменили бы собой разрушенное атомизированное общество. И они нашли такую опору в лице партии большевиков. Многолюдные собрания и шествия, осуществляемые этой партией до и после прихода к власти, требование подчинения вождям и принесения личного в жертву общему, коллективные истерики, подогреваемые большевистскими вождями, призывавшими, подобно Ленину, "поощрять массовитость террора" против "врагов революции", формирование сверхцентрализованного государства, в котором сотни тысяч бывших рабочих и крестьян обрели не только собственную коллективную идентичность, но и бюрократические должности, иначе говоря, власть и материальное благосостояние – все это в совокупности стало основой большевистского правления. Так в 1919 году из 600.000 членов РКП(б) около трети составляли новоиспеченные советские чиновники, из которых, в свою очередь, значительную часть составили бывшие рабочие.

"При остановке работ на массе крупнейших фабрик и заводов – писал социалист-революционер Виктор Чернов в 1918 году - фактически рабочие этих заводов - полудеклассированные. За время войны их состав лишился ценнейших элементов – постоянных, опытных, старых рабочих, неведомо зачем угнанных на фронт ... и эта убыль была пополнена как попало и чем попало – пришлыми крестьянами, мелким мещанством, прислугой, бывшими дворниками... И вот, вся эта масса перешла на положение временно незанятых, как бы отпускных на какой-то неопределенный, вилами по воде писаный срок..." Процесс люмпенизации затронул и крестьян, составлявших большую часть солдатской массы. "Огромное количество людей было оторвано от производительного (крестьянского – прим. ред.) труда на сроки, столь длинные, как не предполагал никто. Между тем война затягивалась до бесконечности. Они отвыкали от своего профессионального труда, быстро подвергались неизбежной деморализации. В известном рассказе "Мишаньки" Глеб Успенский нарисовал яркую картину того, как примитивные типы здоровых, отличных деревенских парней, в привычной колее трудовой (общинной – прим. ред.) жизни представлявшие образец твердых жизненных правил и превосходного поведения, выскочив из этой привычной жизни и очутившись в водовороте незнакомой им городской жизни, быстро растерялись, потеряли почву под ногами и в слишком сложной для их грубых мозгов обстановке потеряли способность различать, где зло, где добро. Тыловые гарнизоны явились самой настоящей лабораторией таких деклассированных солдатчиной..., бессмысленно ожесточенных безудержной демагогией "Мишаней"".

Все эти категории населения сформировали охлос – основу большевистского правления. "Пока масса находится в состоянии распыленности, пока она организована лишь поверхностно, до тех пор она ... способна делать чудеса в области борьбы и разрушения, но... беспомощна в деле творчества. Людская пыль может вздыматься ветром, крутиться грандиозным смерчем, засыпая и погребя под своей стихийной тяжестью то, что встает ей поперек дороги... Толпа, масса – безлична. В ней личность обезличивается. Личностью, отдельным индивидом здесь управляет по преимуществу стихия массовой заразы. Разные направления этой массовой заразы обладают силою и неотвратимостью настоящих эпидемий. "Безличностная личность" толпы создает как свое необходимое дополнение "вожака стада"... Толпа, охлос есть необходимое и естественное "подножие ног" какого-нибудь самодержца. Свергнув наследственного самодержца, она охотно поставит на его место демагога".

Лава массовых тоталитарных движений выдыхается, застывая со временем в монолит государственных диктатур. Однако политики тоталитарных государств обычно стараются тем или иным способом поддерживать массы во взвинченном состоянии. Процессы разрушения горизонтальных, независимых от государства, общественных связей, самого общества как такового (ибо общество существует только до тех пор, пока существуют горизонтальные связи между людьми) ведут к глубокому перерождению. Люди, лишенные почвы под ногами, лишенные традиционных жизненных ориентиров и связей, легко превращаются в агрессивную и манипулируемую массу, которая слепо следует за своими вождями, в той или иной форме соучаствуя в их преступлениях. "Насильственная коллективизация и ускоренная модернизация (в 30-е годы) вызвали в стране огромную миграционную активность, – пишет французский историк Николя Верт. - На какое-то время советское общество превратилось в гигантский "табор кочевников", стало обществом "зыбучих песков". В деревне общинные структуры и традиционный уклад были полностью уничтожены. Одновременно в городах оформлялось молодое городское население, представленное бурно растущим рабочим классом, полностью состоящим из уклоняющихся от коллективизации вчерашних крестьян". Вообще, для СССР эпохи 30-х годов была характерна колоссальная социальная динамика: новая промышленность требовала массы новых управленцев, кроме того, репрессии освобождали множество мест в административном, партийном и военно-бюрократическом аппарате. Естественно, на новые места, или на место репрессированных чиновников, приходили новые администраторы - выходцы из народа или из нижестоящих слоев бюрократии, причем эти люди были обязаны своим выдвижением именно "великому перелому" и репрессивной политике Сталина.

Конечно, массовые проявления охлократической тоталитарной активности были теперь в несравненно большей степени подконтрольны большевистским вождям и их государству, нежели в эпоху революции. Они умело направлялись и использовались для роста продуктивности труда, для служения государству на "трудовых и военных фронтах".

Мы отчасти согласны с Ханной Арендт, считавшей, что "Сталину пришлось сначала создать то самое атомизированное общество, которое в Германии подготовили для нацистов исторические обстоятельства", но мы считаем, что развитие большевизма уже изначально было проявлением тоталитарной реакции общества на разрушение сельской общины и артельного ремесла в эпоху самодержавия.

И В ГЕРМАНИИ

В Германии в годы Великой депрессии имело место массовое обнищание людей и крайняя степень атомизации общества, где каждый был теперь всецело поглощен борьбой за существование и выживание. Особое значение в это время приобрела социальная прослойка, состоявшая, прежде всего, из мелких предпринимателей, использующих наемный труд (а, следовательно, уже имевших существенный опыт властвования над другими) а также из индивидуальных производителей или торговцев. Будучи теснима, с одной стороны, крупными монополиями, а, с другой стороны, мощными централизованными профессиональными организациями наемных работников (управляемыми и возглавляемыми коммунистами и социал-демократами) эта прослойка отчаянно нуждалась в собственной массовой организации, направленной как против первых, так и против вторых. Изначально нацисты сфокусировали внимание на этой категории людей, и постепенно немецкий нацизм нашел в ней свою прочную опору и поддержку. В свою очередь в НСДАП и штурмовых отрядах SA, мелкий бизнес увидел своих защитников. Но дело, конечно, не сводилось только к экономическим моментам, тоталитарный коллективизм нацистов привлекал людей еще и потому, что в нем они увидели возможность бегства от той пустоты и холода атомистического существования, с которыми они сталкивались в повседневной жизни. "В этой группе населения, формировавшей массовую опору нацистского движения, - писал Эрих Фромм, - люди старшего поколения формировали несколько более пассивный слой; их сыновья и дочери стали активными борцами. Нацистская идеология – дух слепого повиновения вождю, ненависть к расовым и политическим меньшинствам, жажда завоевания и господства, возвеличивание немецкого народа – имела для них огромную эмоциональную притягательность". Охлос в Германии отличался по своему социальному составу от охлоса в СССР.

Привилегированные классы рассчитывали, что нацизм направит угрожающий им разрушительный эмоциональный заряд в нужное русло и в то же время поставит нацию на службу их экономическим интересам. "В целом, - замечает Фромм, - их ожидания оправдались, хотя они и ошиблись в некоторых деталях... им пришлось разделить свою власть с нацистской бюрократией, а в ряде случаев и подчиниться ей... Однако, нацизм заботливо опекал интересы наиболее мощных групп германской промышленности." Что до мелкого бизнеса, то Гитлер, который вначале обещал даже уничтожить большие универсальные магазины, чтобы облегчить его положение, этого не сделал. Но "существенно было то, что сотни тысяч мелких буржуа, которые при обычном ходе событий имели очень мало шансов разбогатеть и добиться власти,

в качестве членов нацистской бюрократии получили большой ломоть богатства и престижа, поскольку заставили высшие классы разделить с ними "пирог"".

Но не следует думать, что мелкий и средний бизнес, а также крупный промышленный капитал были единственными категориями населения, среди которых нацистские идеи распространились и стали популярны. К нацистам примкнуло немало представителей рабочего класса. По оценке ультралевого политического деятеля Германии, сторонника рабочего самоуправления Отто Рюле, многие рабочие уже были психологически подготовлены к нацистскому тоталитаризму деятельностью коммунистической партии, которая научила их преданности вождям, дисциплини-рованному подчинению партийному аппарату. Более того, существовали специальные распоряжения руководства НСДАП, способствовавшие переходу членов компартии в ряды нацистов, так как, по мнению фюрера, они уже прошли соответствующую подготовку и приобрели необходимую дисциплину. С другой стороны, многие рабочие, ставшие безработными во время Великой депрессии, увидели в Гитлере и его партии способ навести в обществе порядок и обеспечить стабильность и единство.

"После прихода Гитлера к власти – писал Эрих Фромм, – лояльность большинства населения нацистскому правительству была усилена добавочным стимулом: миллионы людей стали отождествлять правительство Гитлера с "Германией". В его руках была теперь государственная власть, и потому борьба с ним означала самоисключение из сообщества всех немцев; когда все другие партии были распущены и нацистская партия "стала" Германией, оппозиция этой партии стала равнозначна оппозиции Германии. Наверное, для среднего человека нет ничего тяжелее, чем чувствовать себя одиноким, не принадлежащим ни к какой большой группе, с которой он мог бы отождествить себя. Гражданин Германии, как бы не был он чужд принципам нацизма, должен был выбирать между одиночеством и чувством единства с Германией и большинство выбирало единство".

БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА?

Можно ли было избежать тоталитаризма? Существовали ли альтернативы, например, большевизму в русской революции? Возможны ли вообще проявления коллективистских импульсов в нетоталитарных формах? Возможен ли синтез индивидуальной свободы и автономии с присущими человеку коллективистскими устремлениями? Все эти вопросы остаются открытыми. Мы видели, что, с одной стороны, к появлению тоталитаризма приводит всеобщий коллективизм, вследствие чего личность растворяется в обществе или государстве, как капля воды в океане, а с другой стороны – одиночество и индивидуализм

индустриального общества. Может быть, индивидуальное и коллективное – это не просто две противостоящие друг другу крайности, но два полюса существования человека, цивилизации, два полюса, образующие единую сферу, внутри которой нам еще только предстоит себя найти? Пора признать, говорил Александр Герцен, что индивидуализм и братство "не добродетели и не пороки; это основные стихии жизни человеческой". Если это так, то попытки синтеза этих двух начал могут быть плодотворны. Идейный поиск русского народничества в XIX-ом - начале XX-го столетия вовсе не был ограничен российскими или западными реалиями, индивидуализмом или коллективизмом. Речь шла о своеобразном синтезе традиционных для России общинных коллективистских устоев с идеями индивидуальной свободы, пришедшими, главным образом, из стран Западной Европы.

Этот синтез имел (и имеет!) не только теоретическое, но и практическое значение, и осуществлялся он, конечно, не только теоретиками народничества, хотя и при их активном участии. Так было в кооперативном движении начала века, в котором работали представители различных народнических течений, и которое объединяло десятки миллионов людей. Например, землю крестьяне могли обрабатывать индивидуально, пользуясь общими орудиями труда, приобретенными коллективно (кредитная кооперация), совместно сбывать продукцию (торгово-закупочная кооперация), совместно закупать по оптовым ценам необходимые деревне городские товары (потребительная кооперация), совместно трудиться (производственная кооперация) и т.д. Работа в таком небольшом самоуправляющемся коллективе, который сам на своих общих собраниях принимал ответственные решения, способствовала как укреплению отношений солидарности между людьми, так и росту личной ответственности и динамизма, так как каждому нужно было самостоятельно думать и участвовать в принятии сложных хозяйственных решений. В свою очередь такие коллективы могли соединяться в мощные кооперативные союзы. К 1918 году в кооперативном движении, в различных его формах, участвовало до половины всего стомиллионного российского крестьянства. Миллионы городских жителей участвовали в работе городской (прежде всего потребительной) кооперации. Таким образом, многие крестьяне и горожане были охвачены сложной многофункциональной структурой кооперативов, причем эта структура росла и становилась все более масштабной и интегральной, помогая решать многие экономические и социальные проблемы.

Бурное развитие сельской, а также и городской кооперации имело свои корни в разрушении традиционной общинно-ремесленной структуры российского общества под давлением растущей рыночной конкуренции, и индустриализации, осуществлявшейся государством за счет обложения крестьянства тяжелыми налогами. "Там, где нет общины, приходится создавать суррогат ее, - писал весной 1914 года эсер Е.Е.Лазарев. – кооперации, производительные, потребительные, общества продажи и покупок, кредитные общества, общества страхования и т.д. Кооперации растут, как грибы." А вот что писал видный русский экономист Чаянов: «Наблюдая развитие кресть-янской кооперации за последние десятилетия, мы должны признать, что ей удалось заметно оттеснить капиталистические формы хозяйства со многих народнохозяйственных позиций, что она постепенно становится одной из крупнейших основ современной народно-хозяйственной жизни и, по нашему глубочайшему убеждению, постепенно создает в параллель капитализму народно-хозяйственную систему трудового кооперированного хозяйства, не умещающуюся в рамках законов и явлений капиталистического строя и сосуществующую с ним». Таким образом, на примере кооперативного движения можно было видеть, как осуществлялась альтернатива тоталитарному коллективизму. Эта альтернатива заключалась в "рекреации общества", разрушенного индустриализмом и рынком, в восстановлении на новом уровне органического единства через развитие небольших самоуправляющихся коллективов, которые сами, без начальников и хозяев решали собственные проблемы, где могли достаточно гармонично сочетаться индивидуальная свобода и коллективная солидарность, где люди знали друг друга и могли общаться друг с другом непосредственно и где, в то же время, уважались права и автономия личности.

Подобный же синтез можно увидеть и в крестьянских повстанческих движениях времен русской революции 1917-1921 гг., боровшихся как против белого движения, так и против большевистской власти. Важно отметить, что эти движения были напрямую связаны с кооперативными тенденциями. Так программа тамбовских повстанцев предусматривала "ведение торговли через систему кооперативов", а за западно-сибирским восстанием, в котором приняло участие до ста тысяч крестьян, по мнению некоторых исследователей, стояли мощные сибирские кооперативные союзы. В ходе этой борьбы крестьяне создавали и так называемые "Союзы Трудового Крестьянства" объединения профсоюзного типа. А ведь форма профсоюза, имевшая место в антоновском, западносибирском, и других восстаниях, - вещь совершенно новая для России в ту эпоху, явно свидетельствующая о каком-то синтезе западных веяний и традиционного жизненного уклада крестьянской общины. При этом в данных движениях работали разные политические группы (правые и левые эсеры, анархисты), т.е. там имел

место определенный идеологический плюрализм, а выдвигавшиеся повсеместно экономические лозунги и требования соседствовали с идеями самоуправления, кооперации, свободы слова, печати и собраний.

Следует отметить, что похожие движения и тенденции существовали и в других странах мира. Мы можем обнаружить их в развитии самоуправляемого профсоюзного и кооперативного движения на Западе, в коммунах, созданных в 36-ом году в испанском Арагоне, в еврейских коммунитарных поселениях в Палестине (киббуцах), в венгерских рабочих Советах 1956 года. Как бы то ни было, эти движения не добились успеха. И все же сам факт их существования и упорной борьбы говорит о том, что шанс противостоять тоталитаризму существовал. Не случайно две наиболее яркие антитоталитарные революции (восстания) в XX-ом столетии, венгерская революция 1956 года и Кронштадтское восстание 1921 года были так похожи друг на друга: и там и там в ходе сопротивления формировалась новая общественная система, основанная на принципах прямой демократии, социального равенства, взаимопомощи и уважения к правам личности.

Виктор Чернов, говоря о возможности противостоять большевизму, противопоставлял охлосу – демос, самоорганизованный трудовой народ, развивший собственные системы само-управления, в виде кооперативов, профсоюзов и иных независимых общественных ассоциаций. Охлос и демос, по его мнению, это не обязательно два разных класса, а скорее два состояния общества, часто одного и того же класса.

ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

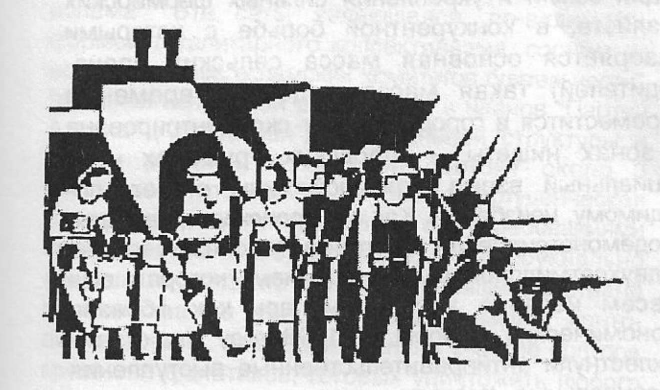
В XX-ом столетии десятки миллионов людей стали жертвами тоталитарных репрессий, порой настолько жестоких и изощренных, что другие люди, те, кому посчастливилось избежать подобной участи, даже имея на руках все факты, просто не могли поверить в происходящее. И все же это была правда. Но что нам делать с этой правдой сегодня? Ведь, как кажется, тоталитарные диктатуры ушли в прошлое, и мы живем в мире, который, конечно, не лишен недостатков, но все же свободен от ужасов Освенцима и ГУЛАГА. Что нам до страхов и проклятий предыдущего поколения? У нас свои проблемы, и не малые, а тоталитаризмом пусть занимаются профессиональные историки. В конце концов, они за это получают зарплату.

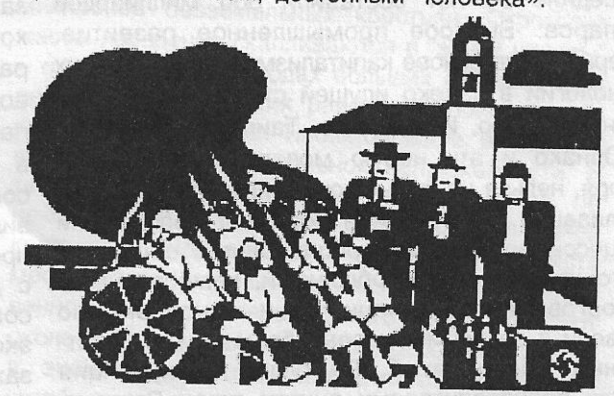
Правда, если мы чуть-чуть внимательнее посмотрим на вещи, то выяснится, что не все так просто. Совсем недавно миллионы людей пережили ужас, перешедший в припадок коллективной ненависти, когда в нескольких городах взлетели на воздух жилые здания. А потом многие благословили кровопролитную войну и восхищались людьми, осуществляющими геноцид целого народа. И вот уже сегодня, по мнению российских и международных гуманитарных и правозащитных организаций, работающих в Чечне, количество мирных жителей, погибших под бомбами и снарядами российских войск, исчисляется тысячами, причем среди убитых множество детей. А более точных данных нет, так как ни одно российское ведомство не занимается сбором такой информации. Ведь все "они" - террористы, а если даже и не все, то пусть лучше их всех убьют, на всякий случай, только бы мы жили в безопасности.

Именно так и рассуждали когда-то миллионы людей в СССР и нацистской Германии, в фашистской Италии и маоистском Китае. И они тоже искали врагов, которым приписывали все мыслимые злодеяния, они тоже применяли логику коллективной ответственности по отношению к целым народам. И они ликовали, когда их правители объявляли войны, когда разрушали города, когда отправляли в лагеря "врагов народа".

Наблюдаемое в наши дни стремление людей обрести твердую жизненную опору в виде нации и государства, идеи "сильной руки" и широчайшее распространение ксенофобии – все это прямые следствия разрушения общества, его атомизации, как в советское время, так и вследствие рыночных реформ и "шокотерапии".

Увы, проблема тоталитаризма отнюдь еще не утратила актуальность. Как замечала Ханна Арендт - «Тоталитарные решения могут спокойно пережить падение тоталитарных режимов, превратившись в сильный соблазн, который будет возобновляться всякий раз, когда покажется невозможным смягчить политические и социальные проблемы или ослабить экономические страдания способом, достойным человека».

ЧАСТЬ II
НОВЫЙ ТОТАЛИТАРИЗМ

В современном мире увеличивающееся количество этнических и религиозных конфликтов, чреватых установлением новых диктатур в противоборствующих государствах и регионах, растущая манипулируемость общества электронными и другими средствами массовой информации, все это и многое другое – тревожные симптомы тоталитарного перерождения. Конечно, из всего сказанного вовсе не следует, что наступление тоталитаризма неизбежно. Из этого следует только то, что наступление тоталитаризма в новом столетии возможно.

СОВРЕМЕННЫЙ ВОСТОК: МЕЖДУ НАДИРОМ И ЗЕНИТОМ

В 70-е-80-е годы стало ясно, что Восток проиграл соревнование за мировое господство. По всему миру прошла волна экономической либерализации. Усилиями транснациональных корпораций границы "замкнутых торговых систем" с их национализированными экономиками были взломаны, причем этому в ряде случаев способствовали и сами лидеры государств Востока, так как избранные ими модели развития оказались неэффективны и не могли уже ни помочь одержать победу над технически более развитыми странами Запада, ни удовлетворять нужды собственного населения. В результате страны Востока оказались в большей или меньшей степени открыты для международной торговли. Реальностью стали и усиливающиеся процессы приватизации промышленных предприятий, банков, земли и коммерциализация (т.е. расширение применения рынка) во всех сферах общественной жизни. Правительства Востока расчитывали на то, что им удастся привлечь в экономику инвестиции, построить на деньги западных инвесторов передовую промышленность. И, отчасти, эти ожидания оправдались. Так, иностранные инвестиции в экономику Китая за последние 20 лет составили 500 миллиардов долларов. Быстрое промышленное развитие, теперь уже на основе капитализма и современных технологий в далеко идущей степени затронуло Южную Корею, Индонезию, Таиланд, Индию.

Однако и эту новую модернизацию, мягко говоря, нельзя назвать бесконфликтной. Коммерциализация и свободная торговля подстегнули процессы разрушения традиционного общества, с его крестьянскими общинами, ремесленными и торговыми ассоциациями и одновременно привели к закрытию нерентабельных государственных предприятий. Растущая конкуренция между производителями внутри стран Востока, а также с иностранными производителями имела своим следствием разорение сотен миллионов мелких сельских и городских производителей, разрушение самообеспечиваемых сельских общин и уже привела к появлению новых бедняков, ютящихся на задворках мегаполисов. И наконец, резко увеличилась долговая зависимость стран Востока. Для того чтобы привлечь в свою экономику дополнительные средства из-за рубежа, необходимо было создать условия, привлекательные для западных инвесторов: построить хорошие дороги, обеспечить бесперебойный поток сырья в зоны предполагаемых инвестиций, подготовить квалифицированные производственные кадры. Все это потребовало дополнительных средств, которые занимались у иностранных банков. Долги Востока Западу составляют на сегодняшний день триллионы долларов. Выплата процентов по этим долгам стала одной из главных расходных статей бюджета стран Востока, что существенно ограничивает возможности государств для проведения социальной политики.

Сегодня далеко не все уверены в том, что рынок вообще способен обеспечить большинство населения стран Востока богатством, или хотя бы дать ему возможность жить в человеческих условиях. Напротив, рыночные реформы повсюду в мире ведут к быстрой поляризации бедности и богатства. Возникла новая социальная группа - вытесненных на обочину, маргинализированных. И это порождает потенциал конфликтов, заставляющий сомневаться в том, можно ли ими управлять средствами современной политики. Например, в Индии на сегодняшний день насчитывается 700 миллионов крестьян на миллиард населения, в Китае 800 миллионов на миллиард двести миллионов населения. Если, вследствие развития процессов современной индустриализации и коммерциализации, аграрно-капиталистических реформ (разрушения сельской общины, как социального и культурного феномена, разрушения институтов взаимопомощи, приватизации земли и укрепления сильных фермерских хозяйств, в конкурентной борьбе с которыми разоряется основная масса сельских производителей) такая масса людей со временем переместится в города и будет сконцентрирована в зонах нищеты – городских трущобах - то социальный взрыв огромной силы станет, по-видимому, неизбежен. Как это происходит, наглядно продемонстрировали события в Индонезии, стране с двухсотмиллионным населением, которая еще совсем недавно воспринималась как образец экономических реформ. В 1998 году эту страну захлестнули антиправительственные выступления и социальные протесты с участием миллионов людей, которые быстро переросли в погромы и

массовые убийства на этнической и религиозной почве. В свою очередь, такие события могут стать прологом к установлению диктатур. Из хаоса, в который погружается древний Восток, может родиться новая тоталитарная упорядоченность.

Вообще, следует исходить из того, что в странах Востока до сих пор существуют сильная самостоятельная культурная традиция, которая как минимум прохладно относится к идее индивидуального обогащения, к эгоизму, к растущей атомизации индустриального общества. Благодаря традиции люди могут воспринимать нынешние события как крушение целого мира, привычного и близкого им, мира, в котором они, может быть, жили бедно, но чувствовали себя в какой-то мере защищенными от превратностей судьбы общиной, соседством, социальной поддержкой государства. Там, где проходит граница бурного промышленного развития и где, в то же время, сильны традиционные общинные устремления, возможно появление новых массовых тоталитарных движений, в том случае если они, как и тоталитарные движения прошлого, сумеют мобилизовать и заставить на себя работать коллективный (и коллективистский) протестный потенциал. Правда, у правящих классов сохраняется возможность интегрировать хотя бы часть обездоленного населения с помощью модели "фабрики-общины" (см. раздел "Постиндустриальная модернизация и активная несвобода"). Но, в любом случае, потребуется очень много времени, для того чтобы интегрировать в существующую систему сотни миллионов обездоленных людей, безработных, временно или частично занятых, существующих в современном мире на грани выживания.

Последние десятилетия 20-го века стали эпохой резкого усиления, а подчас и взрывного роста религиозного фундаментализма. Особенно бурные события произошли в исламском мире. Так, в Иране в 1979 году победила направляемая духовенством "исламская революция". В этой стране и сегодня сохраняется обширный частный сектор экономики, при наличии и государственного сектора. Но возникла мощная сеть социальной и экономической поддержки для тех, кто особенно ревностно следует традиции и готов по первому зову духовенства выйти на борьбу с "врагами ислама". Эта сеть, являющаяся, по-видимому, формой тоталитарного коллективизма, состоит из всевозможных "исламских комитетов бдительности", "стражей исламской революции" и членов "Партии Аллаха" ("Хезбаллах") - стержневой структуры и опоры режима, в которой состоит около 3 миллионов человек. Так, в 1999 году студенческая оппозиция режиму, проявившая себя требованиями политической либерализации, была буквально сокрушена, когда по призыву правящего в стране духовенства на улицы Тегерана вышла контрдемонстрация, в которой приняло участие полтора миллиона фанатиков, готовых уничтожить любого сомневающегося в оправданности существующего строя.

В 1990-м году в Алжире на свободных парламентских выборах победила радикальная организация - Фронт Исламского Спасения (ФИС). Итоги выборов были отменены военными, и с тех пор в стране идет гражданская война между исламистами и их противниками. Характерно, что и в Алжире и в Палестине, где в 80-е годы возникло сильное фундаменталистское движение ХАМАС, исламистам удалось создать, своего рода альтернативную систему социальной поддержки неимущих слоев населения, открыть свои школы, небольшие предприятия, дать некоторым беднякам надежду на завтрашний день. В обмен, от участников сетей социальной поддержки, требовалась полная идейная и политическая лояльность лидерам фундаменталистов. И все это сопровождалось радикальными призывами к борьбе с врагами ислама, с идеей светского правительства и светского образования, с международным бизнесом и его главным оплотом - "Мировым Сатаной" в лице США. Результат на сегодняшний день - это бесчисленные кровавые преступления: взрывы в общественных местах, уничтожение целых населенных пунктов, жители которых не одобряют действий фундаменталистов.

Протесты против рыночных реформ и модернизации усиливаются в Китае. В конце семидесятых годов в этой стране начались экономические реформы. Были ликвидированы "трудовые коммуны", и это привело в какой-то степени к восстановлению традиционной сельской общины. Дело в том, что процесс индустриали-зации при Мао Цзедуне не приобрел таких масштабов, как в СССР в 30-е годы, большинство населения Китая и сегодня еще живет в деревне. Однако, затем реформы привели к бурному росту коммерческих, частно-капиталистических отношений и к постепенному разрушению общины.

В 1999 году в Китае имело место, по некоторым оценкам, до 6 тысяч антиправительственных социальных выступлений с участием нескольких миллионов человек, в несколько раз больше, чем за предыдущий год. По оценке Карла-Хайнца Рота, в Китае насчитывается до 100 миллионов безземельных крестьян. Огромные массы населения скапливаются в "зонах нищеты" – окраинах и пригородах больших городов, куда они бегут из сельских районов в поисках хоть какой-нибудь работы. Таким образом, возникают все новые очаги социальной напряженности. В течение ближайших пяти лет разорятся по некоторым прогнозам еще около 200 миллионов крестьян. Одновременно в городах будут иметь место массированные сокращения в государственном секторе, вследствие чего работу потеряют около 50 миллионов городских рабочих. Правда, в экономике Китая сохраняется тенденция устойчивого роста, около 7% в год. Но даже

если за эти 5 лет будут созданы десятки миллионов рабочих мест в коммерческом секторе китайской экономики, это не решит проблемы.

Пока неясно, какую форму протесты примут в будущем, ясно только то, что страна стоит на пороге социального взрыва огромных масштабов. В 1989 году Китай пережил мощное социально-политическое движение, в котором приняли участие миллионы людей. Тогда были созданы самоуправляющиеся рабочие и студенческие организации, заявившие о своем намерении изменить условия жизни в стране. Но не исключен и худший вариант. История Китая знает немало примеров народных восстаний, в ходе которых лозунги социальной справедливости, уравнительного перераспределения земли и другого имущества сочетались с требованиями восстановления "справедливой власти императора". В этом смысле главная опасность сегодня исходит от тоталитарной религиозной секты Фа Луньгун. Это – буддистская религиозная секта, одновременно – тайное общество и политическая организация, претендующая на власть в Китае. Деятельность Фа Луньгун запрещена правительством Китая. В секте состоят как минимум сотни тысяч людей. Народные восстания, смещавшие дискредитированную в глазах народа правящую императорскую династию, часто ставили на престол новую династию, из числа руководителей сект, подобных Фа Луньгун. Одно из таких восстаний, собственно, и привело к власти в этой стране коммунистов в конце 40-х годов...

В Индии также нарастает процесс разорения мелкого крестьянства и ситуация чем-то напоминает китайскую. Однако в этой стране сохраняются кастовые традиции - большинство населения принадлежит к низшим кастам и не обязательно воспринимает ухудшение своего экономического положения как что-то противоестественное. Тем не менее, и в Индии наблюдаются фундаменталистские тенденции, которые аккумулируются индуистскими радикалами-традиционалистами из "Бхартия Джаната Парти", экстремистской организации - одной из наиболее популярных в стране партий. Во второй половине 90-х БДП организовала ряд вооруженных столкновений с мусульманскими общинами. Сегодня БДП является правящей партией в Индии.

Фундаментализм усиливается и в России, где растет мощь православного духовенства, влияние которого постепенно проникает во все сферы общественной жизни, включая и текущую политику. Хаос, вызванный рыночными реформами, ведет к росту требований, обращенных к правящим националистически ориентированным политикам "навести порядок любой ценой".

Существует ли альтернатива тоталитарным фундаменталистским тенденциям в странах Востока? Если да, то навряд ли такая альтернатива может заключаться в безудержной "вестернизации". Россия, Индия, Китай, мусульманский мир - все это древние цивилизации, пребывающие в рамках собственных представлений о мире, которые сильно отличаются от европейских. Возможно, разговор должен вестись не на уровне противостояния различных цивилизаций, в их борьбе за выживание и господство над планетой, а на уровне синтеза культурных традиций. Например - западных идей индивидуальной свободы, личного динамизма, открытых дискуссий и восточных традиций общины, солидарности, взаимопомощи, созерцательности.

НОВЫЕ ТОТАЛИТАРНЫЕ ДВИЖЕНИЯ НА ЗАПАДЕ: УЛЬТРАПРАВЫЕ

Иллюстрацией к тому, как возникают и развиваются глобальные проблемы современного мира, могут послужить вопросы об иммиграции и расизме. Исходящая из «Первого мира» коммерциализация и индустриализация нанесла смертельный удар традиционным обществам на большей части планеты. Все более катастрофическое положение в задолжавших государствах «Третьего мира» и странах, которые прежде ограждались от стихии мирового рынка диктаторскими режимами, принуждает миллионы людей уезжать в развитые индустриальные страны, где они надеются найти работу и средства к жизни. Однако немалое число обитателей относительно благополучных регионов теперь опасаются, что поток иммигрантов лишит их рабочих мест и социальных гарантий. Поскольку приехавшие из других стран и районов Земли часто принадлежат к иным культурам, экономические и социальные страхи легко переводятся в русло ксенофобии и расизма. «Существует «народный расизм», который отражает реальные общественные противоречия внутри пролетариата, – говорит немецкий политолог и историк Карл-Хайнц Рот в интервью немецкой газете «АК». - Я живу в Санкт-Паули (район Гамбурга - прим. перевод.). Есть там гигантская стройка у Миллернторн. У меня много пациентов из всех социальных слоев этого коллектива строителей - от польских поденщиков до немецких квалифицированных рабочих. И это реальная

проблема, когда с крупной стройки увольняют 50 немецких рабочих и через неделю нанимают 50 или 70 восточноевропейских рабочих с зарплатой размером в 1/3 или даже меньше. Наступает шок: люди, ставшие безработными, пробираются туда и видят, как на их месте работают за нищенскую плату польские рабочие. Если не будет солидарности, движения, которое объяснит, что происходит, и выдвинет верные требования (например, требование гарантированной минимальной платы за один и тот же труд на одном и том же рабочем месте для всех, независимо от национальности), тогда появится возможность использовать элементарное отчаяние уволенных. Правые могут приходить и заявлять: «Ну вот, видите? Поляки вон!».

Ультраправые пытаются организовать собственные социальные службы, организации социальной поддержки, способствуют помощи в нахождении рабочих мест, налаживанию обучения и досуга и т.д. в условиях, когда соответствующие институты «социального государства» разрушаются господствующей неолиберальной политикой. Но эти новые организации «обслуживают», разумеется, только представителей «своей нации».

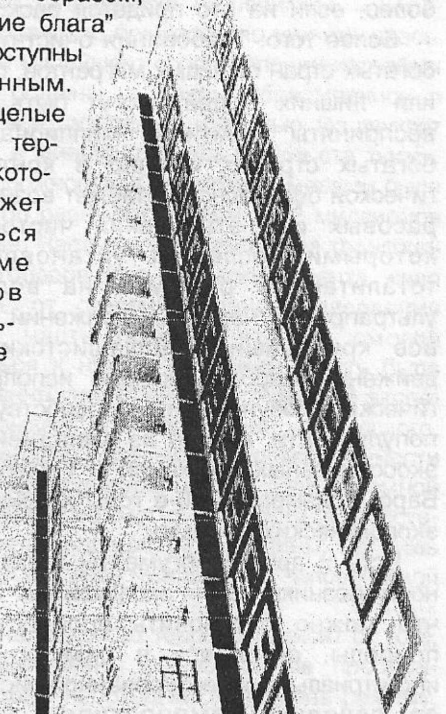
В результате повсюду в Европе растет популярность праворадикальных партий, склонных к тоталитарным решениям общественных проблем и национализму. В Германии наблюдается рост влияния молодежных неонацистских движений, которые нападают на эмигрантов и их культурные центры. Выступающие под расистскими и ксенофобскими лозунгами движения смогли получить от 15 до 30% голосов на выборах в таких ранее спокойных и стабильных государствах, как Австрия, Швейцария, Франция... Уже сегодня полиция во Франции или в Австрии останавливает на улицах людей с темным цветом кожи, которых подчас подвергают унизительным проверкам и допросам. Представители ультраправой Партии Свободы, которую возглавляет мультимиллионер Йорг Хайдер, одобрительно высказывавшийся о социальной политике Гитлера, сегодня входят в правительство Австрии. Так образуется замкнутый круг, который почти невозможно разорвать в рамках существующей социальной и экономической системы.

ТОТАЛИТАРИЗМ В ФОРМЕ "ЭКОФАШИЗМА"

В новом столетии человечество столкнется с угрозой глобальной экологической катастрофы. Какие же социальные и политические последствия будет иметь эта ситуация? Один из сценариев говорит о возможности установления тоталитарных режимов в форме экофашизма. Аргументы тех, кто считает эту угрозу реальной, таковы:

Подчинение природы задачам индустриально-рыночного производства, перекладывание на природу его издержек в виде вредных химикатов, радиоактивных отходов и т.д. ведет к необратимым изменениям в окружающей среде и может сделать ее попросту непригодной для обитания человека. Об этом говорят серьезные научные прогнозы (Римский клуб и другие). Более того, разрушение природы продолжается быстрыми темпами. Экологическая политэкономия пытается показать, что рыночные отношения как таковые наносят ущерб окружающей среде. Профессор Карл Капп в своей, ставшей уже классической, работе «Социальные издержки частного предпринимательства» (вышла впервые в 1960 г.) приходит к выводу, что «экономика свободного предпринимательства должна быть охарактеризована как экономика неоплаченных издержек... в той мере, в какой подлинные издержки производства вообще не учитываются предпринимателем. Эта часть производственных издержек перекладывается на третьих лиц, на общество, на природу и фактически лежит на них».

Некоторые из экологических потребностей (хотя и не все) все же могут быть выражены в виде платежеспособного спроса. Например, потребители могут согласиться платить более высокую цену за экологически чистые продукты, и, таким образом, сделать выгодным их производство, покупать жилье именно в тех городах или районах, где экологическая ситуация лучше, ездить только на те курорты, где нет загрязнения окружающей среды и т.д. Проблема в том, что в условиях рыночной экономики природные блага (чистый воздух, естественный ландшафт, не затронутое загрязнением морское побережье) становятся объектами купли-продажи и предлагаются лишь тем, кто может предъявить на них платежеспособный спрос. Таким образом, "экологические блага" становятся доступны лишь избранным. Возникают целые огороженные территории, по которым не может передвигаться никто, кроме арендаторов или владельцев – частные парки, леса, побережья, острова, богатые ухоженные пригороды. Эти зоны могут расширяться, но это ведет к нарушению пра-

ва передвижения и к вытеснению неимущей части населения в зоны загрязнения.

При этом владеющие производством ТНК стремятся вынести наиболее вредные, с экологической точки зрения, предприятия в слаборазвитые страны и регионы, где экологические гражданские инициативы слабее, а уровень жизни настолько низок, что люди практически согласны на любую работу (или не в состоянии предъявить платежеспособный спрос на экологические блага). В экологически чистых богатых регионах и странах обстановка улучшается, а в бедных и экологически проблемных регионах становится еще хуже. Однако такое не может продолжаться долго. Мы живем на одной планете, и катастрофы в одних регионах планеты неизбежно скажутся и на других регионах. Но разве это не очевидно?

Вполне очевидно. Беда только в том, что современные люди, как правило, не мыслят завтрашним днем. Несчастье, произошедшее на одном конце планеты, может никак не проявить себя непосредственно на другом ее конце. Может быть, даже целые поколения людей в некоторых регионах смогут безопасно дожить до глубокой старости. А за это время, кто знает, может и ученые изобретут какой-нибудь новый эффективный и дешевый способ решения проблемы. Кроме того, заглядывать больше, чем на 5-10 лет вперед люди не привыкли. Какой смысл? Нет нужды дергаться раньше времени, ведь и сегодня полно нерешенных вопросов. Так стоит ли брать себе в голову чужие проблемы? Стоит ли, к примеру, оказывать помощь регионам, терпящим сегодня экологи-ческое бедствие, тем более, если на это придется раскошелиться?

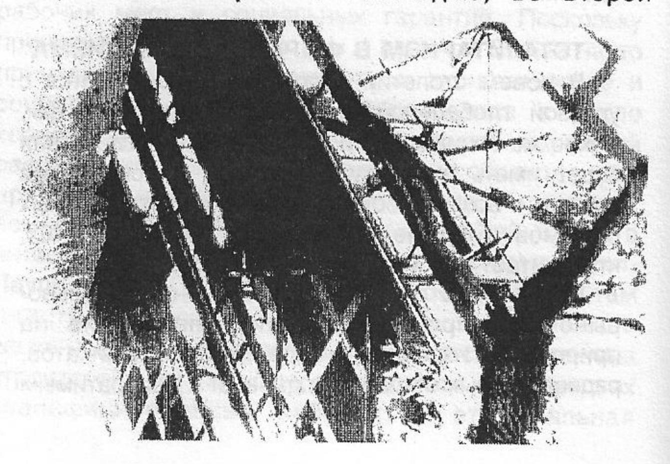
Более того. Требования очистить территорию богатых стран от нищих мигрантов, от "инородцев" или "лишних людей" могут быть услышаны и восприняты позитивно миллионами людей в богатых странах именно в контексте экологической безопасности. Может возникнуть угроза расовых или этнических чисток, вслед за которыми последует установление новых тоталитарных режимов на волне мощных ультраправых народных движений. Уже сегодня все крупнейшие неофашистские партии и движения Европы активно используют экологические лозунги, что способствует росту их популярности. А один из известнейших лидеров экосоциальных движений в Германии Рудольф Баро, призывал в 80-е годы к приходу "фюрера экологических перемен".

Есть и другие аргументы в пользу возможности возникновения экофашизма. Сомнительно, что можно остановить процесс разрушения природы, оставаясь в рамках рыночной и индустриально-ориентированной системы, так как ее основным императивом является не поддержание баланса между производством и окружающей средой, а экономическая прибыль и индустриальная экспансия, непрерывная борьба за рынки сбыта, за потребителей, непрерывное расширение производства и потока товаров, выбрасываемых на рынки. Рынок «диктует... беспощадное требование «расти или умри», — пишет современный социальный эколог Мюррей Букчин.

Преследуя исключительно свою индивидуальную выгоду, — говорит Андре Горц, каждый отдельный индивид или корпорация неотвратимо приближает общую катастрофу. Атомизированное (т.е. раздробленное на отдельные частицы-атомы) рыночное и индустриальное общество, где все втянуты в непрерывную борьбу против всех, конкурируя за рынки, товары, услуги и работу, оказывается неспособным к саморегулированию и нуждается в стоящем над ним контролирующем и гармонизирующем институте – государстве. Логика борьбы всех против всех неумолима и по мере того, как во всех сферах общественного организма набирают силу центробежные процессы, обостряется борьба между индивидами, корпорациями, этническими общинами. Жизнь в условиях рыночного и индустриалистского порядка постепенно превращается в неуправляемый хаос. Угроза распада самих основ человеческого существования диктует жесткие решения. Поэтому рано или поздно разрушение общества и природы может вызвать необходимость новой диктатуры (возможно, в форме экофашизма). Государству придется вмешаться в хаотичную реальность, чтобы спасти жизнь от всеобщей гибели. Логическим итогом этих процессов может стать оруэлловский кошмар разрушенного общества, тотально растворившегося в государстве.

"КРАСНЫЕ КХМЕРЫ": СЦЕНАРИЙ БУДУЩЕЙ ТРАГЕДИИ?

История человечества до сих пор не знала экофашистских диктатур. Но, возможно, в качестве их прототипа может рассматриватся эксперимент, осуществленный тоталитарной группировкой "Красных кхмеров" в Камбодже, во второй

половине 70-х годов (кхмеры – самоназвание народа, составляющего этническое большинство в Камбодже). Опиравшееся на поддержку части крестьян движение Красных Кхмеров решило организовать тотальное переселение городского населения в сельские районы страны. Они использовали как фактор своей пропаганды ненависть крестьянства, уже испытавшего тяготы рыночной атомизации, тяготы разрушения общинной солидарности и систем взаимопомощи, уже вовлеченного в торговлю и конкуренцию, к городу, который воспринимался им как источник морального разложения, коррупции, несправедливых налогов, нечестно нажитого богатства, возможно и как источник загрязнения естественной среды обитания людей. Красные Кхмеры провозгласили необходимость уничтожения городов и всех элементов городской культуры – именно как источника заразы и нравственного разложения. Города обезлюдели, были осуществлены акции огромных масштабов по переселению городского населения в сельские "трудовые коммуны" - гигантские трудовые концлагеря, строившиеся по образцу индустриальной фабрики – как жесткие управляемые из единого центра сельхозпредприятия, с ячейками по 12-15 человек, начальниками и бригадирами, но без применения машин. Эти лагеря были организованы так, чтобы посредством "естественного отбора» избавиться от стариков и больных. Люди, занятые на уборке урожая риса и на осушении малярийных болот, гибли сотнями и тысячами от болезней, голода и истощения, под дубинками надсмотрщиков. Помимо трудовых лагерей существовали и лагеря уничтожения. Например, печально знаменитый лагерь S-21, где было уничтожено 30 тысяч человек. Из узников лагеря уцелело только семеро.

В Камбодже была запрещена религия, народные песни и древние обычаи. Строительство нового счастливого общества не могло оставить без внимания и семью. Все имевшиеся в стране семьи были объявлены вне закона. Их стали заменять новыми: руководители коммун сами назначали мужей и жен, которым позволялось уединяться не более шести раз в году. Но членам семьи нельзя было жить вместе: дети не должны были попадать под влияние своих родителей. Поэтому детей забирали у родителей с семилетнего возраста и воспитывали в духе преданности новому режиму.

Книги были объявлены вредными и их сжигали. Устраивались огромные костры из книг, на которые должны были смотреть подвергнутые перевоспитанию горожане. Для нового аграрного класса устанавливается восемнадцатичасовой рабочий день, каторжный труд сочетается с «перевоспитанием» в духе идей марксизма-ленинизма под руководством новых хозяев. Инакомыслящие, проявляющие симпатии к прежним порядкам, не имели права на жизнь. Подлежали истреблению интеллигенция, учителя, вузовская профессура, вообще грамотные люди, так как они могут читать материалы, враждебные идеям марксизма-ленинизма, и распространять крамольную идеологию среди трудящихся, перевоспитанных на крестьянской ниве. Духовенство, политики всех мастей, кроме разделяющих взгляды правящей партии, люди, нажившие состояние при прежних властях, больше не нужны - они тоже уничтожались. Из 65 тысяч буддистских священников уничтожено было 62 тысячи.

Режим стремился к созданию этнически и идейно однородного государства и осуществлял геноцид в форме этноцида. Декретом лидера Красных Кхмеров Пол Пота искоренялись этнические меньшинства. Использование тайского, китайского и вьетнамского языков каралось смертью. Провозглашалось чисто кхмерское общество. Насильственное искоренение этнических меньшинств особенно тяжело отразилось на народе "чан". Предки этого народа - выходцы из нынешнего Вьетнама - населяли древнее Королевство Чампа. Чаны мигрировали в Камбоджу в XVIII веке и занимались рыбной ловлей на берегах камбоджийских рек и озер. Они исповедовали ислам и были наиболее значительным этническим меньшинством в современной Камбодже, сохранив чистоту своего языка, национальную кухню, одежду, религиозные традиции, древние ритуалы. Фанатики из молодежных отрядов Красных Кхмеров - формирований "Ангка пуэу" – атаковали деревни чанов. Сжигались их поселения, жители изгонялись в болота, кишащие москитами. Людей насильно заставляли употреблять в пищу свинину, что категорически запрещалось их религией, мусульманское духовенство безжалостно уничтожалось. При оказании малейшего сопротивления истреблялись целые общины, а трупы сбрасывались в огромные ямы и засыпались известью. Из двухсот тысяч чанов в живых осталось менее ста тысяч.

В общей сложности, Красными Кхмерами было уничтожено по разным оценкам до 2 миллионов камбоджийцев. Часть погибла во время транспортировки из городов (где до эксперимента жило около 40 % от семимиллионного населения Камбоджи), часть потому, что не смогла приспособиться к новым условиям, часть была непосредственно уничтожена. Этот жуткий эксперимент показывает, что попытки иерархического, централизованного разрушения промышленности и внедрения агрокультуры против воли огромной части населения не могут привести к восстановлению мира традиционной общины, но лишь к созданию своего рода чудовищной "человеческой машины".

Размах тоталитарного террора зависит от того, насколько радикальны общественные преобразования, которые необходимо совершить режиму.

Чем серьезнее проблемы, которые нужно решать тоталитарному режиму и чем масштабнее преобразования, которые он осуществляет, тем массивнее террор. Преобразования в Камбодже были суперрадикальны, они были совершенно уникальны в своем роде. Ни до, ни после "красных кхмеров", ни один режим не пытался повернуть технологическое развитие человечества вспять насильственным путем. Уникальны были и их социальные реформы и геноцид. Фактически они сумели, опираясь на созданные ими самими из деклассированных слоев сельского населения тоталитарные милиции, соединить наиболее одиозные элементы нацизма и большевизма: систематический геноцид против этнических меньшинств, систему, в которой активно применялся принцип естественного отбора, борьбы за выживание (классические черты нацистского режима и идеологии) и жесточайшие репрессии против религиозных общин, фактическое искоренение религиозных и любых традиционных обычаев, глубочайшее проникновение в частную жизнь человека (черты, сближающие этот эксперимент с большевистским опытом). Ни один режим в XX-ом столетии не уничтожил до 28 % собственного населения, это видимо абсолютный рекорд "Красных Кхмеров" (впрочем, Пол Пот говорил, что для нормального существования и развития Камбоджи вполне достаточно одного миллиона человек). Если растущая атомизации и десолидаризация современного глобализирующегося общества вызовут возвратную волну в форме тоталитарного коллективизма, а экологический кризис планетарного масштаба заставит большинство государств будущего радикальным образом изменить условия проживания людей и переселить их в сельские районы, не подвергшиеся отравлению, каковы же будут глубина и масштабы тоталитарных преобразований и террора?

АЛЬТЕРНАТИВЫ: ОБЩИНА ОБЩИН?

В перспективе существуют две возможности - считают исследователи, предупреждающие об опасности экофашизма - либо индустриально-рыночная экономика будет жестко ограничена, скорректирована (Горц, Эллюль) или даже полностью заменена (Букчин) самоуправляемыми экологическими гражданскими инициативами, которые сумеют выработать новые принципы экономики и общественного устройства, основанные на прямой демократии и нерыночном, неиндустриальном производстве-потреблении, либо в ситуацию вмешается государство, которое должно будет создать жесткие экологические ограничители для индустрии или даже полностью отказаться от нее и взять на себя полное управление обществом (в последнем случае это и будет "экофашизм").

Таким образом, экофашизму противопоставляется идея союза небольших общин, связанных общими экономическими, социальными и культурными проектами в цельную систему. Руко-водствуясь принципами "природосообразности", самоограничения, взаимопомощи, производства по потребностям, сформулированным самими членами общин, и прямой демократии, основанной на принятии основных решений суверенными общими собраниями общин и на уважении к правам меньшинств, такая система поможет избежать падения в пропасть экологического кризиса. Для этого потребуется полное осознание большинством людей важности экологической проблематики и их добровольная готовность самостоятельно принимать решения о путях развития общества, решения, за которые они будут нести полную ответственность. Речь здесь идет не о каком-то законченном проекте общественного устройства, а, скорее, о новой парадигме человеческого существования, о развитии нового социального и культурного пространства, в котором инициатива и развитие индивидуальности могло бы органично сочетаться с коммунитарной солидарностью. Сегодня концепция "общины общин" - это просто гипотеза о возможных путях развития общества. Однако, по мнению Горца, Букчина и ряда других теоретиков экосоциализма и экоанархизма, творческий опыт по созданию новых социальных и культурных пространств, приобретенный гражданскими инициативами Европы и Америки за последние три десятилетия дает основания думать, что такое общественное устройство возможно.

Об угрозе экофашизма предупреждают многие современные социологи, философы, экологи, писатели. Никто не может сегодня с уверенностью сказать, насколько вероятен экофашизм. Ясно лишь то, что такая возможность существует и уже этого одного достаточно, чтобы люди обратили внимание на происходящие в современном обществе процессы и на самих себя, на свой собственный образ жизни и способ мышления.

А, может быть, новые технологии помогут людям справиться с последствиями экологического кризиса и бюрократизации общества или даже сумеют предотвратить эти процессы?

ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМ: АЛЬТЕРНАТИВА ТОТАЛИТАРНОМУ ГОСПОДСТВУ БЮРОКРАТИИ...

"Постиндустриальная революция разворачивается на наших глазах", – считает современный американский политолог Элвин Тоффлер. Именно с ней связаны кризисные явления современной эпохи, ибо радикальные общественные преобразования всегда болезненны и не все могут их осмыслить и к ним приспособиться. Многое должно погибнуть, многому еще только предстоит родиться. Но высокие технологии («хай тек») несут

человечеству свободу. Именно с ними связано и крушение тоталитарных режимов. Слишком мощные и разветвленные бюрократические пирамиды стали неэффективны в условиях распространения постиндустриальных и информационных технологий.

Что же такое постиндустриальные технологии и можно ли с их помощью осуществить освобождение личности? Речь идет, прежде всего, о таких вещах как аэрокосмическая промышленность, производство роботов, производство мощных компактных компьютеров с их последующим использованием в промышленности и повседневной жизни, речь идет о новых источниках энергии, о генной инженерии, о новых областях медицины, о новых способах передачи и хранения информации и т.д. Отличительная черта новых технологий - это, по мнению Тоффлера и Белла – искусственный интеллект, миниатюрность, компактность, способность сберегать ресурсы. В этих условиях возникает необходимость качественно нового подхода к труду, который будет теперь основываться не на изматывающей рутине повторяющихся сравнительно простых механических операций, а на гибком творческом отношении к производственному процессу и на суверенном распоряжении рабочим временем. Теперь уже нет нужды в конвейерах, однако резко возросла потребность в творчески мыслящих специалистах, способных работать со сложным оборудованием и самостоятельно принимать решения. На смену классической фабрике, производящей на гигантских конвейерах стандартизированную продукцию, придут небольшие экологически чистые производства, где будут работать, главным образом, высококвалифицированные специалисты, развившие в себе способность к творческому труду. Соответственно, вместо старых огромных энергетических установок, разрушающих природу, придут принципиально новые компактные источники энергии, основанные на использовании ветра, приливов, морских течений, солнца и т.д. Но это только начало. А затем... Нация, государство, крупная корпорация, промышленная монополия или олигополия, единая служба теленовостей, религиозная конгрегация, включающая в себя сотни миллионов людей, все эти структуры – порождения прошлого, их существование есть результат действия индустриальных технологий. Их огромные размеры, централизм, бюрократическое устройство, тоталитарные методы управления были адекватны задачам индустриального производства, с его гигантоманией, необходимостью жесткого иерархически устроенного регулирования, стандартизации, специализации и т.д. Все это постепенно уходит в прошлое. На подходе новые общественные отношения, основанные на небольших поселениях и территориальных автономиях, небольших производственных объединениях, сравнительно малых по размерам религиозных, культурных, семейных и иных ассоциациях и коммунах. Это будут объединения людей, близких друг к другу по взглядам, интересам, профессии и т.д. Современные технологии помогут им самостоятельно наладить свою жизнь, связываясь с другими группами лишь по мере необходимости. Объединения будут возникать и распадаться, связываться между собой в сетевые структуры, причем современные средства производства и коммуникации позволят развивать такие сети в планетарном масштабе. Поэтому такая структура, вдобавок ко всему, станет и глобальной.

Рынок и коммерческое производство постепенно уступят место индивидуализированному производству по заказам, осуществляемым непосредственно заинтересованными индивидами, либо группами индивидов, так как «хай тек» – высокие технологии - дают возможность без особого роста издержек колоссально варьировать параметры произведенной продукции. А компьютерные сети и новые средства коммуни-кации позволят мгновенно устанавливать связь между производителем и потребителем, т.е. выявлять потребности населения методами прямой демократии. Таким образом, будет ликвидирован характерный для индустриализма разрыв между интересами производства и потребления. На смену назойливой рекламе придет живая связь и, по существу, стирание границ между производством и потреблением - теперь сам заказчик сможет определять характеристики и даже непосредственно участвовать в моделировании нужной ему продукции.

На смену огромным финансовым, промышленным и торговым корпорациям, придут корпорации нового типа, основанные на все том же децентрализованном сетевом производстве, на множестве небольших региональных центров концентрации финансового капитала (банков), индивидуализированной торговле и т.д. Даже политическая представительная демократия постепенно растворится в новой прямой или хотя бы «полу-прямой» демократии, основанной опять-таки на выявлении пожеланий и политических интересов конкретных индивидов и их ассоциаций с помощью компьютерных и иных коммуникационных сетей. Таким образом, многие проблемы, связанные с подавлением личности огромными бюрократическими индустриальными структурами уйдут в прошлое, так как уйдут в прошлое сами эти структуры, а те производствен-ные и иные общественные структуры, которые неизбежно придут им на смену, будут гораздо более демократичны.

...ИЛИ УГРОЗА НОВОЙ ТОТАЛИТАРНОЙ ДИКТАТУРЫ?

Прав или не прав Элвин Тоффлер и его последователи? Стоит отметить, что Тоффлер, похоже, не принимает во внимание одно из фундаментальнейших противоречий нынешней цивилизации – разрыв между ростом технологических возможностей человечества и его низким уровнем культурного и этического развития. Сумеют ли люди использовать новые технологии во благо? Ведь совсем недавно человечество пережило ужас мировой войны, концлагерей, тоталитарных систем... Что может быть хуже варвара, вооруженного компьютерами и генной инженерией? Вот новый президент США Буш-младший, с неподдельным удивлением замечает, что не все еще в мире разделяют “американские ценности”, а потом посылает самолеты бомбить Ирак. А вот член ЦК компартии Китая признается в том, что с его точки зрения европейцы хуже собак, ведь собаки, по крайней мере “не прикидываются людьми”... Кроме того, насколько вообще в состоянии способствовать освобождению человека “технологическая матрица”, созданная в условиях современного общества и призванная решать задачи, характерные именно для капиталистической системы? Наконец, не приведет ли такое развитие к формированию новых, сверхсложных систем управления обществом, закрепляющих и увековечивающих всевластие бюрократии и предоставляющих ей новые орудия господства?

С момента выхода в свет книг Тоффлера прошло около двадцати лет и теперь уже можно подвести некоторые итоги. Верно, конечно, что введение производственной автоматизации в 60-х–70-х, компьютерная и интернетовская революция 90-х, широкое применение «хай тек» во всех отраслях производства, образования, медицины и т.д. до неузнаваемости изменили облик мира. Верно и то, что некоторые новые технологии потенциально заключают в себе те возможности, о которых писал Тоффлер и другие теоретики постиндустриализма. Например, в мире возросло количество людей, занятых самостоятельной производственной деятельностью – суверенных индивидуальных работников, которые теперь имеют возможность распоряжаться результатами своего труда. Увеличилось значение небольших, автономных производственных подразделений, где были введены элементы трудового самоуправ-ления. Широкое распространение интернета позволило людям из разных стран и регионов общаться напрямую и свободно обмениваться мнениями.

Но не менее существенно и другое. Выяснилось, что на смену национальных государств с их бюрократией приходят континентальные сверхгосударства со сверхбюрократией. Знаменитая «еврократия» - централизованная бюрократия объединенной Европы - уже успела прославить себя огромным количеством регламентирующих запретов и «ценных указаний», например, инструкциями, регламентирующими размер презервативов и диаметр помидоров. С другой стороны, инструкции МВФ, по мнению российского экономиста и политолога, Бориса Кагарлицкого “несут в себе столь колоссальный объем регламентирующих указаний, что в последнее время для некоторых стран, сотрудничающих с этим учреждением, стало проблемой финансирование бюрократического аппарата, способного обработать такое колличество данных”. Вряд ли могло быть иначе, ведь единая глобализированная планетарная экономика требует наличия каких-то форм централизованного регулирования.

Выяснилось и то, что широкое внедрение капиталоемких производственных новаций под силу, прежде всего, крупным корпорациям (ибо именно они располагают необходимыми для этого ресурсами капитала). Реальностью стали небольшие размеры отдельных производств, построенных по сетевому принципу (т.е. на основе автономных и полуавтономных от центра подразделений), но, в то же время, в 80-е – 90-е годы имела место невиданная в истории волна гигантских корпоративных слияний. На сегодняшний день 2\3 мирового производства сосредоточено в руках примерно 500 Транснациональных корпораций (ТНК), что, конечно, способствует концентрации в их руках невиданной прежде экономической и политической власти. При этом тысячи автономных групп работников и миллионы «новых самостоятельных индивидуалов» вынуждены теперь конкурировать между собой за получение заказов от центров концентрации капитала, вследствие чего они не являются независимыми от ТНК ни в политическом, ни в экономическом смысле.

Обнаружилось, что компьютеры можно исполь-

зовать не только для эффективного выявления общественных потребностей, но и для еще более эффективного контроля государства и большого бизнеса над этим самым обществом, со всеми его потребностями. Человек в современном мире постепенно становится все более "прозрачен" для экономических и политических элит: наличие компьютерных хранилищ информации позволяет в мгновение ока получить огромные массивы информации, начиная с карточки психотерапевта и кончая личной перепиской. Правда, есть законы, регулирующие применение компьютерного контроля. Но ведь законы порой значат очень мало, особенно в ситуации, когда тем или иным человеком заинтересовались сильные мира сего, например, частные или государственные спец-службы...

Постиндустриализм не смог пока разрешить и экологические проблемы. Сохранение ожесточенной конкурентной борьбы между корпорациями за контроль над рынками товаров и услуг, наращивание производства, как самодавлеющего источника их политической и экономической мощи, сохраняющееся господство производства над потреблением и, как следствие, продолжающийся рост потребления - все эти явления ведут к росту производства энергии. Поэтому необходимо использовать гигантские энергетические установки, так как новые источники энергии пока не в состоянии обеспечить современную промышленность. Сохраняется угроза теплового, радиационного и т.д. загрязнения окружающей среды.

Оказалось, что современный постиндустриальный маркетинг ведет к формированию все более изощренной системы господства производства над потреблением. Вместо нескольких стандартизированных вариантов одного и того же товара, фирмы-производители обрушивают на потребителя сотни всевозможных модификаций того же самого товара, которые действительно могут существенно отличаться друг о друга, могут даже учитывать индивидуальные особенности потребителя. Однако это ведет не к усилению роли потребителя, а к увеличению манипуля-тивной мощи производителя товара. Как при создании, так и при рекламной "раскрутке" качеств данной модели в ход идет все, начиная от реальных потребностей в том или ином предмете и кончая попытками воздействовать на эмоции, амбиции, комплексы, затаенные страхи потребителя. Таким образом, постинду-стриализм не сумел ликвидировать характерное для современной экономики господство производства над потреблением. Напротив, он развил тенденции, описание которых дается в любом учебниках маркетинга и которые можно свести к известной формуле: "корпорации не удовлетворяют спрос, а создают его". Маркетинг обрушивает на потребителя потоки соблазнов, от которых бывает сложно уклониться. Его целью является увеличить глубину проникновения в психику индивида, с тем, чтобы погрузить его в, своего рода "нирвану потребления". Подвергшийся обработке индивид должен видеть единственный смысл своего существования в приобретении потребительских благ (данной фирмы). Необходимо нащупать какие-то психологические механизмы, которые позволят "подсадить" его на товары данной компании, как на наркотик, сделать так, чтобы он покупал только ее товары. Вся эта система дополняется еще и мощной рекламой, которая также существенно воздействует на психику человека. Она внушает человеку определенные сценарии поведения: "поступай так, как говорит реклама, покупай то, что она предлагает, и ты обретешь славу, станешь привлекательным, или, уж, по крайней мере, сохранишь свою самобытность, свое Я в этом изменчивом мире". "Доходит до того, – писал французский общест-венный деятель Ги Дебор, - что удовлетворение, которого избыточный товар больше не может дать в потреблении, стремятся получить в признании его ценности как товара... Волны энтузиазма по поводу того или иного продукта, поддерживаемые и разносимые всеми средствами массовой информации, распространяются стремительными темпами. Стиль одежды возникает из фильма, журнал создает имя клубам и обществам, а те вводят в моду различные наборы товаров". Индивидуализированная торговля вещами и услугами создает дополнительные возможности для все более целенаправленного воздействия на отдельного индивида путем создания для него персонального спектакля потребления. Разумеется, существует в мире маркетинга и конкуренция. Но это, по самому большому счету, свобода выбора между искусственными, навязанными потреб-ностями и спор о том, кто кого переманипулирует. По мнению Ги Дебора, товар, как таковой, в современном мире превратился в, своего рода, спектакль (зрелище).

Развитие телекоммуникаций привело не столько к формированию «небольших локальных телесетей», как предсказывал Тоффлер, сколько к формированию бесчисленных виртуальных миров глобализированных СМИ (подконтрольных все тем же ТНК), непрерывно обрушивающих на людей потоки коммерческой и политической рекламы. По существу, нынешние политические и коммерческие технологии мало чем отличаются друг от друга; и в мире чистой коммерции и в мире большой политики постоянно разыгрываются шоу и действуют те же самые принципы маркетинга. Не говоря уже о том, что коммерческая выгода и политика практически полностью слились в единый комплекс интересов. Новейшие технологии позволяют во все возрастающей степени варьировать (с учетом особенностей различных групп потребителей) производство-потребление

телевизионных передач, будь то политические новости, ток-шоу или сериалы.

СМИ становятся мощным средством для подготовки и ведения войн. В 1990 г. во время подготовки войны против Ирака американское PR-агентство «Хилл энд Кноултон» получило от властей заказ на организацию пропагандистской кампании против будущего противника. Была распространена информация о массовых убийствах кувейтских детей иракскими солдатами, что, как впоследствии выяснилось, не соответствовало действительности. Тем не менее, с помощью целенаправленного воздействия на сознание людей удалось повернуть общественное мнение и настроения парламентариев в пользу войны. Во время войны в Боснии и Герцеговине в 90-х гг. СМИ и информагентства стран НАТО распространяли одностороннюю информацию в пользу боснийских мусульман так, чтобы создать впечатление, будто в зверствах против гражданского населения и варварских обстрелах жилых кварталов повинны только вооруженные формирования сербов. Затем это было использовано для обоснования нанесения бомбовых ударов по сербам. В еще более крупных масштабах операция была повторена в 1998-1999 гг. во время конфликта в Косово: кампания, развернутая в СМИ, смогла убедить население стран Запада, что действия сербов в Косово сравнимы только с фашистскими злодеяниями в период Второй мировой войны, причем любая информация о зверствах албанских формирований не допускалась или смягчалась. Общественное мнение было доведено до истерического состояния, после чего власти стран НАТО пошли на авиационные удары против Югославии, якобы «уступая требованию возмущенной общественности». «Косово было первой информационной войной..., - заявил позднее представитель НАТО Дж.Ши. - Журналисты были подобны солдатам в том смысле, что они должны были объяснить общественности, почему была важна эта война. В мои задачи входило стимулировать их показывать искренность наших военных мотивов и наших действий».

Аналогичным образом поступает и российское телевидение, прежде всего проправительственные телекомпании ОРТ и РТР, сообщая о зверствах ваххабитов в Чечне, но умалчивая при этом о преступлениях против человечества, совершаемых во время налетов российской авиации на чеченские населенные пункты или во время “зачисток”. Мнимая объективность телевидения кажется убедительной потому, что оно не просто сообщает те или иные новости, но и демонстрирует видеоряд, в сочетании с соответствующими комментариями. Конечно, видеоряд и комментарии взаимно дополняют друг друга, формируя определенную картину событий; все, что могло бы выйти за ее рамки не попадает ни в комментарии, ни в видеоряд. Зрителю, как и в случае с рекламой, навязывается определенная картина мира, в которой для него уже приготовлено и место, и определенный, заданный сценарий поведения. Причем это относится не только к политическим передачам или к коммерческим новостям (рекламе), но и ко всем сферам жизни. Таким образом люди начинают воспринимать события (ситуации) не непосредственно, а опосредовано, и вместо того, чтобы жить собственной жизнью и умом, оказываются зрителями и актерами не ими поставленного спектакля (зрелища). Дело не только и не столько в том, что телевиденье лжет, но, и прежде всего, в том, что оно формирует иллюзорный (или, как теперь принято говорить, виртуальный) мир, в котором люди из самостоятельных индивидов, превращаются в зрителей и участников спектакля. Вот что писала респектабельная российская газета “Сегодня” (связанная с тем же концерном Медиа-Мост, что и НТВ) после пожара на Останкинской телебашне: “...Не следует забывать, что телевидение является мощным социальным регулятором, одним из рычагов власти, позволяющим делать поведение людей предсказуемым, задавать определенные поведенческие рамки. Беда состоит в том, что телевидение сильно, когда оно постоянно “капает на мозги” зрителям, поскольку телевизионная “картинка” очень быстро забывается. Сейчас этот непрерывный цикл прерван. В обществе включаются какие-то альтернативные социальные регуляторы. Но как они действуют, чем все это обернется – никто не знает...”

Иллюстрацией к тому, как работает современная система зрелищного манипулирования, может служить пиаровская компания, недавно организованная медиа-корпорацией НТВ. Призыв к гражданам прийти на митинг, организованный компанией в защиту ее интересов (“Если вы согласны и не согласны с нами, если вы за и если вы против - приходите на наш митинг, свобода на НТВ!”) подразумевал и одновременно прямо проговаривал следующую мысль: «СВОБОДА СЛОВА - ЭТО МЫ», создавая, таким образом,своеобразный резонанс, усиливающий призыв. Телекамера демонстрировала общий план митинга с выступлениями, главным образом, сторонников НТВ и его журналистов с трибуны. Непрерывно шли реплики за кадром: НАС ПОКАЗЫВАЕТ CNN НА ВЕСЬ МИР, ВСЕ НА МИТИНГЕ ГОВОРЯТ, ЧТО МЫ НЕ ДОЛЖНЫ НИКАКИХ ДЕНЕГ НИКОМУ”. После митинга последовали интервью с его участниками, где, кстати, некоторыми людьми говорились и вещи, нелицеприятные для НТВ. Но таких интервью было немного и они прекрасно ложились на общий фон протеста свободолюбивой либеральной компании (фон, созданный командой ее журналистов), великолепно вписывались в

центральный лозунг "СВОБОДА СЛОВА - ЭТО МЫ". Такие акции призваны убедить телезрителя в том, что его свобода есть что-то отчужденное от него, независимое от его личности и сосредоточенное в руках информационных корпораций. И на все это накладывается истерическая агрессия, умело раздуваемая режисерами НТВ, истерическая агрессия, в поле которой вовлекались участники митинга и телезрители. Вряд ли что-то можно противопоставить такого рода манипулированию, кроме мысли, высказанной Ги Дебором, что свобода слова - это каждый человек и что никто не должен присваивать себе живое коммуникационное пространство и превращать его в товар или, как теперь модно говорить, в "информационный продукт". Свобода слова – это диалог между миллионами индивидов, мнение каждого из которых по поводу того или иного события имеет собственные нюансы, оттенки и т.д., а не выбор между несколькими "точками зрения", или, скорее, формами "информационного продукта", представленного телекомпаниями.

Постиндустриальная действительность содержит в себе не только те возможности, о которых так подробно и с таким энтузиазмом пишет Тоффлер, но и те тенденции, на которые, к примеру, указывает российский писатель Зиновьев, в своей антиутопии «Глобальный Человейник». Новые технологии невероятно расширили сферу возможностей человечества... и оставили человека лицом к лицу с угрозой нового рабства, основанного на компьютерном контроле, манипулятивном маркетинге и виртуальной реальности СМИ. Сущность этого рабства заключена в полной прозрачности человеческой жизни для властей и корпораций и в ее тотальной манипулируемости.

АКТИВНАЯ НЕСВОБОДА И ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Внедрение новых технологий на совре-менных предприятиях сделало неэффективными старые формы бюрократического контроля и субординации. Промышленность все больше стремится к гибкости и к уменьшению числа уровней бюрократической пирамиды менеджмента. Широкое внедрение на западно-европейских и, особенно, японских предприятиях так называемых "кружков качества" стало поводом для сторонников постиндустриальных теорий поговорить о росте значения и влияния как отдельного индивида, так и небольших автономных производственных подразделений. Что такое кружки качества? Это автономные коллективы работников, которые собираются для коллективных обсуждений способов рационализации производства и передают начальству соответствующую информацию. Конечно, решения все равно принимает менеджмент. Однако к мнению работников прислушиваются, а в случае успешного внедрения рацпредложений участники кружков качества получают прибавку к жалованию. Подобные вещи могут работать и на индивидуальном уровне. Таким образом, утверждают сторонники постиндустриальных теорий, повышается роль отдельных работников и их объединений в процессе производства, в их труд вносится творческий элемент. Однако существует точка зрения, что применяемые в рамках современного производства методы мобилизации трудового потенциала работников ведут не к росту их свободы, а к формированию новых тоталитарных механизмов контроля и мобилизации. Особенно реальна эта угроза там, где существует особый тип предприятия – "предприятие-община" (прежде всего в таких странах, как Япония, Южная Корея, Китай, хотя активные попытки внедрения такого рода управленческих технологий имеют место и все более утверждаются в компаниях Западной Европы, США, Южной Америки и даже России). Что это такое? Это современная форма производства, при которой работник должен

полностью отождествлять свои интересы с интересами корпорации и менеджмента. В корпорации, в ее процветании и эффективности он должен находить цель и смысл своего собственного существования. Раз нельзя управлять людьми старыми бюрократическими методами, а напротив, необходимо позволить им в той или иной степени подходить к своему труду творчески, может, следует сделать ставку на самоидентификацию работником себя с корпорацией и ее менеджментом, добившись его полной и абсолютной лояльности и преданности в служении данной корпорации?

"В «кружках качества» рабочие обучались чувствовать себя не только отдельными частями «мира компании», но и рассматривать свою

ситуацию с занятостью с точки зрения менеджмента – пишет Карл Рот. - Предприниматели в большинстве случаев должны были еще дополнительно вмешиваться и «направлять» работу кружков качества, пока в них не возобладали «ястребы» и действительно не начали постоянную передачу производственных знаний вверх. Руководители «кружков качества», бригад и низовых структур профсоюзов фирм, чаще всего совмещающие эти должности в одном лице, стали низшей точкой тотального господства менеджмента на предприятии. Кружки качества увеличили производственную отдачу работников до крайних границ физической и духовной нагрузки и подвергали всех, кто по каким-либо причинам тормозил производственный поток, санкциям групповой дисциплины и сокращению премий.

Так осуществилась система «менеджмента посредством стресса», которая смогла так долго работать только потому, что администрация фирм добилась всесторонне гарантированной организационной монополии над трудовыми коллективами. Японский рабочий класс был обречен на «верность» действительно «тотальным предприятиям», «фабриками-общинами». На всех уровнях повседневный опыт бессилия в этом тотальном консенсусе все время подтверждался судьбой отдельных «диссидентов». На некоторых концернах, например, на «Сони», новое время начиналось с насильственного содержания заново составленных трудовых коллективов в казармах. И теперь отклоняющееся от нормы поведение или выступления против решений «кружков качества» или профсоюзов фирм повсюду карались с крайней жестокостью. Ведь без постоянно воспроизводящегося и выполняемого всеми, вплоть до последней поденщицы, консенсуса, система не работает. Символические ритуалы, вроде исполнения гимна фирмы, утренних обращений и т.д., как и в нацистские времена, служат целям постоянной профилактической ликвидации «очагов напряжения». "Рабочие «Ниссана» рассказывали на конференции профсоюзных групп в Барселоне (1991 г.) о явственных проявлениях кризиса на их родине. По их словам "духовный и физический стресс поразил трудовые коллективы сверх всякой меры и стал очевидной проблемой". Интересно, что если в 50-е – 70-е годы, подобные трудовые отношения строились на основе своего рода прикрепленности работника к компании, откуда его практически нельзя было уволить, то теперь стремление к тотальному консенсусу органично сочетается с массовыми чистками-увольнениями.

Похожие "управленческие технологии", по данным испанского анархо-синдикалистского профсоюза CNT, используются транснациональной корпорацией «Минит», владеющей по всей Испании разветвленной сетью небольших лавочек-мастерских, которые на больших площадях и торговых улицах городов занимаются ремонтом обуви, изготовлением дубликатов ключей, проявлением пленок и моментальным изготовлением фотокопий. Трудовые отношения на этой фирме считаются своего рода моделью для нового тысячелетия. Они основаны на так называемых «японских» методах: промывке мозгов работников, внушении им своеобразной «этики предприятия», системе временных контрактов и обязанности работника выполнять на своем рабочем месте множество параллельных задач, что позволяет экономить средства и значительно повышать рентабельность. Уже в ходе специальных курсов по подготовке, которые многие сравнивают с психологической обработкой в некоторых тоталитарных сектах, будущие сотрудники приучаются проявлять абсолютную лояльность к фирме, обманывать клиентов и экономить на всем. Ритм труда и нагрузка, существующие на «Минит», расцениваются как каторжные. Работники говорят о практике трудовых соглашений, заключенных за спиной трудящихся и сопровождающихся значительным ущемлением их прав, о трудовых отношениях, основанных на преследованиях и страхе, о совершенно невыносимой эксплуатации и о непрерывной угрозе увольнения.

А вот что пишет одна бывшая работница московского супермаркета, принадлежавшего фирме "Глобал-USA": "Существует точка зрения, разделяемая, видимо, м-ром Хейгом (владельцем магазина – прим.ред.), что максимально эффективно человек трудится на своем рабочем месте первые 3 месяца, причем именно в этот период эффективность его труда возрастает (при условии, что рабочее место не требует глубоких знаний и особого профессионализма). Учтем это. А также учтем то, что проблем с дешевой — по понятиям гражданина США — рабочей силой, в ближайшие годы у нас не предвидится. И уволь ты хоть 3/4 персонала — завтра же все освободившиеся места будут заняты новичками. И еще: в условиях производства, не подчиненного нормативам КЗОТа и другим общеизвестным законодательным актам, производства, где целый ряд норм не фиксирован, а, стало быть, регулируется обычным правом, причем нормы эти весьма изменчивы во времени — гораздо выгоднее иметь пусть необученного, но новичка – уж с работой он как-нибудь справится! – чем информированного ветерана. В результате руководство "Глобала" со временем обкатало модель кадровой политики, основой которой стала целенаправленно создаваемая атмосфера нестабильности. Ни один сотрудник, на какой бы ступени внутриглобаловской иерархии он ни находился, никогда не чувствовал себя спокойно, а занимаемое место — своим отныне и вовеки. Кроме широко практиковавшихся индивидуальных увольнений время от времени проводились целые кампании массовых "чисток", продолжавшиеся

обычно неделю-полторы, а затем плавно сходившие на нет. Когда начинались "чистки", в воздухе разливалось истерическое напряжение.

Однако управление коллективом посредством исключительно карательных мер – вариант все-таки экстремальный и довольно примитивный; управленческая мысль м-ра Хейга парила гораздо выше, – он использовал как средство общения с персоналом не только кнут, но и разного калибра пряники. Презентации и массовые пиршества, всегда проходившие с особым размахом. Как правило, эти грандиозные празднества посвящались открытию новых залов или магазинов. Гости, пресса, многофункциональное шампанское, прославление м-ра Хейга, струнные квартеты с ненавязчивой фоновой музычкой, освящение новых торговых пространств православным батюшкой (выглядело это несколько странно, если принять во внимание, что магазин декларируется как американский, а хозяин его – индус), иногда – выезд в "Русскую тройку" с яркой программой и пьянкой до утра. "Другой смысл" этих масштабных мероприятий – демонстрация мощи и величия нашего предприятия, – и, опять же, создание впечатления сплоченного коллектива, в котором более обеспеченный хозяин всей своею душою радеет о благе своих менее обеспеченных подчиненных, – прежде всего создание такого впечатления у самих подчиненных. Как ни странно, этот способ влияния на умонастроения сотрудников "Глобала" оказался не таким уж наивным. Обычно торжества знаменовали окончание затяжного аврала, и вымотавшимся за последние дни и недели сотрудникам хватало одного-двух стаканчиков шампанского, чтобы дойти до кондиции. Грузчик С. (как и большинство других глобаловских грузчиков – перешедший из НИИ электронщик-профессионал), удолбанный работой во время аврала и размягченный выпивкой на презентации: "Нет, все-таки Хейг – классный мужик. Не скупится, чтобы нам удовольствие доставить", – и глаза его увлажнились. Удивительно, насколько проста здесь цепочка "воздействие – результат", ни одного промежуточного звена. Манипулировать тем сектором сознания, который отвечает за "Глобал", оказалось не так уж и сложно.

От каждого сотрудника магазина изначально требовалась полнейшая самоотдача и преданность делу, готовность отдавать ему все свое время и силы, а потому м-р Хейг достаточно внимания уделял идеологической работе, т.е. созданию в головах у подчиненных идеальной модели "Глобала". Обычно непосредственное промывание мозгов делалось менеджерскому составу, поскольку подразумевалось, что менеджеры – это проводники, которые понесут идеи м-ра Хейга в народ. Собрания менеджеров, имевшие удивительное сходство с комсомольскими и, наверное, партийными, проводились регулярно, – рабочий день закончился, все давно обессилели и хотят домой. М-р Хейг энергично цветет своей дежурной улыбкой. «Я хочу вам сообщить, что скоро (откроется новый зал, новый магазин, произойдет другое выдающееся событие – вставляется в зависимости от ситуации). У меня грандиозные планы (планы красочно конкретизируются). Очень скоро мы обставим всех наших конкурентов, потому что "Глобал" из зе бест. У нас с вами одно общее дело. Общие интересы. А потому мы с вами должны работать еще лучше, еще энергичнее. (Далее раздаются конкретные рекомендации и указания – на что именно направлять наши общие усилия, дабы "Глобал" процветал и приумножал капиталы м-ра Хейга.)"

Спектакль производства, в котором каждому работнику отводится не им самим придуманная роль, самоидентификация с "миром" данной компании и присяга на верность ей; все это может идеально сочетаться со спектаклем потребления коммерческих товаров или политических новостей, о чем речь шла выше. Круг замыкается. Индивид, рожденный в постиндустриальном обществе, с самого детства оказывается участником и заложником бесчисленных мелодрам, причем некоторые из них могут быть даже созданы специально для него. С раннего детства он учится подражать героям рекламы или сериалов-боевиков-триллеров, поп- или рок-звездам, везде, в производстве, потреблении, искусстве, политике, а затем (и это самое страшное) в сфере личных отношений, он встречает ту же самую тотальность общества спектакля – нового постиндустриального тоталитаризма. Постиндустриальное будущее – это, по всей вероятности, ситуация, когда на всей планете, во всех ее уголках, будет разыгрываться, под миллионами различных масок, одна и та же кричащая мелодрама, в основе которой лежат коммерческие интересы и стремление к тотальному господству. Обратной ее стороной является физическое и духовное истощение людей, упадок и разрушение культуры, войны, вызванные столкновением интересов сильных мира сего, и экологическая катастрофа. Невозможно игнорировать тот факт, что мы уже в значительной степени принадлежим такому будущему.

АЛЬТЕРНАТИВА

Джордж Оруэлл, автор многочисленных эссе на разнообразные литературные, социологические и философские темы, известен как автор знаменитой антиутопии "1984", описывающей тоталитарное общество. Однако, мало кто знает, что Оруэлл не слишком жаловал и современное ему либерально-демократическое общество, называя его олигархическим. По мнению Оруэлла, лишь массовые протестные движения, которыми периодически взрывается гражданское общество в странах Запада, препятствуют его финальному

скатыванию к тоталитарной тирании. В то же время и правители-олигархи, осознавая возможные для себя последствия таких протестных движений, стараются "держаться в рамках" и не так уж часто решаются на действия, могущие возбудить в обществе чрезмерное негодование.

Ханна Арендт также весьма критическое относилась к западному атомизированному обществу, к принципу парламентского представительства и всеобщему голосованию. Ее идеалу свободы и демократии ближе древнегреческие полисы, нежели современные западноевропейские страны и США. На ее взгляд как раз небольшое пространство древнегреческого государства-города, с его общими суверенными народными собраниями, на которых решались многие жизненно важные вопросы, «было областью свободы». Демократия в полисах базировалась на активном участии граждан в общественной жизни, тогда как теперь граждане отдают предпочтение частной жизни. «Участие» требует от человека гораздо большей самоотдачи и активности, чем простое голосование. По аналогии с полисами, Арендт полагала, что наиболее благоприятной средой для «участия» являются локальные добровольные ассоциации, возникающие по инициативе самих граждан. Не случайно одним из важнейших последствий тоталитаризма она считала подавление свободного, спонтанного начала в общественной жизни. В свою очередь подобные проявления спонтанности она рассматривала как антитоталитарное противоядие. Подобного взгляда придерживались и такой крупный исследователь тоталитаризма, как Эрих Фромм. Французский исследователь тоталитаризма Ги Дебор полагал, что суверенные общие собрания трудящихся и их советы делегатов, это единственный способ установить живую коммуникацию между людьми, с помощью которой можно будет наладить прямой процесс управления обществом.

Нет ли здесь противоречия? Ведь и тоталитарные системы используют механизмы массовой активности – "живое творчество масс", о котором писал Владимир Ленин, на которое во многом опирался Адольф Гитлер. Однако, всякая инициатива масс в тоталитарных режимах и движениях, организуется, направляется и манипулируется вождями и иерархиями, и личности, которые в нее втянуты, являются игрушками в руках манипуляторов, а не самоактивными и самодеятельными людьми, устраивающими свою собственную жизнь, следующими своей самости.

Кроме того, вряд ли возможно решить проблемы, связанные с индустриальной и постиндустральной атомизацией общества, с отчуждением людей друг от друга, с ростом бюрократии и манипулятивных моментов, не осуществив переход к целостным и природосообразным формам существования человека.

Аргентинский анархист, активист ФОРА (это анархистское профобъединение насчитывало, вместе с примыкавшими к нему независимыми профсоюзами, до 200 000 человек и было в начале века крупнейшим рабочим союзом Аргентины) Д. Абад де Сантильян говорил: «Не только политический фашизм, но и капиталистический индустриализм является опаснейшей формой тирании... Капиталистический аппарат, если он останется, как есть, и в наших руках никогда не станет инструментом освобождения человека, который по-прежнему будет подавлен этим гигантским механизмом." Сантильян также заявлял: «Индустриализация не является необходимой. Люди тысячелетия жили без нее, жизненное счастье и благосостояние людей не зависят от индустриализации». И другой аргентинский анархист - Исмаэль Марти: «Надо думать не исключительно о производстве, а больше о самих людях. Не человек существует для общества, а общество для людей». Он призывал вернуться «назад к простоте природы, к сельскому хозяйству, к коммуне. Только следуя этим принципам, можно преодолеть рыночное производство и перейти к системе свободного распределения».

Можно допустить, что какие-то элементы современных технологий могут быть использованы в целях социального и индивидуального освобождения, однако их применение в полном объеме вряд ли приведет к чему-то иному, кроме как к восстановлению существующих сегодня отношений отчуждения и несвободы (хотя бы и в каком-то новом обличии). Ибо небольшие группы людей, отдельные самоуправляющиеся коллективы не в состоянии контролировать сверхсложные процессы производства и обмена, которые неизбежны в рамках индустриальных и постиндустриальных глобальных систем, не в состоянии постичь их суть. Частичное, раздробленное на миллионы частей, а не целостное знание сущности этих процессов, ведет к росту специализации и к принципиальному отсутствию возможности понять интересы и цели друг друга (а без этой возможности нельзя и совместно управлять общественной жизнью). Отсюда неизбежно вытекает необходимость формирования технобюрократии, осуществляющей над обществом регулирующий контроль. Причем именно постиндустриальные технологии сообщают этому контролю невиданную прежде мощь, ведут к появлению принципиально новых и тоталитарных по своей сути, форм этого контроля.

Новейшая история стран Запада знает немало примеров мощных социальных движений, включавших в себя элементы "спонтанности" и самоуправления. Благодаря сочетанию акций гражданского неповиновения (маршам протеста,

забастовкам, блокадам дорог и т.д.) и конструктивной деятельности по развертыванию независимых ассоциаций, касс взаимопомощи, потребительских и производственных кооперативов, альтернативных школ, параллельных органов местного самоуправления, автономных культурных центров эти движения добивались порой впечатляющих успехов. Таким образом, люди, с одной стороны, пытались корректировать действия правящих кругов, а с другой стороны, создавать новые общественные системы, основанные на принятии коллективных решений общими собраниями участников данных проектов и на уважении к индивидуальным правам и свободе. Иначе говоря, эти инициативы были ничем иным как цепочками маленьких групп, внутри которых людей удерживали как совпадение индивидуальных интересов и устремлений, так и неформальные, близкие отношения. И они позволяли непосредственно решать те или иные проблемы, жить полной жизнью, позволяли перестать быть участниками спектаклей, разыгрываемых СМИ, государством и большим бизнесом.

В 70-е – 80-е годы в ФРГ действовало мощное движение экологических гражданских инициатив, направленное главным образом против строительства ядерных станций и иных предприятий атомной промышленности. В маршах протеста, блокадах строящихся объектов в общей сложности приняло участие несколько миллионов человек. Движение сумело развернуть мощную альтернативную инфраструктуру, параллельную официальной. Только в кооперативных проектах приняли участие сотни тысяч людей. Фактически, участники движения стремились не только затормозить программы по развертыванию ядерных объектов, что в ряде случаев удалось сделать, но и строить самостоятельно новые основания собственной жизни.

В 1985 году во Франции возникло серьезное противодействие правительственным реформам системы образования, которые били по наименее обеспеченной части студентов. Оно выразилось во всеобщей забастовке университетов и в студенческой демонстрации в Париже с одним миллионом участников. Результат – ряд положений реформы отменен.

В 1988 году в Великобритании началось движение против подушного налога, введенного правительством Тэтчер. Этот налог имел регрессивный характер, т.е. люди с разным уровнем материального достатка должны были платить в казну одинаковые деньги. Взрыв недовольства вывел на улицы сотни тысяч людей. 14 миллионов человек явочным порядком перестали платить налог. В городских кварталах сами жители создали инициативы, занятые организацией протестов. В центре Лондона демонстрация, в которой приняло участие 250 000 человек, вступила в столкновения с полицией. В результате непопулярный налог был отменен.

В 1995 году во Франции два миллиона рабочих и студентов приняли участие в длительной забастовке с требованием отмены пакета реформ, предусматривающих сокращение ряда социальных льгот и пенсий. Почти повсеместно в ходе стачек создавались генеральные ассамблеи – суверенные общие собрания работников и студентов. В ряде случаев именно они, а не чиновники официальных бюрократических профсоюзов принимали решения о стачках и вели переговоры с администрацией через своих делегатов. В результате стачки удалось внести в планы правительства существенные коррективы.

"Речь идет о том, - пишет современный итальянский политолог и историк Марко Ревелли, - чтобы противопоставить «асоциальности» и индивидуализму рынка и «абстрактной социальности» государства подлинную социальность общественного, которая сможет развить «конкретные» способности самоуправления конкретных коллективов..., т.е. различных общественных групп, которые сумеют воспользоваться активными ресурсами солидарности вместо обрекающего на пассивность могущества бюрократической организации."

Речь, конечно, не о большой хирургии и не о «высокоскоростной» железной дороге, которые требуют гигантских инвестиций и наличия централизованных структур. Но о базовой медицине (во Франции это уже происходит). О транспорте в городских кварталах, экологической очистке (как в Кройцберге - районе Берлина), о сфере свободного времени, отдельных частях системы образования и повышения квалификации - этим могут заниматься небольшие самоуправляющиеся предприятия или индивиды, занятые добровольным трудом... Это означало бы снова поставить местное измерение впереди национального, а конкретность малых размеров впереди универсальных масштабов «политики». И, в то же время, это заставило бы осознать «равное достоинство» различий, единство в многообразии, и стремиться к обеспечению солидарного равенства в обществе".

Сумеют ли подобные движения со временем стать той контр-силой, из которой вырастут новые неавторитарные и нетоталитарные общественные отношения, основанные на инициативе самих людей, на самоуправлении? Сумеют ли подобные инициативы хотя бы предотвратить наступление новой волны тоталитаризма? На этот вопрос может дать ответ только время...

"СПЕЦИАЛИСТ ПОДОБЕН ФЛЮСУ..."

Петр Рябов

Мы живем в обществе "специалистов", в обществе, в котором вот уже несколько веков существует тенденция ко все большей специализации науки и производства, в обществе, в котором слова "профессионал" и "профессионализм" звучат как одна из самых высоких похвал.

По меткому замечанию одного мыслителя XIX века: "Скоро поваренное искусство разовьется до того, что жарящий форели не будет уметь жарить карпа". Мы живем в обществе, в котором существуют специалисты буквально по всему: специалисты по юмору и по управлению, специалисты по погоде и по совести. Мы шагу не можем ступить, не обратившись к экспертам. Если у нас болит зуб, мы обращаемся к специалисту-врачу (и не к "врачу вообще", а к специалисту-дантисту); если у нас что-то не складывается в личной жизни, мы отправляемся к специалисту-психоаналитику; если у нас сломался водопроводный кран в квартире, мы вызываем специалиста-слесаря... В нашем безумно усложнившемся и дифференцирующемся мире процесс специализации производства, науки, духовной жизни носит лавинообразный и, как кажется, неизбежный и прогрессивный характер.

Однако стоит задать себе несколько вопросов. Так ли уж положителен процесс всеобщей специализации?

Каковы причины этого процесса и каково его воздействие на человеческую личность? Сама постановка этих вопросов требует критического отношения к современному пониманию слова "прогресс", автоматически отождествляющему прогресс научно-технический и экономический с "прогрессом вообще". Но - какова цена, заплаченная человечеством за этот прогресс и может ли он на деле считаться прогрессом? Ведь, по словам поэта, "все прогрессы реакционны, если рушится человек". А то, что человек неизбежно "рушится" в мире крайней специализации, было подмечено еще Козьмой Прутковым, глубокомысленно заметившим, что "специалист подобен флюсу: полнота его одностороння". В этой связи уместно привести интересное рассуждение из романа братьев Стругацких "Улитка на склоне": "Но все зависит от того, как понимать прогресс. Можно понимать его так, что появляются эти знаменитые "зато": алкоголик, зато отличный специалист; распутник, зато отличный проповедник; вор ведь, выжига, но зато какой администратор! Убийца, зато как дисциплинирован и предан... А можно понимать прогресс как превращение всех людей в добрых и честных. И тогда мы доживем когда-нибудь до того времени, когда будут говорить: специалист он, конечно, знающий, но грязный тип, гнать его надо..."

Итак, одно из двух. Или же человек смотрит на себя лишь как на инструмент в машине науки и производства и тогда, чем более специализирован этот инструмент, тем он эффективнее и "качественнее" (а до всех прочих его свойств нет дела!). Либо же каждый человек является высшей самоцелью (пусть даже в ущерб технологиям и производимым мегатоннам и киловаттам), и тогда необходимо его всестороннее, гармоничное развитие "в ширь и в глубь".

СВЕТ И ТЕНИ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА

Но пора задаться вопросом: в чем причины растущей специализации человеческой жизни, и в каких областях, по каким направлениям происходит этот процесс.

Прежде всего, следует указать на производственную специализацию, на растущее разделение труда. Как известно, определенное "разделение труда" встречается уже у животных. Например, пока птица-мать сидит на гнезде, высиживая потомство, ее партнер приносит ей пищу. Наиболее далеко заходит это "разделение труда" у муравьев, термитов и пчел. Но у животных подобная специализация, как правило, обусловлена биологическими причинами, тогда как у человека, в основном, - социальными и культурными (хотя определенное "биологическое" разделение труда по половому и возрастному признакам наблюдается уже в первобытном обществе). И все же, когда человек приходит в мир, трудно сказать - кем он (теоретически) *мог бы* стать - гончаром, полководцем, поваром или флейтистом. "В каждом ребенке убит Моцарт", - утверждал французский писатель Антуан де Сент-Экзюпери.

Очевидно, что определяющими факторами, способствующими (или препятствую-

щими) самореализации человека, являются факторы социальные: среда, происхождение, существующие в обществе возможности, табу, приоритеты и предрассудки. Поэтому огромным шагом на пути разделения труда среди людей следует считать появление государства, сословий, классов, городов, отделение ремесла и торговли от скотоводства и земледелия. Все вышеперечисленное обычно обозначают одним словом: "цивилизация". И цивилизация, возникающая благодаря разделению труда среди людей, одновременно порождает и великие сокровища культуры, вершины духа и - социальное неравенство и несправедливость. Одни люди - вожди, жрецы - монополизируют функции управления, духовной деятельности; другим же в удел достается рабство, рутинный, подневольный физический труд.

Мысль о том, что максимальное разделение труда будет способствовать эффективности и стабильности общественного устройства, лежит в основе многих древних обществ. Вспомним, например, кастовое общество Древней Индии, где существовали пожизненные сословия жрецов-брахманов, воинов-кшатриев, торговцев-вайшья и производителей-шудр, а самую "грязную" и неприятную работу выполняли изгои-"неприкасаемые", находившиеся вне каст. И другие великие культуры древности воздвигались на подобном фундаменте. Античная культура, например, - это почти исключительно культура элиты - людей свободных, рабовладельцев, презирающих физический труд и полагающих, что лишь духовная деятельность - истинное призвание человека, тогда как физическим трудом должны заниматься не "люди", а "говорящие орудия" - рабы (наиболее подробно этот общепринятый в античности взгляд теоретически обоснован в трудах Аристотеля).

А незадолго до Аристотеля, в начале IV века до н.э., когда греческие полисы вступили в период кризиса и нестабильности, великий Платон нарисовал весьма подробную картину замкнутого, неизменного и совершенного общества, одним из фундаментальных принципов построения которого являлось последовательно проведенное разделение труда. Он писал в своем знаменитом произведении "Государство": "Можно сделать все в большем количестве, лучше и легче, если выполнять одну какую-либо работу соответственно своим природным задаткам, и притом вовремя, не отвлекаясь на другие работы". Специализация как путь к созданию совершенного организма государства, в котором каждый человек подобен клеточке, а каждое сословие - органу, всецело подчиненному интересам целого, - ключевая идея платоновского проекта. Ведь, по убеждению мыслителя: "невозможно одному человеку с успехом владеть многими искусствами". А значит: "чтобы у нас успешнее шло сапожное дело, мы запретим сапожнику даже пытаться стать земледельцем, ткачом или домостроителем, так же точно и всякому другому мы поручим одно только дело, к которому он годится по своим природным задаткам; этим он будет заниматься всю жизнь, не отвлекаясь ни на что другое, и достигнет успеха, если не упустит время..."

Однако то, о чем Платон лишь мечтал, стало стремительно воплощаться в реальность лишь в три-четыре последних столетия.

Каковы же экономические результаты подобного разделения труда? По известному примеру Адама Смита, после появления мануфактурного производства, в его время (конец XVIII века) 10 человек за один день, благодаря разделению труда на мануфактуре, могли произвести 48000 иголок. А в середине XIX века один человек, наблюдающий за четырьмя машинами, за один 11-часовой рабочий день уже производил 600000 иголок.

Если в Средние века - в эпоху слабого развития торговли и техники - человек как производитель был более универсален (хотя, несомненно, менее искушен в том или ином специальном производстве), то в современном обществе имеет место противоположный процесс - крайняя, но однобокая специализация работников. Здесь можно вспомнить известный сатирический монолог, произносимый актером Аркадием Райкиным, о человеке, получившем из ремонта чудовищно испорченный костюм и попытавшемся найти конкретных виновников случившегося. Однако перед ним оказывается целая плеяда "мастеров", из которых каждый отвечает за свой участок: этот за рукав пиджака, тот - за пуговицу на воротничке, но за костюм в целом ни один из этих "специалистов" не несет ответственности.

Появление мануфактуры, затем машинного и, наконец, конвейерного производства довело специализацию до крайних пределов, до состояния, когда работник на заводе нередко должен был целый день повторять одну и ту же операцию, одно и то же движение, штампуя одни и те же детали - безо всякого творчества, разнообразия, понимания смысла совершаемого им и без заинтересованности в результатах своего труда.

Процесс труда (в сущности, занимающий почти всю жизнь) становится постылым, ненавистным - ценен и важен лишь его результат. Если средневековый ремесленник создавал каждый раз "штучное", "уникальное" изделие и вкладывал в него свою душу, был всегда хотя бы и отчасти Художником, Мастером, Творцом, знающим многочисленные секреты своей профессии и выполнявшим самые разнообразные операции, то работник XIX-XX веков, по выражению Карла Маркса, "превращается в простую, однообразную производительную силу, от которой не требуется особых физических или умственных способностей и навыков".

Не только социалисты - критики буржуазно-индустриальной цивилизации, но и вполне лояльно относящиеся к ней классики политической экономии, достаточно однозначны в оценке происходящих процессов разделения труда и их влияния на человека. Вот что писал, например, великий шотландский экономист XVIII века Адам Смит: "Умственные способности и развитие большей части людей необходимо складывается в соответствии с их обычными занятиями. Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций... не имеет случая и необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять свою сообразительность... становится таким тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо... Его ловкость и умение в специальной профессии представляются, таким образом, приобретенными за счет его умственных, социальных... качеств. Но в каждом развитом цивилизованном обществе в такое именно состояние должны неизбежно впадать трудящиеся бедняки, т.е. основная масса народа". Регресс личности и рост социального неравенства - такова, по Адаму Смиту, плата общества, именующего себя "цивилизованным", за экономический прогресс.

Наряду с фундаментальной специализацией между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, внутри каждой из этих сфер специализация достигает огромных размеров, следствием чего является формирование корпораций "экспертов", с присущим для этих корпораций духом замкнутости, бюрократизированности, чинопочитания и схоластического формализма. Еще в начале XVI века гуманист Эразм Роттердамский в своей "Похвале Глупости" прекрасно передал этот корпоративный дух, царящий среди ученых: "Но забавнее всего наблюдать, как они на началах взаимности прославляют друг друга и восхваляют друг друга и почесывают один другому за ушами. Зато, случись им уличить в ошибке, хотя бы и самой пустячной, кого-нибудь из посторонних - Геракл великий! - какая тотчас разыграется трагедия, какие поднимутся споры, какая брань посыплется, какие оскорбления!"

Потоки информации в современном обществе порождают узких специалистов - зашоренных, прагматичных, утративших цельность видения мира.

В современной науке специализация достигла огромного размаха: сейчас в мире ежегодно по меньшей мере 40 тысяч научных журналов публикуют более одного миллиона новых статей, а научная литература удваивается каждые 10-15 лет (и это еще не считая появившихся недавно электронных журналов!). Уже одно это требует от ученого концентрации на какой-либо все более узкой теме, занятия которой отнимают все его силы и время. Каждая фундаментальная наука дробится на все более и более частные и узкие разделы, порой взаимодействуя при этом с другими науками: так возникли астрофизика, биохимия, палеоботаника и т.д. Сейчас среди ученых почти невозможно найти "юриста вообще", но непременно специалиста по какой-либо отрасли права: административному, уголовному, гражданскому и пр., невозможно найти "просто историка", но обязательно специалиста по античной или средневековой, восточной или западной истории.

С ростом власти корпораций экспертов (некоторые современные мыслители вообще предлагают передать им в руки все управление обществом), разделение труда, которое изначально шло на пользу науке, технике и производству, теперь оказывается помехой на их пути, затрудняя поиск истины и внедрение новых идей, сужая горизонты поиска. Узкая специализация порождает технократизм и корпоративность - власть экспертов и профессионалов, со своими мафиозно-чиновничьими структурами, предрассудками и амбициями, стремлением сохранить монополию на информацию и уничтожить (физически или, чаще, морально) инакомыслящих. По верному замечанию А.И.Герцена, ученые "утратили широкий взгляд и сделались ремесленниками, оставаясь

при мысли, что они пророки". (Следует заметить, что в этой статье я употребляю слово "ремесленник" в двух, хотя и взаимосвязанных, но все же различных смыслах: во-первых, для характеристики собственно средневекового ремесленника, во-вторых, в нарицательном и отрицательном смысле, подразумевая такие черты "профессионала", как узость взгляда, корпоративный эгоизм, отказ от творчества и т.д.). Колоссальный "информационный шум", потоки информации в современном обществе порождают узких специалистов - зашоренных, прагматичных, утративших цельность видения мира. Эксперты-технократы, пропитанные духом корпоративного единства и озабоченные поддержанием "чести мундира", начинают манипулировать массовым сознанием, беспомощным перед их авторитетом, посредством конструирования мифов и создания табу. Специализация в ее нынешних масштабах и формах также не способствует умению творчески мыслить (в полном смысле этого слова), по-настоящему чувствовать - но зато способствует умению накапливать узкоспециализированную информацию.

В современной художественной литературе (например, во многих произведениях Жюля Верна или в романе Алексея Толстого "Гиперболоид инженера Гарина") часто присутствует образ гениального ученого - чудака, которому чуждо все человеческое и неведомо ничего, кроме его узкой научной области, человека, плохо ориентирующегося в окружающем мире и в силу этого часто становящегося добычей проходимцев - неважно, будь то власть имущие или какие-либо преступники, лелеющие кровожадные и корыстные замыслы. К сожалению, при всей гротескности этого литературного образа, он имеет немало прототипов в реальной жизни.

ОБРАЗОВАНИЕ: ОТ ИДЕАЛА "КАЛОКАГАТИИ" - К ПОДГОТОВКЕ "КАДРОВ СПЕЦИАЛИСТОВ"

На все это можно возразить: "Но не всем же быть Аристотелем, Леонардо или Гете!". Конечно, гении, подобные по своему масштабу и разносторонности Аристотелю, Гете и Леонардо да Винчи, рождаются исключительно редко. Однако, существуют и социальные, культурные, образовательные факторы, способствующие или, наоборот, препятствующие появлению универсальных, глубоких и цельных людей. Чудовищное дробление и специализация современного человеческого мира у многих людей вызывает беспокойство, тревогу и желание изменить ситуацию, преобразив общество, систему образования и культуры. Вспомним призыв А.П.Чехова: "В человеке все должно быть прекрасно!" (*Все*, а не какая-то одна способность - за счет и в ущерб всем остальным!). У древних греков существовал идеал *калокагатии* - духовного и физического совершенства, которому было подчинено и воспитание (мусическое - занятия искусствами и науками, и гимнастическое - физические упражнения). Уж не поэтому ли маленькая Эллада за пару веков подарила человечеству такое число гениев?

В античности и в Средние века образование, несомненно, было доступно немногим, оно было элитарным и иерархичным. Безусловная заслуга современного общества состоит в том, что образование стало достоянием большинства. Однако во всем есть и свои оборотные стороны. В прошлые эпохи познание было не утилитарным, но самоценным, бескорыстным (целью *"теории"* (по-гречески - это "созерцание") считалось возвышение души человека через познание мира и Бога), а процесс обучения был сориентирован на неповторимую и уникальную фигуру Учителя (вспомним, например, платоновскую Академию или Ликей Аристотеля). В современном индустриальном массовом обществе, убежденном в том, что "знание - сила!" (Ф.Бэкон), сила, призванная подчинить человеку весь мир, - познание стало корыстным, инструментальным, специализированным, утратившим обаяние чистой *теории*. А на смену фигуре единственного Учителя пришли легионы взаимозаменяе-мых, безликих и унифицированных *методистов*: конвейерному производству товаров соответствует ныне стандартизация столь же конвейерной и массовой подготовки "специалистов" (а не личностей). Живое, всестороннее и непосредственное *образование* (по-гречески: "пайдейя"), формирование гармоничной и неповторимой личности сменилось куда более бездушным, анонимным, усредненным, унифицированным и поставленным на поток процессом штамповки "кадров" для науки и производства. Образование отходит от былого стремления к универсальности и все более специализируется.

По словам выдающегося исследователя античности,

Пьера Адо, в античном мире "речь идет не о том, чтобы передать готовое знание, а о том, чтобы *образовать* дух, т.е. выработать некоторый навык..., сформировать новую способность суждения и критической оценки; речь идет о том, чтобы *преобразить* индивидуума - изменить его способ бытия, его миросозерцание". Уже в Средние века, с переходом к университетскому образованию, проявились новые тенденции. Пьер Адо указывает на "коренную противоположность между античной философской школой, которая обращается к каждому отдельному индивиду, оказывая глубокое воздействие на его личность, и университетом, задача которого - присуждать дипломы, соответствующие определенному уровню знаний, подлежащих объективной оценке... К сказанному нужно добавить, что университет делает из преподавателя... функционера, чья профессия в значительной мере состоит в том, чтобы готовить других функционеров: если в античности формировали человека, то теперь готовят к профессии ученого или преподавателя, т.е. *специалиста* (курсив здесь мой. - П.Р.)". Раздвоение нравственного и интеллектуального развития, практической жизни и теории - одна из главных проблем современной цивилизации, резко обострившаяся в последние дватри века.

НАУКА НА ТРОНЕ РЕЛИГИИ И РАСПАД ЦЕЛОСТНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Специализированность, раздробление характерны не только для производства или образования, но и для всей современной культуры. Выдающийся русский философ А.Ф.Лосев писал по этому поводу в 1915 году: "Современность возжаждала синтеза более, чем всякая другая эпоха. Философская мысль расплачивается теперь своей беспомощностью и тоской по высшему синтезу за слепое самоотдание технике и "открытиям" XIX века..."

> "Профессионализм" военного - умело разбомбить какой-нибудь город

Говоря о причинах распада современной культуры, всего мира современного человека на множество не связанных друг с другом фрагментов, следует особо отметить два обстоятельства: крушение религии, как основы цивилизации, и превращение науки в доминанту современной культуры (ибо именно наука наиболее склонна к специализации и к дроблению на части). Средневековое миросозерцание нередко привлекает современного человека своей цельностью, объединенностью вокруг некоего "стержня". Слово "релиджио" означает по-латыни "связь, единство, служение". И потому секуляризация (обмирщение, дословно - "разрыв" (лат.)) культуры означает не только *отделение* науки, морали, политики, искусства от религии, но и распад, разрыв связи одних составляющих культуры с другими. В этом смысл грандиозного процесса дробления, мельчания, разобщения различных частей культуры друг от друга.

Вернуться к старому - авторитарному - единству уже невозможно без чудовищного насилия над человеческой личностью и разумом. "Новое Средневековье", утратив достоинства прежнего, было бы или смешно или ужасно. Поэтому вопрос вопросов нашего времени состоит в том, - как прийти к новому, свободному и осознанному синтезу культуры. Распад культуры - сегодня это уже слишком очевидно - ведет к неминуемому распаду человека и общества. "Мир расшатался", - говорит шекспировский Гамлет. Человека в сегодняшнем мире "специалистов" можно уподобить части единого организма, в котором руки отделились от ног, а уши от глаз, и каждый вообразил и объявил себя чем-то абсолютно самостоятельным и самоценным. Вместо целостной и творческой работы души имеет место уродливое усвоение некоторой анонимной и мертвой суммы знаний, вместо живого общения - всего лишь обмен *информацией*; наука и политика утратили последнюю связь с нравственностью, а религия то и дело тяготеет к мракобесию.

Прогрессирующее разделение труда ведет к распаду человеческой личности, к ее однобокости и отрыву от других людей, с которыми данного человека уже ничего не связывает. Человек оказывается во власти специалистов и экспертов, делаясь беспомощным и легким объектом для манипулирования. А чистый "профессионал", лишенный понимания Целого и своей причастности к Целому, утрачивает, в том числе, и всякие нравственные ориентиры. На смену *людям* приходят *рабочие* и *ученые*, *солдаты* и *спортсмены*, *политики* и *журналисты*, односторонне развивающие в себе какую-то одну способность в ущерб и за счет всего остального.

Нередко слово "профессионализм" противопоставляется - осознанно или неосознанно - *человечности* (как жажде цельности,

смысла, единства). "Профессионализм" журналиста - хорошо выполнить заказ по сбору "компромата"; "профессионализм" военного - умело разбомбить какой-нибудь город (а кого он там при этом убил - не его дело); "профессионализм" ученого - качественно разработать атомную бомбу; профессионализм" киллера - точно сделать контрольный выстрел в голову...

Специализация, доведенная до предела, разделяет людей и делает их одинокими и чуждыми друг другу, обедняет каждого человека и разрушает целостность его мировоззрения. Вот человек приходит в мир. Его окружают: камни, цветы, мухи, облака, мысли, влюбленные, звезды, коты, предрассудки, туманы, страсти... Все это - едино и неразрывно. А он спешит поскорее наречь все это: "Алгебра", "Химия", "Биология", "Литература" - и расставить по отдельным полкам в строгом порядке, а потом, выбрав себе одну из этих "полок", концентрируется на ней. Однобокие, узкие "истины" "специалистов", оторванные от всего остального и вне понимания целого, перестают быть истиной. Личность мельчает и распадается, концентрируясь целиком на мелочах, сама становится мелочной. Человек, превращенный (или сам себя превративший) в инструмент, в конце концов, тонет во множестве "как?" и забывает о главном "Зачем?". Как изобрести? Как успеть? Как получить конкретный результат, пользу, выгоду? Как сэкономить? Где достать? И - исключается, вытесняется, снимается, конформистски игнорируется вопрос: "Зачем?" (его подменяют: "так принято" и "само собой разумеется" и "так уж сложилось"). В тысяче мелких "дел" теряется живое Дело, среди миллионов "профессионалов" и "специалистов" исчезают - *люди* - солидарные друг с другом, гармоничные, целостные, свободные...

Чтобы не быть голословным, приведу пару примеров. Вспомним Вагнера из "Фауста" Гете. "Ничтожный червь сухой науки" - так называет его Фауст и добавляет:

Он все надеется! Без скуки безотрадной
Копается в вещах скучнейших и пустых,
Сокровищ ищет он рукою жадной
И рад, когда червей находит дождевых!

Да и сам Вагнер говорит о себе:

Ведь скоро надоест в лесах, в полях блуждать...
Нет, что мне крылья, и зачем быть птицей!
Ах, то ли дело поглощать
За томом том, страницу за страницей!

"Ничтожный червь сухой науки" - Вагнер, увы, - прообраз многих и многих специалистов, предпочитающих не жить достойной человека полнокровной жизнью, а убегать от этой жизни в какое-то узкое и бесполезное ремесло.

Другой образ "специалиста-ремесленника" - уже не в науке, а в искусстве - Сальери (я имею в виду не реального Сальери, а героя пушкинской трагедии) - человек, отвергающий полноту жизни и гордо признающийся:

Ремесло
Поставил я подножием к искусству,
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию.

Узость, сухость, безжизненность ремесла Сальери сочетаются с корпоративным тщеславием, целенаправленностью, однобокостью, усидчивостью и нетерпимостью к чужакам - к тем, кто, как "гуляка праздный" Моцарт, хочет быть не "ремесленником" от искусства, а живым человеком, живущим полной грудью, отовсюду черпающим вдохновение для своего творчества.

Нарастающая специализация лежит как в основе фантастических достижений (научных, технических и экономических) современной цивилизации, в фундаменте ее могущества, так и в основе не менее острых и чудовищных противоречий. Вопрос следует поэтому поставить предельно остро: не является ли процесс специализации всей современной человеческой жизни одновременно и процессом дегуманизации, распада человека, утраты цельности человеческой личности и своеобразным "Бегством от свободы" (по выражению Эриха Фромма)? Сколь часто люди сегодня замыкаются в своей, по существу, чисто "животной" частной жизни (семья, дети, дом), забывая о своем человеческом предназначении, либо, напротив, стремятся полностью растворить свою неповторимую, единственную личность в чем-то общем, сверхличном, раз и навсегда сняв с себя ответственность и необходимость каждодневного выбора — выбора самого себя! И "профессия", "специальность" здесь очень

> На смену ***людям*** приходят рабочие и ученые, солдаты и спортсмены

удобный предлог.

Почти каждый человек стремится (ради комфорта, удобства) стать одной "струной", одним "мотивом", тогда как может и должен быть целым "оркестром", целой полнозвучной симфонией. Человек ведь по природе своей "полифоничен". Отождествление же себя - во всей полноте и глубине - и своей данной роли, функции, состояния, - ведет к сужению, к обеднению, к гибели личности. Нередко зрители в театре или в кино отождествляют актера, сыгравшего удачно и выразительно какую-то роль, с самой этой ролью. Но, как бы актер ни вжился в эту роль, эта роль - всегда не весь он и не совсем он, а лишь его маска, грань, лик, ипостась его. И сказать, что актер - это и есть его данная роль, - значит, унизить актера, сведя его в "плоскость". Но люди почему-то стремятся именно эту процедуру проделать над собой - загнать себя и других в подобную маску, роль, плоскость.

Человеческое "я" у любой личности всегда бесконечно больше, чем любая данная роль, маска, действие, функции, мысль, слово - поэтому-то "я" это и остается так никогда и не реализованной бесконечностью, а роли, поступки, маски, принципы, слова - лишь оттиски этой бесконечности на плоскость жизни. Играть роль необходимо, но нельзя допустить полного своего растворения в этой роли. Поэтому "профессионал", "специалист" (то есть не человек, который что-то профессионально делает, но человек, целиком отождествляющий себя со своей профессией) - это человек несчастный, оторванный от полнокровной жизни, отчужденный от мира и от других людей, утративший свою цельность и самобытность, человек-функция.

Индустриальное общество, построенное как одна большая фабрика, обожествило, возвело на пьедестал специалиста, профессионала. Одним из его основных принципов было: "специализироваться, чтобы преуспевать". Сейчас постепенно происходит изменение отношения к профессионалам, подрыв доверия к экспертам, нарастание недовольства зашоренностью и узостью их взглядов и корпоративным своекорыстием (поскольку профессиональные политики часто заводят общество в тупики, профессиональные ученые - в ответе за техногенные катастрофы и экологические проблемы и т.д.). Все чаще "профессионалов" критикуют за то, что они преследуют свои собственные кастовые интересы и оказываются неспособными ни на что, кроме одностороннего видения проблем. (В этой связи заметим, что любимый современной "элитой" риторический вопрос: "может ли кухарка управлять государством?" сформулирован изначально некорректно. Ни кухарка, ни профессиональный политик не может превратить государство - это изначально вредное учреждение - в нечто полезное для людей, но переформулировать вопрос так: "а нужно ли государство?" (которое, как и кухарка, тоже является продуктом специализации), конечно, современная "элита" не способна.)

Предпринимаются первые попытки поставить "экспертов" под контроль со стороны общества и ограничить власть профессионалов путем введения в органы, принимающие важнейшие решения, неспециалистов. (В качестве примеров можно привести стремление родителей влиять на жизнь школы, на процесс обучения, а также попытки общественности влиять на такую, традиционно закрытую и изолированную сферу, как вооруженные силы (вспомним о "комитетах солдатских матерей" в России и т.д.)). Все это лишь робкие первые шаги, но, возможно, за ними намечается определенная тенденция. Многие люди, отрицая ценности карьеры, власти, иерархии, потребления, ориентированы на качество жизни , на творчество, на личное развитие, на самоуправление, на солидарность и экологические ценности. А все это неминуемо подрывает присущий индустриальной цивилизации культ "профессионалов".

Хотелось бы быть оптимистом и верить в то, что люди нового тысячелетия сумеют преодолеть губительную эпидемию специализации и станут более гармоничными и универсальными. Однако пока что вполне справедливыми остаются горькие слова, произнесенные А.И.Герценом полтора века назад: "Человек готов принять всякое звание, но к званию человека еще не привык".

Волшебство и политика: мир фэнтази как новый общественный идеал

Константин Крылов

Для начала - немного "о птичках". Одним из "чисто человеческих" свойств - наряду со стыдом и способностью смеяться - является воображение, эта удивительная и непонятно зачем данная способность представлять себе невозможное. При всем этом, нет ничего хитрого в том, чтобы вообразить "несуществующее": то, чего здесь нет, но что вообще-то "бывает". На это способен и котенок, играющий с клубком шерсти: он прекрасно понимает, что это не мышь, не пытается его съесть - но все-таки бегает за ним как за мышью. Мыши, однако, водятся и на самом деле. Человеческое воображение - другая, высшая способность, так сказать, способность второго порядка: оно пытается выдумать то, чего не просто нет, но и быть-то не может; представить "невозможное возможным". Более того, с завидным упорством воображение пытается перепрыгнуть через каждую придуманную им небывальщину в поисках еще более поразительной нелепости. Котенок вряд ли способен вообразить себе кентавра - и тем более океан Соляриса. Более того, ему и в голову не придет усердствовать в этом странном занятии. Судя по всему, воображение - что-то такое, что призвано дополнять другое чисто человеческое свойство, а именно логику, рациональность, то есть способность разоблачать и разрушать образы путем доказательства их невозможности. Логика судит действительность по законам возможного. Логика - это прежде всего способность не верить глазам своим, даже если увиденное прямо-таки гипнотизирует своей очевидной убедительностью. Человек видит змею, ему даже кажется, что она шевелится - но он знает, что здесь не водятся змеи, что встретить здесь змею невозможно, и убеждает себя: "скорее всего, веревка". Но - увы и ах, наши способности ограничены, в том числе и эти две. Человек не может быть полностью логичен - но и его воображение не беспредельно. Мы не можем вовсе искоренить невозможное - но, с другой стороны, не способны и вообразить нечто совсем уж из ряда вон. Как ни бейся головой о стену, какие грибочки-мухоморчики натощак не вкушай, как не дыши холотропно, а все равно квадратный шар не выдумаешь. Разумеется, попытки вообразить и описать квадратный шар во всей его красе не прекращаются и не прекратятся никогда. Каждый раз, однако, выясняется, что шар все-таки круглый.

Поэтому истинной целью литературы - в первую очередь, конечно, литературы фантастической - является не просто вымысел, а вымысел правдоподобный, вымысел достоверный, то есть невозможное, замаскированное под возможное. При этом дозволяется как угодно дурачить и любыми способами сбивать со следа нашу "внутреннюю ищейку" - логику, лишь бы только она не путалась под ногами и не мешала обливаться слезами над вымыслом. Казалось бы, рождение такого литературного течения как "фэнтэзи" было обусловлено желанием в очередной раз проверить силу воображения. В отличие от science fiction, с ее всем опостылевшей привязанностью к машинерии, фэнтэзи вроде бы предоставляет его творцу полнейшую свободу, поскольку легализует свободное и неограниченное применение любых чудес, начиная со сказочных и вплоть до тех же самых технических. Правда, конструкции из очень уж податливого материала легко рассыпаются - но авторам не возбраняется накладывать на себя любые ограничения, любые вериги, лишь бы достичь желаемого результата, то есть построения "еще одного возможного мира", в котором можно было бы жить и дышать хотя бы часа два без громкого противного тявканья "внутренней ищейки". Однако же, после многих - и каких! - трудов выяснилась поразительная вещь. А именно: все более-менее жизнеспособные фэнтэзийные миры неизменно оказываются необыкновенно похожи друг на друга, притом куда как более, чем даже бравые космические империи с их звездолетами-гравилетами и бластерами-шмастерами. Такое впечатление, что все (да-да, именно все!) творцы фэнтэзи, погружаясь в свои волшебные грезы, с завидным постоянством оказываются в одном и том же месте, ныне уже исхоженном нами, читателями, вдоль и поперек. При этом все попытки очередного бедолаги-сусанина вывести нас из этих (воистину заколдованных) краев еще куда-нибудь обычно заканчиваются ничем: автор просто попадает туда, откуда пришел.

Итак, перед нами Магический Мир. Корректнее всего будет называть его Средиземьем. Во-первых, ad majorem gloriam JRRT. Во-вторых, это название почему-то очень подходит данной местности, так что подавляющее большинство авторов называют ее "как-то так" или "что-то вроде". Самое простое - считать, что это и есть ее настоящее имя. Средиземье находится, выражаясь языком science fiction, на планете земного типа, с водой и сушей, с хорошо выраженной сменой сезонов и довольно ровным климатом, соответствующим нашей средней полосе. Все вроде бы пристойно. Однако есть важное отличие: Средиземье -

геоцентрический мир. Чувствуется, что здесь именно Солнце и Луна вращаются вокруг Земли, а никак не наоборот. Космология - вполне птолемеевская: наверху - каменное небо и хрустальные сферы. Поэтому какие-нибудь космические путешествия в этом мире вроде бы и возможны (все возможно!), но практически неосуществимы: путешествовать-то, собственно, некуда. Впрочем, путешествия по самому Средиземью тоже затруднены: во-первых, местность сильно пересеченная, во-вторых, этому препятствует его экономическое и общественное устройство. Здесь начинается самое интересное. Вся жизнь Средиземья определяется тем фактом, что в Средиземье существует и успешно функционирует магия - то есть совокупность нетехнических приемов воздействия на природу и живых существ. Разумеется, кое-какая техника все же имеется в наличии (подавляющее большинство жителей ездят на повозках, а не летают на коврах-самолетах), но, по крайней мере, технические приспособления явно не делают погоды. К тому же магия почему-то (ниже мы увидим, почему) враждебна технике и препятствует ее развитию (в каких-то вариантах этому препятствуют "законы магической реальности", а кто-то в открытую пишет, что маги систематически обламывают все попытки создать что-нибудь посложнее колеса и сковородки). Поскольку магия - важнейшая черта жизни Средиземья, следует уделить ей "специальное внимание". Не будем останавливаться на описаниях разного рода магических приемов - здесь царит полнейшее разнообразие, чтобы не сказать неразбериха. Однако во всех описаниях "магического" имеется кое-что общее. Оно-то нас и интересует. Во-первых, магия не требует разделения труда. Магия - то, что может совершить один человек (маг), и не может совершить никто, кроме него. Магия - всегда Деяние, Gestio, причем деяние Одного. Даже если мага окружает сонм помощников, в решающий момент он оказывается один на один с Волшебной Силой (или как она там называется), и в этот миг все зависит только от него. "Магического конвейера" (скажем, ситуации, когда сотня магов каждый день операция за операцией "делают работу") не бывает - разве что в случае совсем уж рутинной работы. Кроме того, каждый акт магии уникален. Есть стандартные заклинания, но они отнюдь не гарантируют результат - в конечном итоге все зависит от мага. Попадаются, правда, магические предметы (разного рода кольца власти и прочие волшебные примочки), с помощью которых вроде бы можно колдовать, но и они, в свою очередь, есть результат Великих Деяний, каждая из этих вещей уникальна и не может быть воспроизведена. Кроме того, многие волшебные вещи действуют один (или считанное число) раз, после чего "теряют силу" как севшая батарейка. Короче говоря, магия ближе всего к процессу "сотворения шедевра" - то есть к уникальному и неповторимому взлету духа и мастерства. Дело тут не в количестве шедевров, а именно в эксклюзиве: даже если мастер сотворил добрую сотню шедевров, каждый из них неповторим (даже самим мастером). Соответственно, маги находятся в таком же положении, что зачастую приводит к неприятным для них последствиям (так, многие из них попадают в зависимость от результатов собственных усилий, которые они не могут "просто повторить еще раз").

Разумеется, никакой "общепринятой" системы магии не существует. Правда, магии можно научиться. Но, во-первых, для этого нужны особые врожденные способности, без которых никак (впрочем, как и в любом другом деле, так что ничего особенного

в этом нет). Во-вторых, магическое знание эзотерично (ну, это тоже не удивительно: какая-нибудь "теория устойчивости" является куда более эзотерическим знанием, нежели любое "калды-балды"). А вот что по-настоящему важно: магия принципиально не является единым знанием. Существует множество магических систем, друг к другу не сводимых и друг в друге не нуждающихся. Иногда их число невелико (скажем, соответствует числу стихий), но каких-то принципиальных ограничений на это в общем-то нет. Наконец, last not least, магия - не просто "работа", но, прежде всего, образ жизни. Маг не похож на обычных людей, он другой, он живет иначе (лучше или хуже, неважно), и не может "слиться" с ними - не потому, что он выпендривается, но потому, что для мага не существует различия между officium и otium, официальными обязанностями и частной жизнью. Маг - всегда маг, а не "с 9 до 6". По определению, магия может все или почти все. Удивительно, но при этом она странным образом бесполезна для хозяйственных нужд. Маги, правда, могут немножечко подсуропить в сельском хозяйстве (скажем, наслать дождь или засуху) или в здравоохранении (вылечить безнадежно больного или воскресить мертвого), но это и всё. Нет ни одного сколько-нибудь интересного фэнтэзийного романа, в котором маги занимались бы изготовлением товаров "группы А" или "группы Б". Правда, иногда встречаются какие-то вещи, изготовленные магами, но это всегда предметы роскоши. Экономика Средиземья держится, увы, на физическом труде. Кое-где практикуется рабство, кое-где царит махровый феодализм, имеются и свои "буржуины". Причина такой бесполезности магии "для дела" - как раз те ее свойства, которые перечислены выше. Любая экономическая деятельность требует разделения труда, рутинна, общедоступна и предполагает четкое разделение на "работу" (для заработка) и "просто жизнь". Магия, если угодно, стилистически несовместима с "приростом первичного продукта" и тем паче "накоплением капитала". Зачем же тогда нужна магия? Ответ довольно прост. Единственная область систематического применения - власть. Власть во всех ее видах и проявлениях, и, соответственно, все, что с ней связано, прежде всего война. Развита и даже переразвита боевая и защитная магия, разного рода средства магического воздействия на психику и прочее в том же духе. Разумеется, политическая власть либо целиком сконцентрирована в руках магов, либо невозможна без их услуг. Существуют, правда, светские властители, но само их существование обусловлено административной бездарностью большинства волшебников: они предпочитают посадить на престол какого-нибудь толкового военачальника, навязывая ему свою волю во всех существенных вопросах.

Надо сказать, что власть в этих краях ценится чрезвычайно. Можно было бы сказать, что власть - основная и главная ценность Средиземья, оставляющая далеко позади все прочие человеческие страсти, будь то стремление к деньгам или к удовлетворению "основных инстинктов". Однако, ценится не всякая власть, а прежде всего власть демонстративная. Атрибуты властителя - роскошные одежды, высокие троны, пышные церемониалы. Разумеется, серые плащи магов тоже демонстрация: скрытое могущество видно немногим, но это именно скрытое могущество, а не настоящая серость. С другой стороны, лишенный официальных постов, но грозно выглядящий герой имеет в Средиземье все шансы на почет и уважение. Короче говоря, главной ценностью для обитателей Средиземья является ЛИЧНОЕ ПРЕВОСХОДСТВО. Это единственно точное определение того, вокруг чего и ради чего кипят страсти. Нетрудно сообразить, что при таком раскладе Средиземье - довольно-таки неспокойное место: в нем непрерывно кто-нибудь с кем-нибудь да воюет. Установить относительное спокойствие на сколько-нибудь значительной территории планеты совершенно невозможно, и связано это опять-таки с магией: на всякое сильное колдовство обязательно найдется какая-нибудь всеми позабытая мантра, которая успешно его размочалит. На всякий лом рано или поздно находится прием. Возможно, поэтому, Средиземье - на редкость плюралистичное и деидеологизированное общество. Никакой общепринятой (или, на худой конец, разделяемой большинством населения) идеологии нет. Не существует и особого "магического мировоззрения": разные маги верят в разные вещи или не верят ни во что. В некоторых описаниях подчеркивается явное противостояние Сил Добра и Сил Зла, но, если внимательно читать даже самые бескомпромиссно дуалистические книжки о Магическом Мире, то обнаруживается, что эта проблематика во многом надумана и сильно зависит от точки зрения автора. Есть, однако, четко выраженная склонность приписывать злым силам некие "унитаристские" тенденции: как правило, Зло выступает крепко сколоченным "общим фронтом" и ставит себе целью достичь полного и тотального контроля над Средиземьем, а Добро представлено нестойкой коалицией разных сил, стремящихся сохранить прежний плюрализм. В общем-то, это единственные устойчивые признаки "средиземского" Добра и Зла. Зло олицетворяют все те, кто стремится "всех покорить" и установить повсюду одни и те же порядки, а Добро - все те, кто этому сопротивляется. Отсюда и характерные свойства сил Добра - сварливость и ярко выраженная склонность к выяснению отношений между своими (обычно - в самый неподходящий момент). При этом на стороне Добра довольно часто воюют разного рода бандиты

и подонки, а силы Зла - при непредвзятом рассмотрении - иной раз производят довольно благоприятное впечатление (ну, разве что они бывают излишне занудны и чрезмерно любят порядок). Но в общем-то, если честно, все конфликты в Средиземье сводятся к банальной борьбе за власть и престиж, короче говоря - за все то же самое личное превосходство. Ну, а теперь зададим нечестный вопрос, - тот самый, который читателю задавать "нехорошо". Хотели бы мы жить в таком мире? Нет-нет, погодите, оставьте на минутку все наши убеждения, наш гуманизм, демократизм, патриотизм, нашу любовь к технике и науке, нашу мораль и нравственность, хотеться может и плохого, и невозможного, речь не о том, но все-таки - хочется ведь туда, в Средиземье? Да чего уж там... Ja. Si. Yes. Да. Конечно, ДА.

Но почему?.. Тут-то чем плохо? Скажем уж честно - мы живем не в худшем из возможных миров. А уж те края, в которых зародился и расцвел жанр фэнтэзи, вообще напоминают Острова Блаженных. Жизнь на Западе с любой разумной точки зрения не просто хороша, а очень хороша - достаточно вспомнить, что тибетские буддисты одно время вполне серьезно обсуждали, не является ли Европа Западным Раем Амитабхи-Будды. Да что там тибетцы: я сам - не будучи особенно глупым или патологически завистливым человечком - где-то в глубине души до сих пор не могу понять, на что вообще может (в смысле - имеет моральное право) жаловаться человек, живущий на Западе и имеющий хотя бы среднеамериканский ежемесячный прибыток: если он, имея Это Все, еще и недоволен - значит, он просто кретин, или, того хуже, неблагодарная скотина. В Россию ссылать таких надо. Нет, в Монголию. В Бангладеш, мать вашу... Тем не менее недовольство существует. Более того, оно имеет вполне реальную причину. Современный человек в современном обществе чувствует себя глубоко униженным - и никакие радости для телес и душонки, никакое приумножение пожитков и животишек не компенсируют этого унижения. Самое обидное при этом то, что унижение исходит вовсе не от людей, скажем, от злых и несправедливых правителей. О, если бы! С Большим Злым Парнем еще можно как-то пободаться. Но сейчас он бит повсеместно. Современный плебей давно уже обзавелся всеми мыслимыми и немыслимыми правами, так что дело дошло до того, что президент величайшей державы современного мира вынужден опасаться каких-то там разоблачений какой-то там утконосой золушки. Нет, нынешний правитель давно уже стал комической фигурой (примерно как нынешний отец семейства, которого весело и дружно третируют женушка и домочадцы). Впрочем, и плебс тоже не страшен. Так что унижение не связано с людьми. Унизительны обстоятельства, в которых современный человек находится. Эти обстоятельства объективны, безличны, но главное - с ними "ничего не поделаешь". Если коротко, человек чувствует себя униженным потому, что лишен даже самомалейшей власти над тремя вещами: над собственной судьбой, над природой и над себе подобными.

Начнем с первого. От человека сейчас ничего не зависит. Все, что он делает, касается только его и важно только для него одного. Так уж

устроена цивилизация. Незаменимых нет. Без любого, даже самого крутого профи, в принципе можно обойтись - и еще неизвестно, станет ли от этого хуже. Более того, сам профи тоже не уверен в своей незаменимости: вот придумают завтра какую-нибудь простенькую коробочку с проводками, которая делает то же самое, что и он, только в тысячу раз быстрее и лучше... ну, пусть даже медленнее и хуже, но зато ей не надо платить жалованье. И что тогда? То-то. Или еще проще: то, что ты так хорошо делаешь, в какой-то момент элементарно перестает быть нужным. Ну, хотя бы выходит из моды. Не пользуется больше спросом на рынке. И дальше что? Это обидно? До слез. А кто виноват в этом, чтобы можно было хотя бы проклинать имя обидчика? Да никто. Рынок. Обстоятельства.

Фишка так легла. Некого винить, даже себя.

С другой стороны, и успех не добавляет самоуважения. Тебе повезло? Ты стал кинозвездой с миллионными гонорарами? Прекрасно, только при чем тут ты? Тебя ж раскрутили. Почему тебя? Может быть - просто потому что кто-то... ну, скажем, ногу подвернул, и нужно было срочно его заменить, а тут случайно подвернулся ты, и твоя рожица приглянулась кому-то из продюсеров. Опять же - так фишка легла. Современный "успех" настолько зависит от слепой случайности, от "удачи" в худшем смысле слова, что одно это может испортить всякое удовольствие, а самоуважения уж точно не прибавляет. За тебя все решили "обстоятельства", на сей раз "хорошо решили", но ты как был кукленком в руках каких-то непонятных сил, так им и остался. И, главное, так везде и во всем. Ничего нельзя достичь самому, во всем необходима львиная доля везения. А везение - такая вещь, что ему можно радоваться, но не гордиться. Нечем гордиться. Просто нечем.

Таким же унизительным делом является, как ни странно, наша хваленая техника. Нет-нет, речь не идет о ее "бездуховности" и "антигуманности" и, тем более, о том, что она "природу портит". Ну кого это, если честно, гребет?! Нет, дело тут в другом. Техника может дать очень многое, почти все, одного только она не может - она не дает нам ощущения власти над природой. А ведь хочется именно этого: ощущать, как тебе повинуются стихии, как небо и земля покоряются твоей воле. А наука и техника... Это, увы, не власть над природой, это, всего-навсего, систематический обман природы. Мы не можем гордо и величаво приказать стихиям двигаться по нашей воле, мы не можем своей волей вводить и отменять законы мироздания. Нет, мы, как адвокаты-крючкотворы, выискиваем в этих самых законах лазейки, чтобы провернуть какие-то свои делишки. При этом надо выполнять сотни и тысячи разного рода условий, а то ничего не получится, законодательство природы довлеет... результат вроде бы есть, но нет никакого ощущения власти и победы... Ну, сравните сами: вот летит на ковре-самолете волшебник, летит куда хочет, как хочет, - а вот самолет, нашпигованный пассажирами (пасса-жиром, каким-то пассивным жиром...) стоит и не может взлететь, потому как "Владивосток не принимает"... Почему не принимает? Кто запретил? И неважно, что "и вправду нельзя", что там буря. Я ее не вижу, я не могу сам испугаться этой бури, повернуть назад - сам!, а не потому, что какие-то дяди порешили "не принимать". Да уж, теперь-то мы можем ощутить вживе всю привлекательность магии. Магия и Власть - синонимы. Власть как Превосходство, как Личное Превосходство над Миром и Стихиями - вот что такое магия, и вот чего не может дать самая крутая техника. Ну, разве что погонять на мотоцикле ночью по пустой трассе... что-то такое почувствовать... ну и все. Но и этого мало. Технические приемы проникли даже в политику - и превратили ее из опасной (но и волнующей) игры в скучное занятие. (Для сравнения: что-то вроде секса "без всякого удовольствия"...) Современные властители мира - какие-то невыразительные типы, лишенные даже тени обаяния, пусть даже темного обаяния злодейства... Кабинетные политики, невнятные "эксперты", унылые финансовые воротилы, лишенные даже гобсековского величия... Билли Гейтс и Жора Сорос на этом фоне представляются все-таки Чем-То... Но, боже мой, какой скукой веет от старейшей человеческой игры - политики!

Это касается и современной войны. В наши дни война лишилась единственного морального оправдания, которое у нее еще оставалось: когда-то на войне личное мужество, честь, достоинство были реальными силами, с которыми приходилось считаться. В наши дни (отнюдь не став менее жестокой и кровавой) война окончательно превратилась в "дело техники" и "дело денег"... Образцово-показательные бомбардировки Ирака (с самого начала задуманные как теле-шоу) хорошо демонстрируют эту сторону дела. Странно, что на боеголовки крылатых ракет еще не лепят рекламу "Олвейс" ("...с крылышками!"), но вскорости придется делать и это, потому как вести войну без спонсоров-рекламодателей налогоплательщикам покажется слишком накладным. Собственно, Война и Мир - некогда понятия противоположные по значению - превратились в разновидности Работы: "мирный труд" и "военный труд". И разница между ними, ну, есть, наверное, но не принципиальная. Гадко? Гадко. И что самое ужасное - это отнюдь не сами люди "так опустились". Это такие ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.

Главный секрет современного мира как раз в том и состоит, что нами управляют отнюдь не Первые Лица Государств, - но, увы, и не Тайные Ордена, но и не Сионские Мудрецы, и даже не капризы Природы (все-таки не так обидно) - а ОБСТОЯТЕЛЬСТВА. Рынок, Техника, Политика - все эти абстракции, безличные "процессы", эти слепые и безжалостные из-за своей слепоты Мойры нашего мира. Нами управляет даже не Сатана, как надеются некоторые оптимисты. Нам не дано даже последнее утешение - представить

себе эти абстракции в виде могучих и злобных существ и покориться им. Мы не можем даже сдаться на их милость. Сдаваться-то некому. Нами правит "ничто". Вот что обидно. Современный мир в этом смысле оскорбляет воображение: в нем не осталось ничего, вызывающего уважение и трепет. Даже звездное небо над нами, от величия коего даже черствый Кант трепетал - и то подвело. Мы-то теперь знаем, что Космос - не хитроумное и совершенное устройство, достойное хотя бы простодушного любования, а просто-напросто агромадная дурная дыра, кое-где заполненная пылью и какими-то там "разреженными газами", наверняка ведь вонючими... И эти вот вспученные клубы межгалактической вони в миллиарды раз превышают по размеру наше зачуханное "солнышко", не говоря уже о Земле! Чего же еще тогда ожидать от ТАКОГО мира?!

Вот теперь понятно, что все очарование Средиземья в том и состоит, что там такого не бывает. Жители Средиземья свободны от власти анонимных сил. Если что-то случилось (хорошее или плохое), значит, это кто-то сделал. Зло и несчастье - равно как и добро, и благо - всегда результат чьих-то деяний. Все обозначенные нами выше приметы Волшебного Мира (вплоть до геоцентризма) сводятся, по существу, к этому - да и нужно-то это все только за сим. Еще раз: Средиземье - вовсе не "царство свободы". В нем имеет место самое дикое насилие. Но это все-таки насилие одних существ над другими, кого-то лично над кем-то конкретно. Здесь мы подходим к важнейшей теме. На протяжении всей человеческой истории люди исступленно мечтали о Власти над Миром, над Миром Природы - прежде всего над Природой, а уж во вторую очередь над себе подобными (иногда кажется, что последнее - всего лишь заменитель первого). А ведь хочется именно этого: ощущать, как тебе повинуются стихии, как небо и земля покоряются твоей воле. Неудивительно, что в Средиземье главной ценностью являются не деньги или иные "сокровища тленные" (хотя злых и алчных господ там навалом), а Власть, Слава и Личное Превосходство. Это только здесь, у нас все это выглядит смешно. Там эти ценности действительно чего-то стоят. (Заметим, что в Средиземье к этим вожделенным вещам в равной мере стремятся и герои, и злодеи: в чем-чем, но уж в этом они вполне единодушны.) Все это, конечно, не значит, что действия средиземцев всегда преисполнены добра - или хотя бы смысла. Их дела могут быть дурными, недостойными, мелкими, противными - но это ИХ дела, а не рефлекторные реакции на ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.

Первый законченный текст в стиле фэнтэзи сочинил отнюдь не JRRT, а ортодоксальный продолжатель жюль-верновской линии Уэллс. У него есть маленький и очень изящный рассказ про Дверь в Стене. Позволю себе вкратце напомнить: маленький мальчик случайно проходит через магическую Дверь, возникшую в глухой стене, и попадает в волшебный сад. Обитатели сада не могут оставить его у себя, но приглашают зайти еще раз. На следующий день он снова видит Дверь - но он куда-то торопится и проходит мимо, и дверь исчезает. Дальше мальчик растет, вырастает "большим", женится, становится папашей, потом - бодреньким английским дедушкой. Несколько раз на протяжении жизни он видит Дверь в Стене, но каждый раз совершенно объективные ОБСТОЯТЕЛЬСТВА не позволяют ему войти: дела, обязанности, чувство долга, etc, etc... Но при этом он помнит о магическом саде, мечтает о нем и ждет, ждет, ждет, когда он, наконец, сможет... посмеет... получит моральное право... Наконец, глубоким старцем, у которого не осталось ни дел, ни забот, ни врагов, ни друзей и любимых, одинокий и никому не нужный, он случайно проходит мимо той самой стены, опять видит магическую Дверь, все-таки открывает ее, входит... и падает в черную яму. Это была не та дверь: просто накануне в стене сделали проход, ведущий в угольный погреб, на дне которого он и отдает концы. Обстоятельства так и не отпускают его.

Средиземье довольно часто считают своего рода "стилизацией под Средневековье". Это, однако, не означает, что оно ipso facto изображает именно прошлое. Возможно, это будущее. Магический Мир часто противопоставляют миру техническому - но и это может оказаться не совсем верным. Возможно, для того, чтобы подчинить себе нашу технику, понадобится магия. Возможно, для того, чтобы обуздать анонимные силы, нужны волшебные герои. Возможно, новый феодализм - единственная альтернатива подступающей "тоталитарной анархии". Возможно, справиться с рыночными и техническими мойрами могут только настоящие Мойры. Возможно... на то нам и дано воображение, чтобы представлять невозможное возможным, всего лишь возможным, хотя бы только возможным... Может быть, затем, чтобы тихой сапой, на цыпочках, подобраться к действительности.

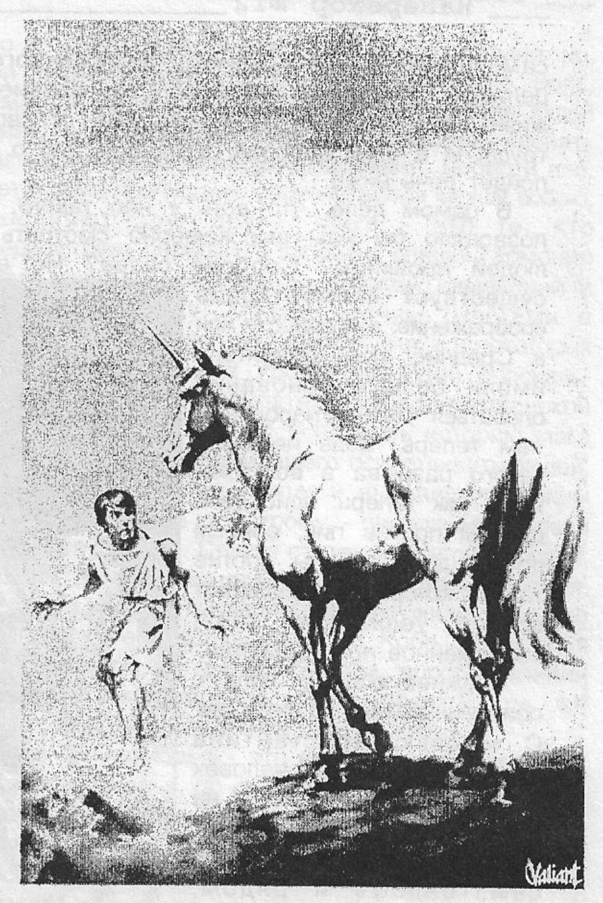
МАГИЧЕСКАЯ УТОПИЯ

Михаил Магид

Подчинение человека технике, индустрии, рынку, бюрократии, политике - одним словом, подчинение человека тотальной безличности, безликим законам планетарной научно-технической цивилизации, всем ее безобразным нагромождениям вместе с эффектами протезирования жизни (разрушение окружающей среды еще как достает людей, тут Константин Крылов не прав; не случайно за последние 30 лет в мире имели место мощные выступления экологических движений, в том числе и в России, например, в Чапаевске и Волгодонске в начале 90-х, и не случайно люди побогаче стремятся селиться подальше от индустриальных центров), все это давит на психику и заставляет искать какой-то выход, хотя бы и в мире фэнтэзи.

"Ни один господствующий класс в истории не вел такую несвободную и жалкую жизнь, как суетливые менеджеры "Майкрософта" "Даймлера-Крайслера" или "Сони", - замечает современный немецкий социальный мыслитель, Роберт Курц. - Любой средневековый помещик глубоко презирал бы этих людей. В то время как тот мог предаваться праздности и более или менее вакхически прожигать свое богатство, современные элиты... не смеют позволить себе ни малейшей остановки. Вне колеса (индустриально-капиталистической системы производства-потребления. - Прим. ред.) они не знают, что делать, разве что снова впасть в детство; досуг, удовольствие от познания и чувственное наслаждение для них столь же чужды, как и для их человеческого материала. Они сами - всего лишь... простые функциональные элиты иррациональной общественной самоцели.

Властвующий идол умеет навязать свою безликую волю через "безмолвное принуждение" конкуренции, перед которым должны склониться даже могущественные, именно потому, что они управляют сотнями фабрик и спекулируют миллиардными суммами по всему Земному шару. Если они этого не сделают, то будут так же безжалостно выброшены на обочину, как излишняя "рабочая сила". Но именно несамостоятельность функционеров капитала, а не их субъективная эксплуататорская воля делает их столь безмерно опасными. Они менее чем кто-либо смеют задаваться вопросами о смысле и последствиях их безостановочной деятельности. Они уже не могут позволить себе проявить чувства и осмотрительность. Вот почему, превращая мир в пустыню, обезображивая города и превращая людей в нищих посреди богатств, они называют это реализмом".

Есть одна вещь, которую мы порой, не задумываясь, принимаем на веру. Это рассуждения о том, что, скажем, в Древнем мире или в Средние века было меньше свободы, чем сейчас. Но все же, на чем они основаны? Тогда, конечно, существовали на уровне общины, религиозной конфессии или ремесленной корпорации жесткие предписания относительно того, что можно, а что нельзя. Но ведь тогда не было индустриальной системы, в которой существует еще более жесткий диктат над индивидуальностью. Ведь есть разница между крестьянином, который сам пахал и сеял, тогда и так, когда и как считал нужным, ремеслен-ником, который выполнял самостоятельно свою работу, так, как считал нужным, и современным рабочим, инженером, менеджером и чинов-ником, которые встроены в огромные бюрократические системы и являются не более, чем марионетками, которых дергают за ниточки. Эта разница в наличии (и отсутствии) достоинства человека, в его самодостаточности.

То, что так восхищает Константина Крылова и многих читателей фэнтэзи в магии - уникальность каждого творения, отсутствие ярко выраженного разделения труда, неразрывная связь между творческим трудом и повседневной жизнью, - все это характерные черты средневекового мастера-ремесленника, органически связанного с городской общиной и со своей

самоуправляемой гильдией, погруженного в цельную, а не раздробленную на фрагменты жизнь, получающего удовлетворение от своего труда. И в этом свобода, а власть... но о ней пойдет речь ниже.

В самом деле, что есть у нас такого, что позволяло бы нам высокомерно смотреть на людей прошлого? Свобода слова? Но ведь существует элементарное соображение: в древности или в Средние века правители имели больше оснований опасаться "мнений народных", чем теперь. Ведь не было такого разрыва в вооружениях, как теперь: одно дело дубины против пик, совсем другое дело дубины против танков, которыми располагает всякое, уважающее себя, современное правительство.

Сложнее обстоят дела с поисками выхода из ситуации. С мыслью Константина Крылова о том, что человек в мире фэнтэзи является не игрушкой в руках безликих неведомых сил, а, напротив, сам, сплошь и рядом, принимает ответственные решения, опять-таки, можно согласиться. Но дальше возникает проблема. Для автора статьи весь смысл этой новой индивидуальной свободы (остается только гадать, каким бесценным сокровищем она стала бы для нас, если бы состоялась) состоит в приобретении власти:

1) над другими людьми;

2) над природой, миром.

"На протяжении всей человеческой истории люди исступленно мечтали о Власти над Миром, и прежде всего - над Миром Природы, прежде всего над Природой, а уж во вторую очередь над себе подобными (иногда кажется, что последнее - всего лишь заменитель первого)".

Замечу, что, во-первых, взгляд на мир, исключительно как на объект обладания и господства человека - это как раз и есть взгляд, характерный прежде всего для Нового времени, для планетарной технической цивилизации. Как и разговор о ценностях, которые "чего-то стоят". Причем, эта жажда обладания ВСЕМ действительно носит сегодня какой-то исступленный, маниакальный характер. "В течение последних столетий идёт переворот в основных представлениях, - писал Мартин Хайдеггер, - человек оказался пересаженным в другую действительность. Эта радикальная революция мировоззрения произошла в философии Нового времени. Из этого проистекает и совершенно новое положение человека в мире и по отношению к миру. Мир теперь представляется объектом, открытым для атак вычисляющей мысли, атак, перед которыми уже ничто не сможет устоять. Природа стала лишь гигантской бензоколонкой, источником энергии для современной техники и промышленности. Это, в принципе техническое, отношение человека к мировому целому впервые возникло в семнадцатом веке и притом только в Европе. Оно было долго незнакомо другим континентам. Оно было совершенно чуждо прошлым векам и судьбам народов". Действительно, существует разница между отношением общинного крестьянства (в прошлом) к миру и земле, отношением, основанным на почти пантеистическом гармоничном мироощущении (откуда, кстати, и соответствующий принцип землепользования: земля ничья, как воздух, ею можно пользоваться, но ею нельзя владеть, как вещью) и взглядом на окружающий мир и землю современного человека.

Следующий пункт - это власть над другими людьми. С одной стороны, автор статьи, может быть, и прав в этом пункте, говоря, что можно испытать большее наслаждение властью, если добиваешься ее непосредственно, избегая действия безличностных законов современной техники, рынка и современной политики (правда, некоторые утверждения вызывают улыбку, например о том, что в мире фэнтэзи всегда есть кого спросить за то или иное несчастье, получается как в известной присказке - "если в кране нет воды..."). Но прошлое человечества знало не только деспотические режимы, где происходила постоянная борьба за престолонаследие, оно знало и различные формы самоуправления: от сельской общины Древнего Китая и до греческого полиса, управляемого общим собранием граждан, самоорганизованным народом. Однако Константина Крылова привлекают только некоторые специфические составляющие (реальные или вымышленные) древнего и средневекового мира: мечта об абсолютной власти человека над природой (в реальности, характерная, прежде всего, для современной эпохи) и ничем не сдерживаемое господство личности над личностью (которое, в реальности, сдерживалось и ограничивалось в прошлом известной автономией крестьянской общины или городским самоуправлением).

Впрочем, поскольку автор апеллирует не столько к прошлому, сколько к вымышленному миру фэнтэзи, то и мы обратим взгляд на этот мир.

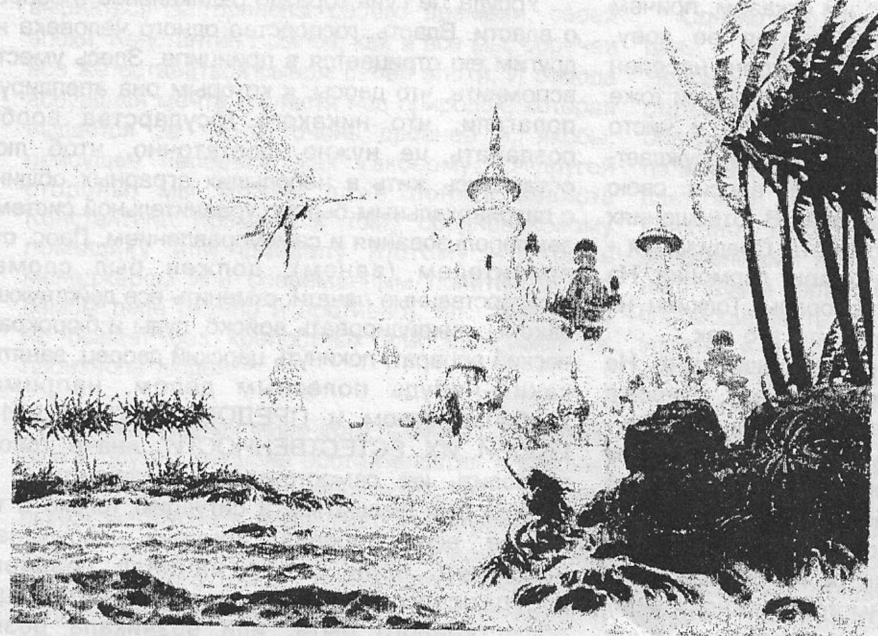
Утверждение, что над людьми Средиземья не довлеют никакие внешние, безличностные силы,

не соответствует действительности. Правда в том, что люди Средиземья свободны от господства техники, рынка, политики (в ее современном, безличностном варианте) и тому подобных вещей, и, пожалуй, более независимы, в силу этого обстоятельства, нежели мы. Однако безличностные силы в виде рока (судьбы) или верховного божества все же присутствуют в двух, наиболее значимых вариантах магических утопий: Толкиена и Урсулы Ле Гуин.

Утопия Толкиена разворачивает перед зрителями картину дуалистического мира, аккуратно разделенного между абсолютным добром и абсолютным злом. Правда, мир этот не совсем манихейский: силы тьмы очень сильны, но последнее слово остается все-таки за светом. У людей, населяющих этот мир, есть свобода воли, возможность выбора добра, либо зла, причем в каждом из этих случаев они следуют определенным линиям поведения. Маги - это, по существу, те же самые служители добра или зла, только сила их больше, чем у обычных людей. На самом деле (и это отмечалось некоторыми комментаторами) утопия Толкиена очень консервативна в философском плане, перед нами классическая христианская картина мира. Насколько удачно получилась у Толкиена эта картина - совсем другой вопрос. Кстати, сам Толкиен был убежденным католиком.

Мир Земноморья выглядит иначе. Добро здесь вовсе не абсолютно, оно относительное, человеческое. Наибольшую угрозу миру Земноморья несут как раз те, кто хочет его переделать в соответствии со своими представлениями о добре. Одновременно и зло не абсолютно, оно омерзительно, страшно, но, при этом, играет, подчас очистительную роль, помогает людям достичь прозрений или, на худой конец, избавиться от вредных привычек, сделать шаг на пути самосовершенствования. Добро и зло, свет и тьма причудливо переплетаются между собою, дополняют друг друга. Маги - это те, кто предшествует первому и второму, следуя гармонии мира, сливаясь с мировым потоком изменений и соответствуя ему. Между прочим, местами в рассказах и повестях Земноморья (как и в некоторых других произведениях Урсулы Ле Гуин) проскальзывает отчетливая антипатия к иудео-христианской цивилизации. Достаточно вспомнить историю мага Повелителя Огня, задумавшего осчастливить людей, остановив солнце в зените, и вызвавшего, таким образом, мировую катастрофу, - очевидная аллюзия на Иисуса Навина. Спустя столетия, другой чародей, Коб, пытается (тоже действуя, с его точки зрения, во благо), даровать людям вечную жизнь. Однако волшебник Гед разрушает чары Коба, возвращая людям смерть и, таким образом, восстанавливая гармонию мироздания. Ведь смерть так же необходима и естественна, как и жизнь.

Мир Земноморья - это мир древних даосов, а маги Земноморья, по крайней мере, в большинстве своем - даосские учителя. Нужно иметь в виду, что понятий "зло" и "добро" (в абсолютном смысле) у даосов не было. Они считали, что существует особое место у всякой вещи в мире: у животного свое (пастись на поле), а у человека свое (пасти скот, например). И, однако, человек, не будучи и не становясь животным, но, оставаясь собой, может следовать естественной гармонии мира (дао) по-своему, а именно через "недеяние" (у-вэй). Человек слишком деятелен, он непрерывно что-то обустраивает, совершает, у него непрерывно вспыхивают и угасают противоречивые желания, мысли, он слишком сосредоточен на своем эго и т.д. Своими излишними заботами он приносит вред себе и миру. Недеяние - это не отказ от деятельности, а ее ограничение и выделение необходимой человеку и миру сердцевины деятельности. Людям следует действовать только тогда, когда в этом существует острая необходимость. Ибо людям присуще чувство естественности наряду с искусственностью. Однако, весь вопрос в том, чтобы знать КОГДА; чтобы на него ответить, нужно вслушиваться в мир и в себя (притча Чжуан Цзы о

свирели Вселенной). Потому мастера дао и мир воспринимали как кров, как огромный дом: здесь все взаимосвязано, - одно здесь невозможно без другого. Если человек живет, пытаясь осуществлять недеяние, то есть, вслушиваясь в себя и в мир, то он становится на путь (дао). Тогда ему рано или поздно откроется красота и целостность мира, где "все вещи звучат сами по себе" (Чжуан Цзы), откроется ему и естественность гармонии человеческих отношений (у Чжуан Цзы люди и селения, пребывая в естественности, тянутся друг к другу). Далеко не случайно маги в произведениях Урсулы Ле Гуин, превыше всего ценят молчанье, позволяющее им слушать голоса мира.

Однако, человеку дан выбор. Человек может следовать и искусственности, то есть пытаться изменять вещи, других людей и себя в соответствии со своими представлениями о правильном и неправильном. Это путь, противоположный дао, путь господства (во благо или во зло, не столь важно, важно то, что я пытаюсь кого-то облагодетельствовать или, наоборот, унизить, потому что МНЕ ТАК ХОЧЕТСЯ). Вот здесь-то и возникает у даосов деление на свет и тьму, инь и ян, тогда как дао предшествует разделению инь и ян. Эти добро и зло относительны, каждое - тень другого.

Посмотрим теперь, как решаются в мирах "фэнтэзи" проблемы взаимоотношений человека с природой и человека с человеком.

У Толкиена природа в той или иной степени одушевлена. Гора, через которую хотят перейти хранители колец, отвечает им отказом, причем хранители послушно подчиняются ее зову, древний и грозный лес Фейнхорн населен живыми деревьями - гворнами, с которыми тоже шутки плохи. Варварское, хозяйское и чисто потребительское отношение к природе осуждается, в конце концов живой лес вносит свою лепту в истребление сил зла. В отношениях самых близких к добру существ Средиземья - эльфов - и живой природы царит гармония. На чем держится вся эта пастораль, Толкиен не объясняет. Это так, потому что это так.

На островах Земноморья все еще круче. Не то что леса и горы, но каждый камень, травинка или капля воды имеет свое собственное имя - самость, и следует своему предназначению. Мир оплетен сложной системой взаимодействий, все взаимосвязано. Упаси боже потревожить всю эту гармонию: стоит только магу чуть-чуть поколдовать забавы ради (а не для какого-то ответственного, необходимого и важного дела), например, стоит ему превратить камень в птицу, и может выйти несчастье. Обычные люди, и, в особенности, маги должны легко касаться вещей и легко оставлять их, пользоваться дарами, которые предлагает им природа или другие люди и маги, но не становиться обладателями и хозяевами этих даров, наслаждаться красотой неба, залитого солнечным светом, но не пытаться, себе в угоду, заставить солнце и небо быть такими всегда. Все в полном соответствии с даосским принципом: УМЕЮЩИЙ ХОДИТЬ НЕ ОСТАВЛЯЕТ СЛЕДОВ.

Итак, никакого насилия над природой и властвования над ней творцы магических утопий не допускают, наоборот, такое отношение клеймится как варварское и всячески осуждается.

А как обстоят дела с государственной властью и вообще с возможностью господства человека над человеком?

У Толкиена в принципе допускается власть одного человека над другим. Приветствуется, например, монархия, но, однако, власть эта всегда должна быть чем-то ограниченна. Например, светская власть королей и иных властителей ограничивается духовной властью магов и наоборот. Власть, как таковая, не осуждается. Осуждается, однако, причем полностью и безоговорочно, власть абсолютная. По понятным причинам она развращает абсолютно и тут даже не надо ничего додумывать. Строго говоря, это и есть лейтмотив данной утопии. В магической утопии Толкиена совершенно явственно слышен голос добропорядочного подданного ее величества английской королевы. Монархия это ничего, королеву мы все любим, но хорошо, чтоб при этом ее власть все же имела какие-то разумные границы, а не то выйдет безобразие. Впрочем, Толкиен при этом предпочитает не выходить за рамки средневекового быта и общественных отношений...

Урсула Ле Гуин гораздо радикальнее в вопросе о власти. Власть, господство одного человека над другим ею отрицается в принципе. Здесь уместно вспомнить, что даосы, к которым она апеллирует, полагали, что никакого государства вообще создавать не нужно, достаточно, чтоб люди оставались жить в небольших аграрных общинах с патриархальным бытом, уравнительной системой землепользования и самоуправлением. Даос, став правителем (ваном), должен был сломать государственные печати, отменить все действующие законы, ликвидировать войско, суды и бюрократический аппарат, покинуть царский дворец, заняться каким-нибудь полезным делом, например, хлебопашеством и ПРЕДОСТАВИТЬ ВЕЩИ И ЛЮДЕЙ ИХ ЕСТЕСТВЕННОСТИ, иначе говоря, позволить им самостоятельно развиваться. Он должен был вмешаться в ситуацию только в том случае, если мировая гармония разрушалась, например, если кто-то начинал создавать государство или вводить регламентацию общественного быта, или возникала резкая поляризация бедности и богатства или творилась какая-то иная, совсем уже выходящая из ряда вон несправедливость. Как вмешаться? Гед восстанавливает гармонию магией, реальные даосы организовывали восстания крестьянских общин...

Справедливости ради отметим, что подробности социального устройства Земноморья Урсулой Ле Гуин опускаются (они встречаются в изобилии в других произведениях писательницы), а в последней части трилогии появляется король. Однако подлинной силой в этом мире обладают маги, которые не господствуют над миром и людьми, а ,скорее, используют свою силу в прямо противоположных целях: хранят мир и людей от господства.

Подведем некоторые итоги. Мы согласны с Константином Крыловым в том, что притягательность магических утопий основана на явной или скрытой симпатии людей к миру, где органика человеческих и иных отношений господствует над механикой, а не наоборот, где люди более независимы и обладают, в силу одного этого обстоятельства, большей самостоятельностью, большими возможностями для творчества и саморазвития, где присутствует и воплощена в жизнь в виде “магии” мечта о творческом и неотчужденном труде. Мы также считаем, что мир магической утопии, где люди дышат чистым воздухом и наслаждаются красотами мировой игры, является для многих чем-то вроде несбывшейся мечты или утраченного рая. Однако, мы не находим в указанных утопиях ничего похожего на мысль о тотальном господстве человека над человеком и природой. Нам кажется, что автор статьи в данном случае выдает желаемое за действительное. Почему? Невозможно влезть в чужую шкуру, понять побуждения другого человека. Рискнем предположить одну вещь. Возможно, все дело в том, что, мечтая вырваться за пределы своего времени, своей эпохи, Константин Крылов, как и все мы, обречен все же оставаться сыном своей эпохи. И отсюда абсурдная мечта о власти над природой, которая выдается за что-то очень древнее и, якобы, присущее человеку, как таковому. С другой стороны, мы можем даже понять зависть Константина Крылова к тому средневековому помещику или феодалу (потому что быть менеджером или современным политиком и в самом деле скучно и противно), но... феодалов не бывает без крепостных или зависимых от произвола людей.

***

В современном мире есть помимо природных, еще и другие внешние обстоятельства и законы, господствующие над человеком. Это законы рынка, маркетинга, зрелищного манипулирования, законы бюрократии, техники, словом, законы искусственного мира, созданного человеком, мира, который становится все сложнее и страшнее. Возрастающая сложность современной цивилизации все больше превращает ее в некий “черный ящик”, в мегамашину, в которой развиваются какие-то непонятные и угрожающие процессы. И они, эти процессы, разрушают пространство нашей индивидуальной свободы, во всяком случае, невероятно сужают его. Поэтому развитие нашей индивидуальной свободы и ответственности, нашего творческого жизненного потенциала, невозможны без преодоления всевластия искусственных систем, созданных самими людьми.

Современный человек сам уже не замечает, что превратился в “наличный ресурс для работы индустрии” (Хайдеггер). Интересно, что именно даосы, к мыслям которых постоянно обращается Урсула Ле Гуин, начали разговор о сущности техники. В знаменитой притче Чжуан Цзы о деревянном журавле (механической водочерпалке) говорится, что разум и сердце становятся механическими, когда захватываются механическим (техническим) действием. Это почти дословно совпадает с критикой техники, данной Хайдеггером, а именно - с утверждением, что техника не нейтральна к человеку, ибо раз техника открыта воздействию человека, то и человек открыт для сущности техники, захвачен и охвачен ее воздействием.

Кроме того, существует разница между, например, Волгой, которая воспринималась многими поколениями крестьян, как источник жизни и Волгой, как потоком воды, включенным в систему работы электростанций и промышленных предприятий, иначе говоря, средством производства энергии и стоком для отходов промышленности. В последнем случае, река из источника жизни превращается в деталь огромной машины и подчиняется законам индустриального производства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Однако мир - не бензоколонка и не электростанция, а человек - не гомункулус из пробирки. Человек, как таковой, сформировался в условиях определенного миропорядка. Он ест плоды определенных сортов, а не какие-то другие, ходит по земле, а не по воде, живет под небом, которое дает ему необходимые свет и тепло. Можно, конечно, накормить человека помидорами с внедренными в них генами медузы и вызвать у него, таким образом, неизвестные болезни. Можно спровоцировать развитием индустрии парниковый эффект и залить землю водой из растопленных полярных шапок, можно, разрушив озоновый слой, способствовать тому, чтобы с неба на нас полилась смертельная радиация. Но тогда некому будет рассуждать о преимуществах и недостатках первой и второй природы.

Мы не призываем здесь к отказу от техники и научно-технического мышления, по крайней мере, к тотальному отказу. Эти вещи присутствуют и, видимо, необходимы в той или иной степени человеку, наряду с другими. Только все время забывают это “НАРЯДУ”. “Камень наваливается всем своим весом, возвещая о своей тяжести. Но если мы попытаемся расколоть скалу, она в своих осколках не явит нам своего нутра...

расколотый камень ... вернется в громадность своего тяжелого возлежания и в прежнюю плотность отдельных своих кусков. А если мы попытаемся схватить и постигнуть его иным путем и, например, положим камень на весы, то этим мы только исчислим его вес. И такое, возможно, очень точное определение камня останется числом, тогда как тяжесть его возлежания уже ускользнула от нас. Краска вспыхивает и исчерпывается своим свечением. А если мы начнем рассудительно измерять ее и разложим на число колебаний, она уже исчезла для нас. Она является нам лишь постольку, поскольку остается нерастворенной и неизъяснимой... Земля такова, что всякую настойчивость исчисления она обращает в разрушение. Как бы не кичилась разрушительная настойчивость своей видимостью власти, видимостью развития и прогресса в облике научно-технического опредмечивания природы, эти власть и господство навеки останутся бессилием желаний" (М.Хайдеггер, "Исток художественного творения").

ЗА СОВЕТЫ БЕЗ КОММУНИСТОВ. АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Михаил Магид

Кризис большевизма и военного коммунизма

В восстании против коалиции правых социалистов и буржуазных группировок во главе с Керенским в октябре 1917 г. участвовали различные группы - не только большевики, но также левые эсеры, максималисты и анархисты. Однако, сразу после победы валявшаяся на улице власть была подобрана и монополизирована радикальными социал-демократами - большевистской партией.

Весной-летом 1918 г. большевистской власти удалось нанести решающий удар по своим противникам слева - народным движениям за самоуправление и леворадикальным течениям. Промышленность была огосударствлена. Развитая система потребительских кооперативов, которая охватывала миллионы людей и в значительной мере организовывала обмен между городом и деревней, была разбита и заменена государственными органами, а те оказались совершенно не в состоянии справиться с этой задачей. Централистский государственный аппарат не мог удовлетворить даже самые элементарные потребности населения; он вверг страну в почти непрекращающийся кризис снабжения и открыл двери спекуляции и коррупции.

Когда весной 1918 года группа немецкой буржуазии попробовала завязать торговые отношения с "Советской" Россией, они попросили представителей Совнаркома поподробнее рассказать о принципах советской экономической политики и после получения соответствующей информации сказали: "Знаете, то, что у вас проектируется, проводится и у нас. Это вы называете "коммунизмом", а у нас это называется государственным контролем". Той же весной Ленин призывал: "учиться государственному капитализму у немцев, всеми силами перенимать его, не жалея диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства".

Однако, осуществление на практике немецкого варианта "военно-государственного монополистического капитализма", прикрытого большевистским "коммунистическим" флером, столкнулось с большими трудностями.

Массированное ограбление крестьянства в ходе так называемой "продразверстки", когда отряды большевизированных рабочих и матросов отбирали у крестьян продовольствие, не привело к улучшению условий жизни в городах – изъятое грабежом продовольствие попадало в руки чиновников – всевозможных комиссаров и уполномоченных – и, либо гнило на складах, либо сбывалось ими втридорога, через спекулянтов. Под крылом могущественной ЧК расцвели спекулянты, делившиеся со своими покровителями из спецслужб доходами, и все это на фоне нарастающей нищеты трудового народа (ревизор Наркомата госконтроля Б.Майзель докладывал

Ленину в 1920 г, что органы ВЧК повсюду вступают в соглашения со спекулянтами и что многие обыски и аресты осуществляются ими исключительно в целях наживы – такая большевистская форма рэкета). Управляемая чиновниками промышленность разваливалась, в том числе, вследствие гигантского бюрократизма (об этом писал даже Ленин). Но этими мерами политика большевиков не ограничилась. Вокруг промышленных предприятий, расположенных в сельской местности и в некоторых больших поместьях, стали создаваться совхозы – государственные предприятия под началом бывших помещиков или капиталистов вместе с новыми "коммунистическими" комиссарами, на которых крестьяне вынуждены были вкалывать от зари до зари под дулами винтовок. Фактически, это была новое издание крепостного права.

Большевистская партия, выступившая в 1917г. как "партия революции", стремительно превратилась в "партию порядка", заботясь не о дальнейшем развитии революционной самодеятельности масс, а о привилегиях для своей верхушки. Партия стала оплотом бюрократов и карьеристов. В Москве, к примеру, число рабочих среди членов местных парторганизаций упало до 1/4.

Вопреки расхожему представлению, большевистская политика эпохи гражданской войны (так называемый "военный коммунизм") отнюдь не был системой социального равенства. В его рамках были введены 27 зарплатных категорий, которые находили свое отражение в снабжении продоволь-ствием и иными необходимым для жизни вещами. И это обстоятельство также вызывало недовольство огромной части населения.

"Недисциплинированному" рабочему классу была, по существу, объявлена война. Большевики ввели на производстве систему единоначалия и "милитаризации труда": за "прогул" и плохую работу полагались штрафы. Работники были фактически прикреплены к рабочим местам. Многие бывшие фабриканты вернулись на руководящие посты в промышленности как "специалисты", а руководители производства получили диктаторские полномочия.

Советы, возникавшие когда-то как стихийные органы рабочего самоуправления, были, подобно профсоюзам и фабзавкомам, превращены в часть государственной машины, в "приводные ремни" и проводника воли большевистской партии. Из них были вычищены все оппозиционные элементы. Это вполне соответствовало логике централизованного управления страной, как единой фабрикой. Именно такую "фабричную" логику Ленин отстаивал в своей работе "Государство и Революция", когда он брал за образец социалистического производства... прусскую государственную почту!

Советы – их роль и происхождение

Идея Советов была изначально выдвинута самими рабочими, а не партиями, во время революции 1905 года. Тогда по всей стране было избрано множество стачечных комитетов, которыми руководили (в отличие от некоторых современных стачек) не оплачиваемые функционеры-чинуши из ФНПР или парткомычи из КПРФ, а делегаты общих собраний трудовых коллективов. Стачкомы, получившие название СОВЕТЫ, не ограничивались, однако, забастовками, но стремились взять под контроль управление общественной жизнью российских городов. Все партии в то время, включая и большевиков, отнеслись к этой идее более чем прохладно. Ведь партийцы, считающие себя "авангардом", руководящей и направляющей силой общества, всегда презирают рабочих и крестьян, считая их быдлом, не способным к самостоятельной защите своих прав. А потому, партийцы всех мастей никогда не доверяли собственно массовым самостоятельным инициативам пролетариата. Но, поскольку идея Советов приобрела огромную популярность среди рабочих, партии попытались перехватить инициативу и возглавить Советы, то есть захватить советское движение изнутри.

Основой системы Советов изначально было делегирование, императивный мандат, выдававшийся собранием трудового коллектива или сельской общины делегату. И именно поэтому, партийный принцип вообще противоречит аутентично-советскому принципу (и в этом была слабость русской революции, ее двойственность). Во всяком случае, делегат Совета должен быть подотчетен, прежде всего, избравшему его суверенному общему собранию и обязан действовать в жестких рамках наказа общего собрания, которое его может отозвать в любой момент, в случае невыполнения наказа. Однако ни большевики, ни все прочие партии, за исключением левых эсеров, никогда не считали Советы самостоятельной структурой и никогда не признавали за трудовым народом право на управление самим собой. Первое радикальное нарушение права отзыва и делегирования, совершенное партией большевиков, датируется январем 1918 года. Большевики запретили отзыв делегатов Советов рабочими питерских заводов из Петросовета, так как влияние их партии в городе стало падать. В дальнейшем подобная политика приобрела всеобщий характер. Вот как, например, описывает ситуацию в Туле в 1918 году один из местных большевистских руководителей Копылов: "После перехода власти к Совету начинается крутой перелом в настроении рабочих.

большевистские депутаты начинают отзываться один за другим, и вскоре общее положение приняло довольно безотрадный вид... Пришлось приостановить перевыборы, где они состоялись не в нашу пользу". В процессе увольнения пришлого, неквалифицированного элемента "на заводах сложилось прочное кулацко-контрреволюционное ядро" - так Копылов характеризует кадровых, высококвалифициро-ванных тульских рабочих-металлистов.

Другие партии, эсеры и меньшевики, тоже занимались подобными вещами, достаточно почитать записки о революции Суханова или любые другие источники. Политика эсеровско-меньшевистского большинства в Петросовете летом-осенью 1917 года не может быть охарактеризована иначе, как сплошная череда грязных трюков и манипуляций. Интересную позицию занимали, в ходе революции 1917-1921 гг. эсеры-максималисты (Союз Социалистов-Революционеров Максималистов – ССРМ - никогда не считал себя партией). Фактически, они были единственной леворадикальной группой, поддержавшей идею беспартийных рабочих собраний, весной 1918 года – Собраний Уполномоченных, хотя ненавидели эсеров и меньшевиков, имевших влияние в СУ. При этом они настаивали на том, что принцип выборности в СУ должен быть территориально-производственным, а не партийным, и что кем бы ни был делегат, он должен был бы отчитываться прежде всего перед коллективом, его избравшим, а не перед партией. Поэтому максималисты были сторонниками постоянного функционирования съездов Советов (а не роспуска их, с заменой исполкомами Советов), активизации фабричного самоуправления, сельского коммунитаризма и т.д. Но влияние антивождистских и антипартийных социально-революционных групп было невелико, большинство же работников долгое время не осознавало всю губительность сложившейся ситуации и хотя люди пытались наладить советскую систему самоуправления, они продолжали доверять партиям, которые бессовестно их обманывали. Этот обман окончательно стал ясен большинству крестьян и работников только к 1921 году, когда страна уже была истощена гражданской войной. К этому моменту большинство трудящихся осознало, что большевикам нечего предложить стране, кроме голода, лжи и репрессий.

Следует отметить, что идея свободных от партий Советов (то есть, подлинных Советов), первоначально выдвинутая заводскими рабочими еще в 1905 году, в 1917-1918 гг. стала весьма популярна среди крестьян. Более того, в большевистских источниках с 1919 года отмечается, что эта идея становилась все более популярной среди крестьянства, несмотря на растущую антипатию к большевикам. В советах общинное крестьянство увидело близкую к идеалу форму самоуправления, орган управления, основанный на делегировании ему полномочий сельским сходом и отчетный, прежде всего, перед ним, а не перед центральным правительством или парламентом.

Третья революция

Рабочие и крестьяне и представители трудовой интеллигенции сопротивлялись большевистскому государственному капитализму, хотя их выступления жестоко подавлялись вооруженной силой и тайной полицией ЧК в рамках политики "красного террора". Анархисты, эсеры-максималисты и левые эсеры-активисты ответили вооруженным сопротивлением на разгоны и перетасовку Советов, конфискацию социализированных домов в городах, разгром сельских коммун, удушение автономного рабочего движения. Так, в сентябре 1919 года объединенному отряду анархистов подполья и левых эсеров удалось уничтожить здание московского комитета большевистской партии, где были убиты или ранены многие большевистские чиновники.

В стране разгоралось пламя крестьянских войн. В 1918 году имели место большие крестьянские восстания в Курской, Рязанской и ряде других губерний. В марте 1919 года против большевиков восстали крестьяне Поволжья. Осенью 20-го года прокатилась волна крестьянских мятежей по Западной Сибири ("Роговщина", "Народная Повстанческая Армия" на Алтае, Вьюнско-Колыванский мятеж и т.д.), где также подавляющее большинство участников высказалось за создание свободных советов. Разгоралось пламя махновщины – анархистского движения украинского крестьянства. В Тамбовской губернии развертывалось повстанческое крестьянское движение, во главе с талантливым, но весьма авторитарным полевым командиром Антоновым. Наконец, в феврале 1921 г. началось знаменитое Западносибирское восстание со 100-тысячной крестьянской армией. Почти повсеместно крестьяне выдвигали лозунги свободных советов и кооперации, повсюду создавались вольные крестьянские профсоюзы (Союзы Трудового Крестьянства - СТК). Большевики отмечали в своих документах, что постепенно росла способность крупнейшего трудового класса – крестьянства к самоорганизации, идея Советов постепенно приобретала для крестьян все большее значение, в то время как антипатии к партии большевиков росли.

Когда в общине или коммуне ликвидируют наемный труд, когда кооператив заменяет торговлю прямыми коллективными договорами между производителями, это нормально, с точки зрения

самоуправляемого социалистического развития, ибо это является непосредственным шагом к созданию либертарного общества, основанного на возможности людей управлять своей жизнью индивидуально, в тех вопросах, которые касаются только их личности, и коллективно и солидарно с другими людьми, в тех вопросах, которые касаются общества. Однако, большевистская политика, вводившая госкапитализм, привела к тому, что у крестьянина забирали продукцию, разрушали его кооператив, заменяли кооперацию централизованным госраспределением и еще практически ничего не давали взамен, обрекая его на смерть. Полученные в обмен на изъятое продовольствие расписки на получение товаров городской промышленности (фактически - деньги), давали крестьянину мизерную компенсацию, к тому же их почти невозможно было реализовать. Запретить крестьянину продавать продукцию в условиях капитализма, значило обречь его на смерть, как если бы запретить рабочему продавать труд (обрекая его на безработицу и голод) или как если бы позволить ему продавать труд только одному монополисту - государству. В этих условиях требования свободного обмена произведенной продукцией или свободной торговли, выдвигавшиеся восставшими крестьянами, означали право самостоятельно распоряжаться результатами своего труда и противостоять самой зверской государственно-капиталистической эксплуатации.

Вокруг требований свободной торговли в годы революции, существует обычно некоторая путаница. Марксисты-ленинцы заявляют, что само по себе это требование является буржуазным. Сочувствующие правым историки-рыночники говорят то же самое. Однако, важно отметить, что требования свободной торговли в условиях военного коммунизма были не более буржуазными, чем, скажем, требования рабочих поднять им зарплату. Подобно тому, как труженик города - наемный рабочий или служащий – всегда вел борьбу за повышение зарплаты и улучшение условий труда (то есть пытался продать свою рабочую силу подороже, заставив предпринимателя или государство, владевшее фабрикой, раскошелиться на прибавку к жалованию или на улучшение условий труда), так и самостоятельный труженик деревни (а к таковым относилось в то время подавляющее большинство крестьян), связанный с себе подобными общинным или кооперативным самоуправлением и не использующий ни наемную рабочую силу, ни процентную эксплуатацию, вел борьбу за право самостоятельно реализовывать произведенную им продукцию (так как не мог быть удовлетворен ничтожной компенсацией, предоставляемой ему государством), без чего он не имел физической возможности выжить. Сами по себе эти требования трудящихся не выходили за рамки капиталистической системы, но, подобно тому, как в борьбе работников промышленности создавались самоуправляемые профсоюзы и фабзавкомы, в ходе борьбы крестьянства формировались новые социальные движения – СТК и вольные советы. Более того. В сочетании с кооперацией и коммунитаризмом в деревне и с социализированными фабриками в городах, они могли бы (подобно фабзавкомам или профсоюзам) со временем стать основой некапиталистического способа производства – общественной формации,

основанной не на производстве товара, а на удовлетворении потребностей общества, формулируемых и реализуемых через систему самоуправления. Интересно, что даже близкое к правым эсером антоновское движение (едва ли не единственное из всех крупных крестьянских восстаний, поднявшее лозунг демократического парламента - Учредительного собрания) требовало "свободы торговли через кооперацию", иначе говоря, крестьянские движения были заинтересованы в свободном распоряжении произведенной продукцией ПО СОГЛАСОВАНИЮ С ОРГАНАМИ САМОУПРАВЛЕНИЯ И ЧЕРЕЗ НИХ. Показательно, что и СТК рассматривались крестьянами не только как политические и профсоюзные структуры, но и как организации, предназначенные для "организации справедливого обмена продукцией между городом и деревней" (см. "Русская деревня глазами ОГПУ 1923-1929 гг."). То есть крестьяне не были сторонниками "свободного рынка", а скорее выступали за иные, более гармоничные формы распределения.

Кооперация, институты которой активно развивались в дореволюционный период, была формой обмена и производства, которая защищала общинное трудовое крестьянство от спекуляций и процентной кабалы, от атомистического буржуазного разложения и конкуренции. Самостоятельные труженики деревни, связанные между собой общинными отношениями, в основе которых лежали уравнительные переделы земли, общие сельские сходы, принимавшие ответственные решения, представления о равенстве и о том, что земля ничья и принадлежит всем, как воздух, а право пользования ею дает только труд, еще до революции сумели создать разветвленную систему потребительской, торгово-закупочной, кредитной или производственной кооперации. Огромные кооперативные союзы действовали до 1918 года и в городах. Конечно, в условиях рыночной, товарно-ориентированной и государственнической общественной системы, кооперативы не могли быть полностью самоуправляемыми объединениями. В их рамках неизбежно возникало разделение труда между менеджментом (аппаратом центральных кооперативных учреждений) и рядовыми участниками движения на местах, кроме того, работа в условиях рынка неизбежно развивала в людях дух потреби-тельства, рвачества и конкуренции. В этом смысле природа кооперации была двойственной. Но базисные кооперативы, контролируемые на местах их общими собраниями, могли бы стать, в условиях успешного социально-революционного процесса в деревне и в городе, экономической основой либертарной общественной системы (подобно тому, как сельсоветы, контролируемые сельским сходом, и рабочие Советы в городах могли бы стать ее политической основой).

В ходе развития повстанческих антибольшевистских движений появился новый лозунг: лозунг "третьей революции". Теперь народу предстояло смести "комиссародержавие" - большевиков, которые, как прежде силы Временного правительства, превратились в помеху на пути углубления и дальнейшего развития революции.

Третьей революции суждено (и, увы, не суждено) было стать завершающим этапом того великого народного движения, которое началось в России в феврале 1917 года, а может и еще раньше, во время рабочих и крестьянских выступлений в 1905 году. Эту революцию можно охарактеризовать как революцию всеобщего самоуправления, за передачу реального управления из рук самодержавия и партийных бюрократий непосредственно в руки самих работников: рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, то есть всех тех, кто зарабатывал себе на жизнь собственным трудом и не присваивал себе результаты чужого труда. Это предстояло сделать через различные формы самоуправления. Таковыми формами были Советы и фабзавкомы, созданные городскими рабочими и общинным крестьянством, производственные и потребительские кооперативы, Союзы Трудового Крестьянства. Одни группы сторонников Третьей революции, подобно анархо-коммунистам, делали ставку, прежде всего, на крестьянские коммуны в деревне (их было создано по всей стране великое множество, особенно в Саратовской и Самарской губерниях) и фабзавкомы на городских предприятиях. Другие, например левые эсеры, считали, что будущий самоуправляющийся социалистический строй будет основан на Советах, независимых профсоюзах и кооперативах. Левые эсеры разработали проект синдикально-кооперативной федерации, в рамках которой предполагалось, что профсоюзы возьмут на себя управление промышленностью, а через потребительские кооперативы будет осуществляться распределение произведенной продукции, и таким образом экономическая система будет планировать свое развитие, исходя из реальных потребностей людей, сформулированный и согласованных общими собраниями потребкооперативов. С другой стороны, они указывали на исключительную роль Советов, которым, по мнению ПЛСР, надлежало осуществлять политическое управление страной, развивать и организовывать территориальную (коммунальную) инфраструктуру и осуществлять оборонные функции. Отсюда левоэсеровская формула "Трудовой республики Советов", в основе которой будет лежать "комбинированный строй Советов, профессиональных и кооперативных союзов". Промежуточную позицию занимали максималисты, с одной стороны делавшие ставку на сельский коммунитаризм, а с другой - опиравшиеся на идею вольных беспартийных Советов. Однако, все эти группы высказывали лишь свое частное мнение, окончательное же слово оставалось за самим

трудовым народом. Скорее всего, жизнь не отвергла бы ни одну из созданных самими людьми форм самоуправления, но (в случае успеха Третьей революции) утвердила бы общественный строй, связанные с их синтезом и гармоничным сосуществованием и взаимодействием.

Антибольшевистское повстанчество было основной силой, которая потенциально могла бы воплотить в жизнь идеи Третьей революции, разрушив большевистское государство. Прежде всего, речь идет, конечно, о повстанческом крестьянском движении, хотя имели место и рабочие восстания. Однако именно крестьянское движение было наиболее массовым и, видимо, наименее контролируемым политическими партиями. Важно отметить, что никакого "крестьянского сепаратизма" Третья революция не знала – крестьяне-повстанцы не были настроены против городов вообще, а напротив обычно подчеркивали в своих лозунгах, что освобождение может быть только всеобщим. Иначе и не могло быть, ведь русская деревня в начале века была теснейшим образом связана с работой городской промышленности, получала от нее сельскохозяйственные машины, инструменты, текстильные изделия, давала в обмен продовольствие. В условиях развитого обмена между городом и деревней и постепенного технического развития последней (в рамках кредитной кооперации крестьяне в складчину приобретали сложные машины и эксплуатировали их совместно – эта форма кооперации охватывала миллионы хозяйств и использовала наиболее передовые технологии) не могло быть и речи о реальном противопоставлении деревни и города. Более того: эпицентрами восстаний часто становились большие села, где имелись развитые связи с городом и элементы промышленности – фактически, небольшие города. К таким полугородам относилось Гуляй-Поле (6 тысяч жителей), Колывань (10 тысяч жителей), большие поволжские или западно-сибирские села, крупнейшие сельские общины в Тамбовской губернии. Конечно, все это вовсе не означает, что повстанческое антибольшевистское движение было совершенно свободно от партийных или авторитарных иллюзий, от конформизма и местечковости. Если бы это было так, оно бы не потерпело поражение.

Мы можем сегодня лишь повторить мысль анархиста Аршинова, заметившего, что всякое массовое общественное движение, возникшее в условиях капитализма, не может быть чисто либертарным (анархо-коммунистическим). Но заметим от себя, оно может вдохновляться изначально здоровыми импульсами и нести в себе элементы либертарного общественного устройства и мышления – семена, из которых, со временем, в случае успеха, могут вырасти многоцветные сады.

В этой статье мы не будем говорить о махновщине, так как эта тема достаточно подробно освещена в современной литературе, а мы надеемся коснуться ее в будущем. Речь пойдет главным образом о наиболее крупных восстаниях на территории России.

Чапанная Война в Поволжье

Одним из наиболее ярких проявлений стремления трудящихся масс к советскому самоуправления и свободе, стала Чапанная Война в Поволжье. Антибольшевистское восстание, известное под именем "Чапанная Война" (от крестьянской одежды "чапан" - кафтан) началось в Среднем Поволжье, в Самарской и Симбирской губерниях 2-3 марта 1919-го года. В нем приняло участие, по данным доклада председателя спецкомиссии по расследованию причин восстания, видного большевика П.Г. Смидовича, до 150.000 бойцов, и оно быстро охватило территорию с общим населением более миллиона человек. Вероятно, это было крупнейшее крестьянское восстание в истории России и одно из самых крупных в мировой истории. К сожалению, повстанцы имели на вооружении только несколько сотен ружей и несколько пулеметов, подавляющее большинство вооружено было только топорами или самодельными пиками. Поэтому, как отмечалось в отчете комиссии, несмотря на "численный перевес, централизованность и большую организованность всего движения", оно было обречено на поражение. Тем не менее восставшие сумели установить свой контроль над большой территорией и взять Ставрополь.

Это восстание, как и многие другие, имело два основных источника. Первый- это крестьянская община: архаическая форма самоуправления и регулирования общественной жизни. Вследствие капиталистического развития и более активного вовлечения крестьян в товарную экономику, что сопровождалось и постепенным отказом от самопроизводства, община подверглась разложению, небольшая часть крестьян богатела, превращаясь в сельскую буржуазию, и стала применять различные формы эксплуатации (наемный труд, ростовщичество), другая часть наоборот, превратилась в бедняков, некоторые из которых вынуждены были стать батраками. Однако большинство крестьян (60-80%) оставались самостоятельными производителями, с собственным индивидуальным хозяйством. Это срединное крестьянство, более других связанное с общинными устоями, активно сопротивлялось как буржуазному развитию и разложению (с помощью кооперативов, бывших альтернативой частно-

собственническому развитию) так и государству (с помощью создания синдикатов - Союзов Трудового Крестьянства). Именно срединное крестьянство стало основной движущей силой и ядром антибольшевистского повстанческого движения.

Второй источник и движущая сила восстания - Союзы Трудового Крестьянства – политические и экономические организации крестьян, созданные еще во время революции 1905-1907 годов базисным крестьянским движением. Сложно определить эти союзы как исключительно политизированные структуры или как исключительно профсоюзы, озабоченные борьбой за улучшение материального положения людей, или как аналоги кооперативов по реализации и обмену продукцией с городом. Скорее всего, они были и тем, и другим, и третьим, чем-то в духе революционного синдикализма. Попытки создания и развития СТК предпринимались и в ходе революции 1917-1921 гг. и даже позднее, в 20-е годы (в 1927 году только органами ОГПУ было зафиксировано 2000 случаев агитации и попыток создания СТК). Важно отметить, что СТК никогда не контролировались ни одной политической партией, хотя в них активно работали различные группы левых и правых социалистов-революционеров..

Следует добавить также, что в 1918 году Самарская губерния была зоной активных действий максималистов. В деревнях здесь в тот момент активно росло и развивалось коммунарское крестьянское движение. Возможно это обстоятельство также оказало определенное влияние на повстанческое движение, но это нуждается в дополнительном изучении.

Конечно, крестьяне Поволжья имели множество конкретных причин для восстания. Среди них прежде всего стоит отметить Продразверстку - насильственное изъятие большевистскими спецотрядами продовольствия в деревне для нужд города (прежде всего, для нужд военной промышленности- в это время 2/3 всей работающей промышленности обслуживали не интересы трудового населения, а потребности Красной Армии в оружии). Кроме того, среди этих причин - государственное насилие, подавление прав и свобод, превращение Советов в механизмы, целиком подконтрольные коммунистической партии, куда крестьяне более не могли выбирать, кого хотели, красный террор, и также притеснение религии - публичное уничтожение икон. Наконец, Поволжье было в этот момент прифронтовой полосой между красными и белыми, там осуществлялась поголовная мобилизация в Красную армию, которой крестьяне, не желавшие ни красных, ни белых, отчаянно сопротивлялись.

В течение нескольких дней повстанцы сумели создать новую социальную, политическую и военную структуру- это кажется немыслимым сегодня для нас, людей живущих в атомизированном индустриально-капиталистическом обществе. Перво-наперво была сформирована Народно-Крестьянская армия. Во всех деревнях и уездах были созданы ее штабы и другие органы координации. Повстанцы сами выбирали командиров, из числа тех крестьян, которые прошли Первую мировую войну и имели боевой опыт. Были повсеместно переизбраны Советы, из них выкинули зажравшихся комиссаров и избрали делегатов, отчетных перед сельским сходом - общим собранием села. Был избран новый Совет Ставрополя и Исполнительный комитет Совета. Был налажен выпуск новой газеты - "Известия Ставропольского Исполкома". О чем же писали в этой газете повстанцы?

Они писали, что не хотят восстановления дореволюционных капиталистических порядков и не хотят большевистской диктатуры. Единственная цель восстания: прекратить грабительскую продразверстку и защитить Советскую власть от "присосавшихся к ней, под прикрытием коммунизма, паразитов". Восстание, говорилось в Известиях, направлено не против власти Советов, а против "власти тиранов, убийц и грабителей-коммунистов и анархистов и других, которые избивают людей плетьми, убивают их, отбирают последний хлеб и скот, уничтожают иконы." и т.д. Почему в этот ряд попали анархисты? Ответ очевиден- местные анархисты сотрудничали с большевиками и, таким образом, оказались в числе "тиранов". Хороший аргумент для сторонников пресловутого "левого единства"! Что касается влияния политических партий на ход восстания, то имело место влияние левых эсеров - либертарного крыла народнического движения, но оно было незначительным.

Восстание было жестоко подавлено Красной армией и карательными отрядами ЧК в течение марта, тысячи крестьян погибли. Однако Поволжье продолжало оставаться неспокойной территорией. Весной 1920 года восстали крестьяне Уфимской губернии. В "Вилочном восстании" объединившем русские, татарские, башкирские, немецкие и латышские села (в этом районе было много немецких и латышских колонистов) приняло участие до 40 тысяч человек. Однако и это восстание, о вооружении которого достаточно красноречиво говорит его название, было подавлено.

В 1921-1923 годах свыше двух миллионов человек - мужчин, женщин и детей- погибли от голода- следствия продразверстки. Поволжье является зоной рискованного земледелия, здесь раз в несколько лет случается засуха и поэтому крестьяне вынуждены были держать огромные запасы зерна и продовольствия. Большевики отлично это знали. Но для большевиков, вообще не считавших крестьян полноценными людьми, здесь и не было никакой проблемы. Они изъяли все,

что можно было изъять... случился засушливый сезон... и два миллиона человек погибли. Это преступление Ленина и Троцкого стало такой же частью мировой истории, как ГУЛАГ, Освенцим и Хиросима.

Западносибирское восстание

В числе великих народных движений в XX-ом столетии особое место занимает Западно-сибирское восстание 1921 года. Не только по причине огромной численности повстанцев (свыше 100.000 человек) и не только по причине охвата им колоссальных территорий, но, и прежде всего, как яркий пример выработки массовым движением собственной политической и социальной программы ВОПРЕКИ идеям партий, принимавших активное участие в событиях.

Всю осень 1920-го года сибирское большевистское руководство усиленными темпами выкачивало хлеб. В Ишимском уезде, кото-рый стал позднее эпицентром восстания, дошло до того, что у крестьян был отобран весь семенной хлебный фонд, так что, по словам большевизированного "анархиста" Якова Майерса, фактически руководившего в этом уезде разверсткой в декабре 20-го года, хлеба "не осталось даже для обсеменения одной десятины". Этот член американской Федерации Анархистов и ЦК ИРМ – синдикалистского профсоюза - Индустриальные Рабочие Мира, ставший горячим сторонником "единства с большевиками", был одним из самых циничных и жестоких руководителей местного большевистского режима. Вообще продразверстка в Тюменской губернии была тотальной, именно поэтому губерния стала главным очагом восстания. Пассивность крестьян, оказавшаяся лишь затишьем перед бурей, ввела большевистских вождей в заблуждение, они даже отменили (4 декабря) военное положение в Сибири (постановлением сибирского ревкома). Однако, первого февраля 1921 года предсибревкома Смирнов телеграфировал в Москву, что "крестьяне-коммунисты ненадежны, а местами открыто выступают против разверстки". Во главе начавшегося восстания, по его мнению, стоял крестьянский союз, и Смирнов полагал, что "крестьяне-коммунисты могут с ними соединиться". Он не ошибся, крестьяне - коммунисты и не-коммунисты, члены Союзов Трудового Крестьянства, демобилизованные красноармейцы, члены охотничьих артелей и маслодельческих кооперативов, объединились в могучее повстанческое движение, надежно перекрывшее источники сибирского хлеба.

В Сибири формально отсутствовала общинная система. Фактически, однако, важным для существования сельского общества институтом, как показал ход восстания, оставался сельский сход, именно он, как это было и во время Чапанной войны,

организовывал штабы повстанческой армии, переизбирал Советы. Функции взаимопомощи и коллективного пользования орудиями производства взяли на себя, еще в дореволюционное время, кооперативы и артели, ставшие по мнению эсеровских экономистов "суррогатами общины". Так, сибирская маслодельческая кооперация действовала еще в дореволюционное время столь успешно, что практически вытеснила с рынка частных производителей (см. исследования Чаянова).

Идея Советов пустила в Сибири особенно крепкие корни. Огромные богатые сибирские села (иногда в несколько тысяч жителей) были сильно удалены от городов и друг от друга. Хотя они и были зависимы от обмена с городами, все же степень их экономической и социальной самостоятельности была выше, чем где-либо еще. Подобное положение способствовало выработке у крестьян навыков самоорганизации и взаимопомощи. Они меньше других нуждались во власти центрального правитель-ства, так как не видели от него существенной помощи, а только поборы и издевательства, ни в царское, ни в большевистское время, (об этом писали потом, после восстания 1921 года и сами большевики) и потому научились решать многие свои проблемы самостоятельно. По

оценке чекистов, в Советах (без коммунистов) крестьянство Сибири увидело способ децентрализованного управления, что было для него в высшей степени важно (но не полной автаркии, она в этих условиях была невозможна).

В особом положении оказались в условиях продразверстки те, кто жил охотой - члены охотничьих артелей. Обычно они продавали пушнину, либо выменивали ее на хлеб и другие продукты. Однако, в условиях разверстки они полностью лишились такой возможности. Поскольку члены этих артелей обычно не имели собственного хозяйства, они в буквальном смысле слова, остались без хлеба. Если же они пытались приносить из леса дичь, то она конфисковывалась продотрядами, вместе с другим продовольствием. Большевики, впрочем, не учли того обстоятельства, что эти люди были вооружены, а также знали тайгу как свои пять пальцев, то есть являлись идеальным контингентом для партизанской войны.

Таким образом, и в Сибири сложились условия для воплощения в жизнь идей третьей революции, основанных на кооперативном, профсоюзном, артельном и советском самоуправлении. Как и в ходе Чапанной войны, главными лозунгами повстанцев стали: СОВЕТЫ БЕЗ КОММУНИСТОВ, ОТМЕНА РАЗВЕРСТКИ, ПРАВО СВОБОДНО РАСПОРЯЖАТЬСЯ ХЛЕБОМ.

Подобно восстаниям в других районах России, Западносибирское восстание началось, как свидетельствуют документы, с массовых сходов сельских обществ, пытавшихся вернуть захваченный властями хлеб, освободить арестованных. Затем движение приняло характер повстанческого сопротивления. В феврале-апреле 1921 года повстанческие отряды и соединения действовали на огромной территории Западной Сибири, Зауралья и Казахстана. Была сформирована Народно-повстанческая армия (НПА), во главе которой становились обычно местные инициативные люди, имевшие опыт военных действий и пользующиеся доверием у местного населения. Их социальный статус, как отмечают современные исследователи восстания, при этом не играл роли. "Мы не идем против Советской власти крестьян и рабочих, ибо мы вполне убеждены, что Советская власть – действительная власть, стоящая на защите интересов трудового народа. Мы идем против тех коммунистов, которые выгребли у нас хлеб, до последнего зерна... Товарищи крестьяне, присоединяйтесь к восставшим товарищам, формируйтесь в отряды и выступайте против грабителей и поработителей человеческих прав – коммунистов, приведших вас к голоду и разрушивших ваше хозяйство" – говорилось в воззваниях повстанцев. Повсеместно переизбирались местные сельсоветы, которые отныне должны были быть подотчетны сельскому сходу. Сохранились такие вот обращения работников волостного исполкома в новый сельсовет одной из сибирских деревень: "Просим объявить населению вашего общества, что, в виду изменения положения власти, члены Орловского исполкома, служившие раньше, т.е. при власти коммунистов, заслуживают ли доверие граждан остаться в исполкоме. Просьба дать объяснение. Мы, т.е. бывшие работники исполкома, всецело хотим повиноваться власти уважаемого нами народа". В восстании активное участие приняли женщины, в некоторых случаях были созданы женские повстанческие отряды. Были созданы, наряду с новыми сельсоветами, и своеобразные женские органы управления – женские комендатуры, функции которых пока не изучены.

В ночь с 20 на 21 февраля отряды повстанцев заняли Тобольск, где началось формирование региональных структур самоуправления. Уже 27 февраля был избран и начал работу Крестьянский Городской Совет - КГС, в который вошло около 70-ти делегатов. От каждой волости уезда 2 депутата, избираемые волостным съездом, "на который каждое сельское общество данной волости посылает не менее одного представителя на каждые 100 душ населения" (что доказывает, что каждое село воспринималась повстанцами как самостоятельная общественная единица) и от города Тобольск 18 депутатов, по одному от каждого из 18 избирательных районов города (голосование могло быть как тайным, так и открытым). Кроме того, в КГС вошли представители городских профсоюзов. Депутаты могли быть отозваны в любой момент по решению общего собрания пославших их граждан. КГС должен был осуществлять управление жизнью на всей территории, находящейся под контролем повстанцев, ведать административными, финансовыми, законодательными, военными вопросами. Однако власть на местах принадлежала, фактически, местным сельсоветам, отрядам местной самообороны милиционного типа. Интересно, что в отличие от большевиков, повстанцы не отменили, ссылаясь на чрезвычайное положение, а наоборот, ввели свободу слова и печати, свободно действовали профсоюзные, политические, общественные организации. "Коммунисты говорят вам, что восстали не крестьяне с мозолистыми руками, а остатки колчаковской банды, которые хотят возвратить плети и задушить свободу... Не верьте им, крестьяне-братья, – говорилось в воззвании главного штаба НПА к красноармейцам, – Ведь вы сами знаете, что у нас отобрали весь хлеб в первую разверстку. Но и этого показалось коммунистам мало. Они отобрали и весь семенной хлеб и ссыпали по амбарам, где и гноят его. Они остригли шубы у нас и овец, в зимнее время, которые теперь замерзают... Народ.. все терпит и

пухнет с голоду... Мы, крестьяне, хотим, чтоб человек стал человеком, чтобы всем жилось свободно. Мы хотим восстановить рабоче-крестьянскую Советскую власть из честных, любящих свою опозоренную, оплеванную, многострадальную родину. Коммунисты говорят, что Советская власть не может быть без коммунизма (в данном случае под словом "коммунизм" понимается власть партии коммунистов – прим. ред.). Почему? Разве мы не можем выбрать Советы беспартийных, тех, кто были с народом заедино и страдали за него? Что дали нам коммунисты? Они обещали нам чуть ли не райскую жизнь, обещали свободу во всех отношениях, но, взяв в руки власть, они дали нам тюрьмы и казни, они издевались над нами, а мы молча гнули спины. Но ведь всякому терпению бывает конец, и мы, крестьяне, отдавши коммунистам все добытое потом от земли, решили: лучше умереть от пули и штыка коммуниста, чем умирать медленной мучительной голодной смертью или гнить в тюрьме. Братья-красноармейцы, опомнитесь!!! Идите к нам, бейте своих комиссаров и коммунистов, и мы окончим братоубийство, установим свою рабоче-крестьянскую власть, станем у станков, возьмем сохи, бороны и заживем мирным трудом..." Очевидно, что этот документ, вышедший из главного штаба повстанцев, написан простой крестьянской рукой, и в нем провозглашено главное – установление подлинной власти Советов, передача функций управления подконтрольным "сельскому обществу" БЕСПАРТИЙНЫМ советам.

"До сих пор, все-таки коммунисты не хотят понять, - говорилось в другом воззвании главного штаба НПА, - или с умыслом пишут, что восстал не народ, которому невтерпеж стало жить, а будто бы восстали какие-то генералы, офицеры-золотопогонники, меньшевики и эсеры. Они все еще до сих пор скрывают, что восстал весь народ, который они считают серой безответной скотиной. Коммунисты все еще считают, что народ можно только обирать, грабить и расстреливать и что народ не способен встать на защиту своих человеческих прав. Мы, восставший народ, хорошо знаем, за что мы идем и чего мы добиваемся... Мы объединились все воедино: и русские, и татары, и крестьяне, и рабочие, и горожане. Мы все одинаково обижены. И остяки и самоеды с луками и стрелами преследуют общего врага, разбежавшегося по урманам и болотам. Мы добиваемся настоящей Советской власти, а не власти коммунистической, которая до сих пор была под видом Советской. Мы хотим, чтобы свободно дышалось, чтобы... каждый мог выполнять ту работу, какую он хочет, чтобы мог свободно распоряжаться своим имуществом, чтобы никто не имел право отбирать то, что нажито тяжелым трудом, чтобы каждый мог свободно распоря-жаться тем, что он заработал своими трудовыми руками. Мы хотим, чтобы каждый человек верил, во что он хочет: православный по-своему, татарин – по-своему, и чтобы нас всех не заставили силком верить в коммуну... Здесь, в Тобольске мы уже избрали уездный Крестьянско-городской совет... Волости избрали своих уполномоченных без всякого принуждения... выбрали тех людей, которых население знало и которым доверяло. Коммунисты насильно заставляли выбирать коммунистов, которых население не знало, которые грабили это же население. В своих волостях мы переизбрали также новые Советы на новых началах. И когда мы очистим от коммунистов всю губернию, народ выберет губернский совет, а когда наши войска соединятся с остальными партизанами других губерний – выберем сибирский совет..."

Надо отметить, что в этом восстании приняли участие правые эсеры, некоторые из них были избраны в КГС. Однако сторонники демократической республики и Учредительного собрания ничего не смогли сделать с Советами, повернуть лозунги восставших не удалось. Срединное трудовое крестьянство, бывшее опорой и основной движущей силой восстания, твердо этому противодействовало. Эта линия ярко проявилось еще в антибольшевистских восстаниях в Сибири в 20-ом году (например, во Вьюнско-Колыванском восстании), когда попытки монархистов и правых эсеров, участвовавших в восстаниях, поднять парламентские или монархические лозунги, встречали жесткое противодействие основной повстанческой массы. Показательно, что в феврале-мае 1921-го года эсеры в Западной Сибири просто не решались вести агитацию за свой фетиш – "учредилку", в эпицентре восстания. Справедливости ради отметим, что на периферии восстания у отдельных отрядов встречались лозунги в поддержку "учредилки". Но везде, где движение принимало массовый и организованный характер, выдвигались идеи "чистой советской власти". Крестьянство в своей основной массе не желало иметь каких-то нахлебников, управляющих им помимо его собственной воли, отвергало органически чуждые ему и бесполезные институты демократического парламентаризма. Это и было проявлением способности людей мыслить самостоятельно. Конечно, в реальной жизни на нас всегда влияют какие-то внешние факторы и это нормально. Ненормально, когда мы отказываемся думать самостоятельно и слепо доверяем лозунгам, выдвинутым НЕ НАМИ.

В целом, нельзя сказать, что все действия и лозунги повстанцев были либертарны. В частности, слишком большие функции пытался взять на себя КГС, проводились мобилизации в НПА. В восстании были и антисемитские лозунги, хотя они не доминировали в движении. В газете повстанцев, выходившей в Тобольске, нередко публиковали

свои статьи правые эсеры, где они могли, например, призывать к "восстановлению частной промышленности в городах".

Впрочем, в реальности, вряд ли повстанцы в считанные дни смогли бы собрать стотысячную армию, не будь на то согласия сельских обществ, а кроме того, часть повстанческих соединений комплектовалась на чисто добровольческой милиционной и территориальной основе и действовала исключительно вблизи от своих сел. Попытки же проводить мобилизацию в селах, не желавших ее, неизбежно и быстро проваливались, насильственно мобилизованные крестьяне разбегались по домам в течение нескольких дней (см. "За Советы без коммунистов", 2000 г, Новосибирск). Что до антисемитизма, которого в полной мере не избежала ни одна из массовых организаций времен гражданской войны (включая, отнюдь не в последнюю очередь, большевистскую Красную армию, ответственную за десятки кровавых погромов на Украине, в Южной России и в Польше), то КГС выпустил специальные воззвания, направленные против "черносотенной пропаганды, разжигаемой купечеством". Небольшая еврейская община Тобольска не подвергалась в дни восстания ни погромам, ни гонениям, во всяком случае, даже большевики (преувеличивавшие значение антисемитизма в рядах повстанцев) не приводят в своих документах никаких фактических свидетельств обратного. Что же касается влияния партии эсеров, с ее идеями частной промышленности и "учредиловки", на ход восстания, то не стоит его переоценивать, как это было показано выше. Вообще, по мнению современных исследователей (Шишкин, Третьяков), восстание носило преимущественно стихийный характер и в целом не контролировалось ни одной политической партией. Можно отметить, что движение имело мощный самоуправленческий потенциал, который мог бы быть реализован в случае успеха восстания.

Однако, третья революция в Сибири потерпела поражение. Хотя здесь крестьяне-повстанцы были вооружены значительно лучше, чем в ходе Чапанной войны, они сильно уступали правительственным большевистским войскам в вооружении. Кроме того, введение НЭПа привело большинство крестьянства к мысли о компромиссе с большевистской властью, и хотя вооруженное сопротивление в Западной Сибири продолжалось до начала 1922 года, основные силы повстанцев были рассеяны весной-летом 21-го.

Антибольшевистское рабочее движение

Стихийные рабочие стачки и бунты с требованием улучшения продовольственного снабжения начались уже зимой 1918 г. Летом 1918 года поднялось рабочее движение, организованное "параллельными Советами", так называемыми Собраниями Уполномоченных (СУ) и "беспартийными рабочими конференциями", созданными самими рабочими, которые уже не видели смысла участвовать в выборах в официальные, большевизированные Советы. Оно охватило Питер, Москву, Тулу, Харьков, ряд других промышленных районов. Хотя в этом движении играли ведущую роль правые эсеры и меньшевики, оно, все же, несло в себе освободительный потенциал, связанный с рабочей самоорганизацией. Движение было раздавлено большевистским государством с помощью массовых арестов активистов летом 18-го года. При этом, правда, крупное рабочее восстание вспыхнуло в городах Ижевск и Воткинск. Но здесь, хотя большинство рабочих выступило за вольные Советы, правые эсеры и меньшевики постепенно сумели взять на себя руководство движением, создали правительство Прикамья. Осенью 1918 года движение потерпело поражение от большевиков.

Вторая волна рабочего движения поднялась весной 1919 года. Всеобщая забастовка потрясла Питер в марте 1919-го, накануне VIII-го съезда РКП(б). Прекратил работу десятитысячный коллектив Путиловского завода, который, под влиянием левоэсеровской агитации поднял лозунг свободных Советов, потребовал свободы слова, печати и собраний, ликвидации ЧК и объявил большевиков "предателями революции". Забастовки под аналогичными лозунгами прошли и в Москве.

Пока значительная часть территории страны еще контролировалась открытой "белой" контр-

революцией, большевистская власть еще могла сдерживать народные движения протеста, поскольку воспринималась многими слева от нее как "меньшее зло". Однако, к началу 1921 г. в ходе гражданской войны в России белые были, в основном, разгромлены. Но экономическое положение оставалось катастрофическим; народ голодал. Лишь отчасти в этом была повинна война; но немалая часть вины лежала на деспотической политике правящей большевистской партии. Она превратилась в неограниченную властительницу страны.

Недовольство политикой большевистских вождей охватило и Балтийский флот. Комиссар Зорин сообщал, что только за январь 1921 г. из партии вышли более 5 тысяч матросов. В феврале конференция членов партии Балтфлота вынесла резолюцию, в которой констатировался "отрыв парторганизации от масс" и ее превращение в "бюрократический инструмент, который потерял всякий авторитет в массах..., удушает всякую местную инициативу". Участники конференции потребовали, чтобы партийная организация сменила свои принципы и "коренным образом демократизировалась".

В самой большевистской партии под влиянием тяжелого кризиса появилось оппозиционное течение ("рабочая оппозиция"), участники которого требовали большего самоуправления для рабочих. Большинство, сгруппировавшееся вокруг Ленина и Зиновьева, не исключало возможности, как выразился "красный генерал" Фрунзе, изгнать оппозицию "пулеметами".

Тем временем, рабочий класс был все менее склонен мириться с партийной диктатурой и ее политикой. Петроградские предприятия бурлили. Поднялась очередная, третья волна антибольшевистского рабочего движения. Недовольство было вызвано, в первую очередь, плохим продовольственным положением. В феврале 1921 г. хлебный рацион был сокращен до 1/2 фунта, несмотря на крайне холодную зиму, практически не было топлива. Из-за нехватки топлива некоторые заводы остановились. Петроградский Совет во главе с Зиновьевым постановил временно закрыть их и перевести рабочих на половинный рацион. В то же самое время стало известно, что члены партии на предприятиях получили новые порции одежды и обуви, в то время как остальные должны были по-прежнему ходить в лохмотьях. Такое явное и откровенное неравенство вызвало взрыв негодования. Трудовые коллективы закрываемых предприятий созвали собрание, но оно было запрещено властями. В этих условиях 22 февраля вспыхнула первая стихийная стачка на Трубецкой фабрике. Требования бастующих были вполне умеренными: увеличение продовольственного рациона и распределение имеющегося запаса обуви. Однако Петросовет категорически отказался вести переговоры. Против бастующих были брошены отряды "красных курсантов", которые открыли огонь в воздух. В знак протеста к забастовке присоединились еще 5 фабрик. Планировалась массовая демонстрация, но она была предотвращена конными отрядами красноармейцев.

27 февраля стачка распространилась еще больше, и власти ввели в Петрограде чрезвычайное положение. Сформированный Зиновьевым "Комитет обороны" приказал бастующим немедленно вернуться на работу. Петросовет, вернее орган партийной большевистской власти, носящий это имя, поступил так, как поступают все капиталисты, будь они частными или государственными: он объявил локаут бастующих рабочих, что практически обрекало их на голодную смерть! Однако на следующий день, 28 февраля, стачка продолжала расширяться. К ней примкнул Путиловский завод. Столкнувшись с жесткой реакцией большевистских властей, забастовка стала все больше приобретать политический характер. Появились листовки, критикующие запрет собраний трудовых коллективов, плакаты с требованием прав и свобод, включая свободные выборы в профсоюзы и Советы. Город, как это становится ясно из записки Тухачевского (см. ниже), находился на грани восстания. Тогда Зиновьев заявил, что речь идет о заговоре меньшевиков и эсеров.

Поскольку угрозы уже не помогали, чекисты начали массовые аресты бастующих рабочих. Ожесточение населения все нарастало; власти уже не могли рассчитывать на лояльность петроградского гарнизона и вызвали отборные части из провинции; 1 марта было введено осадное положение, за забастовку полагалась смертная казнь. Тем самым большевистский режим объявил открытую войну рабочему классу Питера. Контрреволюционное подполье пыталось использовать создавшееся положение и выпустило ряд листовок, в том числе антисемитского и погромного характера. Но контрреволюционерам не удалось оказать на бастующих сколько-нибудь заметного влияния.

Бастовавшие рабочие оказались в очень трудном положении: продуктов не было, Питер был окружен войсками и изолирован от остальной страны, и они не могли рассчитывать на поддержку извне, против них была развернута истеричная массовая кампания: их обвиняли в том, что они "контрреволюционеры" и "антиобщественные элементы". И тут на помощь им попытались прийти матросы и рабочие расположенного по соседству Кронштадта.

Кронштадтское восстание

Морская крепость Кронштадт была основана в начале 18-го века Петром I. Она расположена на острове Котлин, в 30 километрах от Петрограда, в Финском заливе. Там расположена главная база российского Балтийского флота. Помимо главного острова с базой, инфраструктурой, арсеналом, доками и укреплениями, к базе относятся еще 20 укрепленных островов. Зимой Финский залив замерзает, лед держится с ноября по апрель. В 1921 г. сам Кронштадт занимал примерно треть острова Котлин. Население состояло из моряков Балтфлота, солдат гарнизона, нескольких тысяч рабочих верфей, офицеров, служащих, ремесленников и т.д. - всего около 50 тысяч человек.

К 1921 г. Кронштадт уже обладал богатой революционной традицией. В октябре 1905 и июле 1906 гг. моряки Балтфлота восставали против царского режима. В 1917 г. Кронштадт был одним из оплотов революции; большевистский лидер Троцкий назвал кронштадтских моряков "гордостью и славой русской революции". В 1917-1918 гг. в городе существовала "Кронштадтская коммуна": революция зашла здесь много дальше, чем в соседнем Петрограде, почти все предприятия были социализированы (а не национализированы), то есть переданы в руки самоуправляемых рабочих ассоциаций и Кронштадского Совета. Вот как описывал тогдашнее положение в Кронштадте М.Брушвит - докладчик на 2-ом съезде партии левых эсеров весной 1918 г.: "У нас социализировано все в Кронштадте, все, что только можно социализировать. У нас частных предприятий нет совершенно, причем эта социализация происходила... при противодействии большевиков. У нас большевики в Совете в меньшинстве, и доходили они до оппозиции, покидали зал заседания... Социализировано у нас все, начиная с социализации домов, земли... Кроме того, забраны все кинематографы. Луначарский пробовал возражать против этого, но ничего не вышло. Взяты торговые предприятия... Часть торговых предприятий еще остается в руках частных лиц, но закупка вся производится Центральным продовольственным комитетом, и уже закупленные ЦПК товары даются для распродажи в частные предприятия, потому что продовольственный комитет не может нанять столько служащих, чтобы продавать из своих лавок. Но частные предприятия должны продавать по твердым ценам, получая в свою пользу 10-15% за все, причем помимо этих лавок ничего в Кронштадте купить нельзя... С осени открыты 44 школы с бесплатным обучением, книжные магазины при школах, в которых обучаются все ребятишки Кронштадта...". Брушвит предлагал распространить Кронштадтский опыт на всю Россию. В Совете ни одна партия не имела большинства; были представлены левые эсеры, максималисты, большевики и анархисты. Но позднее большевики захватили власть в городе, воспользовавшись тем, что наиболее революционные матросы отправились на фронты гражданской войны. На город была распространена обычная государственно-капиталистическая и террористическая практика "военного коммунизма".

28 февраля 1921 г. в Кронштадте распространились слухи о стачках в Петрограде. Взволнованные матросы приняли решение послать в город делегацию, чтобы получить информацию из первых рук. Возвратившись, делегаты выступили с отчетом перед командами кораблей "Петропавловск" и "Севастополь". На собрании команд была принята резолюция протеста и солидарности с бастующими. На следующий день было намечено открытое собрание на Якорной площади. В этом собрании 1 марта приняли участие более 16 тысяч моряков, красноармейцев и рабочих. Они заслушали отчет делегации, вернувшейся из Петрограда. Собравшиеся стали выражать негодование действиями властей против питерских рабочих. Представители режима - председатель ВЦИК Калинин и комиссар флота Кузьмин - заявили, что забастовки в Питере и резолюция моряков "Петропавловска" и "Севастополя" "контрреволюционны". Однако их речи были отвергнуты. Участники высказались за власть Советов, но против большевистской бюрократии. Они одобрили резолюцию, принятую раннее командами двух упомянутых кораблей. В этом документе содержится, собственно говоря, программа-минимум всего кронштадтского выступления. Вот чего требовали моряки:

"1. Поскольку нынешние Советы более не отражают волю рабочих и крестьян, немедленно провести новые, тайные выборы и для избирательной кампании предоставить полную свободу агитации среди рабочих и солдат;

2. Предоставить свободу слова и печати рабочим и крестьянам, а также всем анархистским и лево-социалистическим партиям;

3. Гарантировать свободу собраний и коалиций всем профсоюзам и крестьянским организациям;

4. Созвать надпартийную конференцию рабочих, красноармейцев и матросов Петербурга, Кронштадта и Петербургской губернии, которая должна состояться самое позднее 10 марта 1921 г.;

5. Для проверки дел остальных заключенных тюрем и концлагерей избрать ревизионную комиссию;

6. Ликвидировать все политотделы, поскольку ни одна партия не вправе претендовать на особые привилегии для распространения своих идей или на финансовую помощь для этого со стороны

правительства; вместо этого образовать комиссии по вопросам культуры и воспитания, которые должны быть избраны на местах и финансироваться правительством;

7. Немедленно распустить все заградительные отряды;

8. Установить равные размеры продовольственного рациона для всех работающих, за исключением тех, чей труд особо опасен с медицинской точки зрения;

9. Ликвидировать специальные коммунистические отделы во всех формированиях Красной Армии и коммунистические охранные группы на предприятиях и заменить их, где это необходимо, соединениями, которые должны будут выделяться самой армией, а на предприятиях - образовываться самими рабочими;

10. Предоставить крестьянам полную свободу распоряжаться своей землей, а также право иметь свой скот, при условии, что они обходятся своими собственными средствами, то есть не нанимая рабочую силу;

11. Просить всех солдат, матросов и курсантов поддержать наши требования;

12. Позаботиться о том, чтобы эти решения были распространены в печати;

13. Назначить разъездную контрольную комиссию;

14. Допустить свободу кустарного производства, если оно не основано на эксплуатации чужой рабочей силы".

Как видим, речь идет о программе, в которой нет ничего контрреволюционного или капиталистического. Большинство ее пунктов касается восстановления прав и свобод для трудящихся и замены однопартийной диктатуры строем свободно избранных Советов. Экономические требования не направлены на приватизацию экономики, а оговаривают свободу индивидуальной трудовой деятельности без эксплуатации наемного труда.

Приняв резолюцию, матросы Кронштадта рассчитывали на соглашение с властями. Подобно парижским коммунарам, они допустили ошибку, не двинувшись немедленно на Петроград. Время было упущено. Надежды на миролюбие комиссаров, как и следовало ожидать, оказались беспочвенными. Для большевиков их власть была куда важнее любого социализма!

Большевистские вожди не собирались вступать в переговоры с красным Кронштадтом. Вместо этого они принялись распространять ложь о том, что город и база захвачены "белыми" во главе с генералом Козловским. Все это, разумеется, было чистой демагогией. Никаких белых в Кронштадте не было. Старик Козловский, бывший генерал, был военным специалистом, начальником артиллерии, причем его назначил лично нарком по военным и морским делам Троцкий. Это был самый обычный военспец, каких было очень много в Красной Армии. Никакого влияния на матросов и рабочих он не имел и политикой не занимался. Несколько позже, 15 марта, сам Ленин, выступая на X съезде большевистской партии, признал, что белых в Кронштадте нет. "Там не хотят ни белых, ни нашей власти", - заявил он.

2 марта в Кронштадте состоялось собрание 300 делегатов от населения. Его участники подтвердили резолюции, принятые накануне. Комиссар Кузьмин выступил с наглой речью, угрожая бунтовщикам войной и всяческими карами. Стало известно, что накануне он распорядился тайно вывезти из города все запасы продовольствия и амуниции. Это вызвало такое негодование, что его немедленно арестовали, чтобы не дать ему обречь город на голодную смерть. Но кронштадтцы не были настроены кровожадно: на следующий день его выпустили. Что касается большинства рядовых коммунистов Кронштадта, то они скорее поддержали выступление своих товарищей. Их делегаты на собрании голосовали вместе с остальными. Впоследствии в "Известиях" восставшего Кронштадта были опубликованы письма и заявления сотен коммунистов, заявлявших о своем выходе из обюрократившейся партии, ответившей репрессиями на справедливые требования трудового народа. Те же, кто продолжал считать себя членами компартии, призывали ее к покаянию и к поддержке требований революционного Кронштадта. В ходе последующих событий было временно задержано лишь некоторое число большевистских активистов, которые вели подрывную работу; никто не был расстрелян.

Собрание избрало 30 делегатов для поездки в Петроград для переговоров о мирном окончании забастовок. А большевистские власти уже перешли к репрессиям. В Ораниенбауме чекисты арестовали нескольких матросов из Кронштадта. Возмущенные морские летчики Ораниенбаума единодушно заявили о поддержке Кронштадта и избрали ревком. Однако, опасаясь кровопролития, они отклонили предложение о вооружении. За эту ошибку они дорого заплатили на следующий день.

3 марта кронштадтская делегация, прибывшая в Петроград, была арестована ЧК и брошена в тюрьму. Переговоры были сорваны. Декрет Ленина и Троцкого обвинил кронштадтцев в антисоветском мятеже. Начался сбор элитных частей, которые должны были быть брошены против Кронштадта. В губернии вводилось военное положение. В Ораниенбауме чекисты арестовали делегацию морских летчиков, собиравшихся на переговоры в Кронштадт; позднее в город вошли войска и подавили движение безоружных матросов; 45 человек были расстреляны, их жены и близкие взяты в заложники. Против Кронштадта была размещена артиллерия.

Между тем, кронштадтцы приступили к формированию органа самоуправления и руководст-

ва выступлением. На конференции делегатов от корабельных команд, армейских частей, государственных учреждений, профсоюзов и фабрик 3 марта должен был решаться вопрос о перевыборах в Совет. Но после получения информации о подготовке большевистского нападения на город был избран Временный ревком (ВРК) из 15 человек. В основном, это были матросы и рабочие - только один служащий и один помощник врача. Председателем был избран матрос Петриченко. Среди членов ВРК не было известных активистов какой-либо политической партии.

На следующий день обстановка продолжала

обостряться. В форте Красная Горка (к востоку от Ораниенбаума) вспыхнули волнения; моряки высказались на своих собраниях в поддержку требований Кронштадта. В городок были срочно введены лояльные большевикам войска. В Петрограде вновь оживилось забастовочное движение. Началась стачка на "Цигеле" и на Балтийском заводе. Контролируемый большевиками Петросовет утвердил ультиматум, адресованный Кронштадту и бастующим рабочим. Критиков лишали слова. Тем временем, в Кронштадте налаживалась новая жизнь. ВРК призвал "Революционную тройку бюро профсоюзов" в течении трех дней провести перевыборы руководящих органов всех профсоюзов и избрать Совет профсоюзов, который должен был стать высшим органом рабочих Кронштадта и действовать в постоянном контакте с ВРК.

Столкнувшись с ростом народного движения, большевистские власти решились на видимость уступок. В надежде сбить накал забастовочного движения, 5 марта петроградское руководство согласилось распустить большевистские спецчасти по охране порядка в Петроградской губернии и разрешить некоторым рабочим органам направить делегации в деревни для приобретения продовольствия. Одновременно в Петрограде была развернута настоящая охота за находившимися в городе кронштадтскими матросами: их арестовывали и содержали как заложников. Одновременно был направлен второй ультиматум Кронштадту с требованием капитуляции за подписью председателя РВС Троцкого и главкома Каменева. Троцкий издал также приказ, содержавший знаменитую угрозу в адрес "славы русской революции": "Мы перестреляем вас, как куропаток!". Над Кронштадтом с воздуха разбрасывались листовки с требованием капитуляции, полные беспочвенных обвинений и лжи.

В ответ на большевистские обвинения и ложь, радиостанция Кронштадта распространила 5 марта заявление "Всем, всем, всем", в котором разъяснялись цели выступления. В нем, в частности, говорилось: "Мы свергли у себя коммунистический Совет, и ВРК в ближайшие дни проведет выборы в новый Совет, который, будучи свободно избранным, будет отражать волю всего трудящегося населения и гарнизона, а не маленькой кучки обезумевших коммунистов. Наше дело правое: мы за власть Советов, а не партий, за свободно избранное представительство трудящихся... Вся власть в Кронштадте находится исключительно в руках революционных матросов, красноармейцев и рабочих..."

6 марта власти продолжали лихорадочно стягивать войска и размещать их напротив Кронштадта. Это были спецчасти, многие из которых переводили из весьма отдаленных районов, включая Сибирь. С другой стороны, часть солдат и моряков из Петроградского гарнизона и Ораниенбаума были переведены на Юг, к Черному морю, подальше от бунтующего Кронштадта. Власти ужесточили режим чрезвычайного положения, запретив гражданам выходить на улицу после 7 часов вечера и - под угрозой стрельбы без предупреждения - собираться в количестве более 5 человек. На бастующих фабриках продолжались массовые аресты. В Ораниенбауме ЧК казнила членов местного ВРК. На следующий день, 7 марта большевистская артиллерия открыла огонь по Кронштадту, но восставшим удалось с помощью ответного огня уничтожить батареи Сестрорецка и Лисьего Носа. Позднее обстрел возобновился из Красной Горки, в ответ заговорили пушки боевого корабля "Севастополь".

Военное положение Кронштадта было тяжелым. Гарнизон насчитывал примерно 12-14 тысяч

человек, в том числе 10 тысяч матросов, однако они были разбросаны по многим укрепленным островам. Поскольку Нева и залив замерзли, город и крепость были легко доступны для атаки по льду. Ледоколов в Кронштадте не было, а военные корабли вмерзли в лед и не могли передвигаться. Снабжение города по воде было невозможно, не говоря уже о том, что правительства соседних стран не горели желанием помогать "красному Кронштадту". Большинство укреплений и орудий крепости были обращены не к внутренней стороне залива, а к открытому морю и мало чем могли защитить ее от нападения со стороны берега. Тем не менее, кронштадтцы не теряли надежды. Они рассчитывали на то, что трудовой народ поднимется на защиту преданных большевиками лозунгов 1917 года. К тому же шла весна, лед мог вскоре растаять, и тогда корабли могли направиться на Петроград и решить исход дела в пользу взбунтовавшегося Кронштадта. Это заставляло спешить и большевистскую власть, уже покачнувшуюся под ударами крестьянских восстаний.

8 марта в Москве открылся X съезд большевистской партии. На нем Ленину и Зиновьеву удалось одержать полную победу. Был объявлен запрет фракций. Более 300 делегатов отправились в Петроград, чтобы лично участвовать в подавлении Кронштадта. Среди них было немало членов "рабочей оппозиции", которые пытались таким образом смыть обвинение Ленина в том, что их лозунги близки кронштадтским.

В тот же день правительственные части перешли в наступление на Кронштадт. Большевистские части, замаскированные в белые одежды, с огромными потерями взяли лежащий к северу от Котлина форт N7. За ними стояли чекистские заградительные отряды с пулеметами, готовые стрелять в тех, кто не повинуется приказу о нападении. Однако кронштадтцы нанесли ответный удар и выбили большевистские части. В заявлении ВРК N8, распространенном по радио, указывалось: "Мы не хотели проливать братскую кровь и не сделали ни единого выстрела, пока нас к этому не вынудили. Мы должны были защищать правое дело трудового народа и вынуждены были открыть ответный огонь. Нам пришлось стрелять в наших собственных братьев, которые были посланы на верную смерть коммунистами, обжирающимися за счет народа. А в это самое время их вожди Троцкий, Зиновьев и другие сидели в теплых, освещенных комнатах, в мягких креслах в царских дворцах и обдумывали, как еще быстрее и лучше пролить кровь восставшего Кронштадта".

Воззвания и призывы кронштадтцев возымели свое действие. Часть наступавших перешла на сторону восстания. В последующие дни не раз вспыхивали бунты во время атак на Кронштадт. Так, взбунтовалась, например, вся 79-ая бригада, солдаты которой устроили собрание, чтобы обсудить требования Кронштадта. В 93-ой бригаде проходили дискуссии, отмечалось множество случаев дезертирства и перехода на сторону восставших. Власти увеличили число политкомиссаров; командование учредило специальные суды, расстреливавшие непокорных. Политкомиссар Угланов в докладе вынужден был признать: "Мы вынуждены были отойти и отказаться от дальнейших атак, потому что части находились в состоянии сильной деморализации. Армия не в состоянии повторить нападение на форты... Боевая мораль курсантов очень плоха. Преобладают следующая позиция: они требуют информации о целях кронштадтцев и хотят послать делегатов к восставшим, чтобы вступить с ними в переговоры".

В бессильной ярости большевистское командование распорядилось бомбить Кронштадт с воздуха. Начались беспорядочные авиабомбежки, унесшие множество человеческих жизней.

Открытый военный конфликт с большевистским режимом не мог не побудить Кронштадт яснее высказаться о своих целях и намерениях.

Была ли у стихийно восставшего Кронштадта своя программа? Прежде всего, следует иметь в виду, что это было широкое народное движение, в котором не было гегемонии какого-либо идейного течения. Оно отражало настроения и чаяния масс, а не какой-либо разработанный проект общественного устройства. Восставшие были простыми матросами, солдатами и рабочими, а не идеологами. Но все же, анализируя документы Кронштадта, можно сделать вывод о том, что намерения и планы участников восстания выходили за рамки минимальной программы требований, адресованной большевистским властям в конце февраля.

Прежде всего, кронштадтцы выступали за продолжение мировой революции. Об этом свидетельствует переданное по радио обращение ВРК к работницам всего мира в Международный женский день 8 марта 1921 г. В нем, в частности, говорилось: "Среди грома пушек, среди взрывающихся снарядов, которые обрушивают на нас враги трудового народа - коммунисты, мы, кронштадтцы, шлем вам, работницы всего мира, наш братский привет. Мы приветствуем вас из восставшего красного Кронштадта, из царства свободы. Пусть наши враги пытаются уничтожить нас. Мы сильны, мы непобедимы. Мы желаем вам, чтобы вы как можно скорее добились освобождения от любой формы угнетения и насилия. Да здравствуют свободные революционные работницы! Да здравствует мировая социальная революция!".

Такова была, условно скажем, международная программа Кронштадтского восстания. Что касается ситуации в России, то здесь кронштадтцы публично высказали свою приверженность идее "Третьей революции". В радиообращении к населению России

от 8 марта в связи с началом боевых действий ВРК заявил, что борьба идет против "мнимого рабоче-крестьянского правительства", "против господства коммунистов, чтобы восстано-вить подлинную власть Советов". "Трудящиеся мира должны знать, - говорилось в обращении, - что мы, защитники власти Советов, заботимся о завоеваниях социальной революции".

В тот же день в "Известиях ВРК" появилась программная статья "За что мы боремся". Она настолько важна, что, вероятно, имеет смысл привести ее целиком. Говорит мятежный Кронштадт:

"Когда рабочий класс привел к успеху Октябрьскую революцию, он надеялся достичь своего освобождения. Но результатом стало еще большее порабощение человеческой личности. Власть полицейского монархизма перешла в руки коммунистических проныр, принесших трудящимся вместо свободы постоянный страх перед камерой пыток ЧК, зверства которой намного превзошли зверства жандармского управления царского режима. После многих боев и жертв трудящиеся Советской России получили лишь удары штыков, пули и грубые окрики чекистских опричников. Славный герб рабочего государства - серп и молот - коммунистическое правительство заменило на деле штыком и тюремной решеткой, чтобы обеспечить спокойную, беззаботную жизнь новой бюрократии, коммунистическим комиссарам и чиновникам. Но наиболее позорно и преступно моральное порабощение коммунистами: они не останавливаются даже перед внутренним миром трудящихся, но заставляют их думать так же, как они. С помощью государственных профсоюзов они приковали рабочих к их станкам и тем самым превратили труд не в радость, а в новое рабство. На протесты крестьян, которые нашли свое отражение в стихийных восстаниях, и протесты рабочих, побуждаемых к стачкам уже самими условиями своей жизни, они отвечали массовыми расстрелами и кровожадностью, оставившей далеко позади даже царских генералов. Трудящаяся Россия, первая поднявшая красное знамя освобождения труда, была залита кровью тех, кто был замучен до смерти во славу коммунистического господства. В этом море крови коммунисты потопили все великие и сияющие обещания и лозунги рабочей революции. Все яснее становилось, что теперь очевидно, а именно то, что РКП отнюдь не выступает за трудящихся, как она это утверждает. Интересы трудового народа чужды ей, и однажды придя к власти, она заботится только о том, чтобы не потерять ее вновь, и для этого годятся любые средства: клевета, насилие, обман, убийство и месть членам семей восставших.

Терпению трудящихся пришел конец. В борьбе с угнетением и насилием то тут, то там в стране вспыхивало пламя восстания. Начались рабочие стачки, но большевистские шпики не дремали и приняли все меры к тому, чтобы предотвратить и подавить неминуемую Третью революцию. Тем не менее, эта революция пришла и будет осуществлена руками трудящихся. Генералы коммунизма поняли, что народ поднялся, потому что убедился в том, что они предали идеи социализма. Но хотя они опасаются за свою шкуру и знают, что нигде не смогут укрыться от гнева трудящихся, они все-таки пытаются с помощью своих опричников запугать восставших арестами, расстрелами и другими зверствами. Но жизнь под игом коммунистической диктатуры стала страшнее смерти.

Восставший трудовой народ понял, что в борьбе с коммунистами и восстановленным ими крепостничеством нельзя останавливаться на полпути. Нужно идти до конца. Они делают вид, что пошли на уступки: они ликвидируют контрольные отделы в Петроградской губернии, и 10 миллионов золотых рублей выделены для покупки продовольствия за границей. Но не надо обманываться: за этой уловкой скрывается железный кулак господина, диктатора. Который выжидает лишь восстановления спокойствия для того, чтобы стократно отомстить за свои уступки. Нет, среднего пути быть не может. Победить или умереть! Красный Кронштадт, ужас контрреволюционеров справа и слева, служит тому примером.

Здесь совершился новый великий революционный поворот. Здесь было поднято знамя восстания за освобождение от длящейся уже 3 года тирании коммунистов, которая затмила три века монархического ига. Здесь, в Кронштадте был заложен краеугольный камень Третьей революции, которая снимет с трудящихся масс последние цепи, разобьет их и откроет новую широкую дорогу к творческой деятельности в духе социализма. Эта новая революция всколыхнет также трудящиеся массы на Востоке и на Западе, поскольку подаст пример нового социалистического строительства в противовес бюрократическому коммунистическому "творчеству". Она убедит трудящиеся массы за рубежом в том, что все, совершавшееся у нас до сих пор от имени рабочих и крестьян, не было социализмом.

Первый шаг был сделан без единого выстрела, без кровопролития. Трудящимся не требуется проливать кровь. Они будут проливать кровь только в том случае, если им придется защищаться. Несмотря на все возмутительные действия коммунистов, у нас довольно самообладания, чтобы ограничиться их исключением из общественной жизни, с тем чтобы они не мешали революционной работе своей злокозненной, лживой агитацией.

Рабочие и крестьяне неудержимо идут вперед.

Они оставили позади себя Учредилку с ее буржуазным строем. Точно также они оставят позади диктатуру коммунистической партии с ее ЧК и ее государственным капитализмом, которые смертельной петлей легли на шею трудящихся масс и грозили окончательно удушить их. Совершаемое теперь преобразование даст трудящимся возможность установить, наконец, свободно избранные Сове-ты, которые работают без насильственного давления со стороны одной партии, и превратить государственные проф-союзы в свободные объединения рабочих, крестьян и творческой интеллигенции. Полицейская дубинка коммунистического самодержавия окончательно сломана".

Справедливости ради, отметим, что Кронштадтское восстание не было совершенно свободно от авторитарных и националистических идей. Например, судя по воспоминаниям анархиста Беркмана, многие повстанцы до самого последнего момента отказывались открыто критиковать Ленина, полагая, что он болен, не контролирует ситуацию в стране и не несет ответственности за текущую политику. Или, что он плохо информирован о реальном положении вещей, а раз так, то может принять и сторону восставших. Безусловно, такие аргументы сильно попахивают верой в справедливого царя и свидетельствуют о неизжитости монархических и авторитарных мифов в общественном сознании. Важно также отметить, что в Кронштадте имели место антисемитские настроения.

Впрочем, подобные настроения не доминировали. В различных документах, статьях и заявлениях, опубликованных в "Известиях ВРК", не раз повторяется: кронштадтцы не хотят возвращения к старым, дореволюционным, буржуазным порядкам, не желают ни "белых", ни Учредительного собрания и намерены после своей победы воспрепятствовать тому, чтобы плодами свержения большевистской власти воспользовалась контрреволюция. Они понимали свое выступление как начало третьего этапа революции: "Волнения рабочих и восстания крестьян свидетельствовали о том, что их терпение подходит к концу. Восстание трудящихся приближалось. Наступил момент, когда комиссародержавие должно было быть свергнуто. Как бдительный страж завоеваний социальной революции, Кронштадт не проспал этот момент. Уже во время Февральской и Октябрьской революций он стоял в первых рядах. Теперь он первым поднял знамя восстания Третьей революции трудящихся. Самодержавие пало. Учредительное собрание кануло в царство преданий. Развалится и комиссародержавие. Время подлинной власти трудящихся, власти Советов пришло".

Кронштадтцы заявляли, что не считают социализмом то, что делали большевики, называя их политику "государственным капитализ-мом", "государственным социализмом", "комиссародержавием", "новым самодержавием" и т.д. Троцкий не случайно сравнивался в их документах с Малютой Скуратовым и царским палачом Треповым. Кронштадтцы критиковали бюрократическое засилье, неравенство и привилегии при распределении в пользу большевистских чиновников, прикрепление рабочих к государственным заводам, огосударствление профсоюзов. Что касается положения в деревне, то они выступили с резким осуждением того, что называли "новым крепостным правом" - изъятия земель у крестьянских общин в пользу государства как "нового помещика" в виде совхозов и госхозов, изъятия хлеба и т.д. Все эти беды будут устранены при подлинно социалистическом строе вольных Советов, избранных снизу самими трудящимися, которые на местах прекрасно знают сами тех людей, которых они выбирают. Речь шла не о выборах по партийным спискам, а об избрании конкретных делегатов, пользующихся доверием рабочих и крестьян. Важное место в новой социалистической системе должно было отводиться профсоюзам. 9 марта была в дискуссионном порядке опубликована статья "Преобразование профсоюзов" за подписью С.Фокина, в которой говорилось о том, что большевики лишили профсоюзы собственной инициативы и роли в экономико-кооперативном и культурном строительстве Республики, поскольку в том случае, если бы они смогли выполнить эту роль, "весь порядок централизованного строительства коммунистов неминуемо рассыпался бы". После свержения большевиков, говорилось в статье, "социалистическая Советская республика станет сильной только в том случае, если руководство ею будет принадлежать трудящимся классам в облике обновленных профсоюзов".

Разумеется, все это было неприемлемо для большевистской власти. Войска, которыми руководили Троцкий и Тухачевский, интенсифицировали атаки. В этой связи стоит привести мнение Тухачевского, высказанное им в записке Ленину в ответ на призывы последнего сформировать из питерских рабочих милицию для борьбы с повстанцами: "Если бы дело сводилось к одному восстанию матросов, то оно было бы проще, но ведь осложняется оно хуже всего тем, что рабочие в Петрограде определенно ненадежны. В Кронштадте рабочие присоединились к морякам... На западном фронте я также видел неважное настроение рабочих... И если провести мобилизацию в рабочем районе, даже таком, как Петроградский, то никто не может гарантировать, что в тяжелую минуту рабочие не повернут против Советской власти. По крайней мере сейчас я не могу взять из Петрограда бригады курсантов, т.к. город с плохо настроенными рабочими было бы некому сдерживать".

9-10 марта на штурм были брошены новые части. Как и накануне, замаскированные в белые одежды,

они пытались атаковать Кронштадт или, по крайней мере, некоторые форты, однако были остановлены огнем кронштадтской артиллерии. Многие из нападавших погибли, когда лед стал трескаться под взрывами. Продвинуться к крепости им нигде не удалось. Около 1 тысячи нападавших перешли на сторону восставших. 10 марта в Петрограде около ста учащихся морской школы отказались выступить против Кронштадта и были отданы под трибунал. Десятки солдат, которых гнали против Кронштадта, стреляли сами в себя, чтобы получить возможность покинуть фронт.

С 11 по 15 марта атаки повторялись по тому же самому образцу. Но в то время как большевистское командование имело возможность бросать в атаку все новые и новые части, в Кронштадте стали нарастать признаки усталости. В постоянном напряжении, без сна, под непрерывным обстрелом, защитники медленно теряли свои силы. Что еще важнее, надежда на всеобщее восстание в Петрограде не оправдалась. Голодающее, мерзнущее и затерроризированное население "Северной столицы" осталось пассивным зрителем происходящей вооруженной схватки.

16-го марта большевистские части начали решающий штурм. Троцкий, Тухачевский и армейский штаб, состоявший главным образом из бывших царских генералов и офицеров, перебросили в Петроград новые части со всех концов страны. Нелояльные соединения отправлялись к Черному морю или на польскую границу. Наконец, после многочасовой бомбардировки эти части по льду ворвались в Кронштадт с трех сторон. Защитники, рассредоточенные по фортам, были застигнуты врасплох в тумане зимней ночи. На рассвете ряд фортов уже пал. Через самое уязвимое место - Петроградские ворота - нападавшие ворвались в город. Но еще целых 2 дня - вплоть до поздней ночи 18 марта - население продолжало оказывать ожесточенное сопротивление. Руководивший штурмом крепости Тухачевский рассказывал: "Я был пять лет на войне, но я не могу припомнить, чтобы когда-либо наблюдал такую кровавую резню. Это не было больше сражением. Это был ад. Матросы бились как дикие звери. Откуда у них бралась сила для такой боевой ярости, не могу сказать. Каждый дом, который они занимали, приходилось брать штурмом. Целая рота боролась полный час, чтобы взять один единственный дом, но когда его, наконец, брали, то оказывалось, что в доме было всего 2-3 солдата с одним пулеметом. Они казались полумертвыми, но пыхтя, вытаскивали пистолеты, начинали отстреливаться со словами: "Мало уложили вас, жуликов!"

В этот день, в годовщину провозглашения Парижской Коммуны, был потоплен в крови последний оплот Русской революции. В Кронштадте воцарился большевистский террор с массовыми расстрелами на месте. И еще долгие недели чекисты по ночам казнили свои жертвы. Нескольким тысячам жителей города удалось по льду бежать в соседнюю Финляндию.

Число жертв Кронштадта точно неизвестно. Некоторые данные о жертвах среди нападавших дают списки петроградских больниц. В них значатся 4127 раненых и 527 убитых. Никто не считал число солдат, замерзших во льду, утонувших в воде или расстрелянных за неповиновение.

Сколько людей погибло в Кронштадте, мы, вероятно, так никогда и не узнаем. Озверевшие победители после падения крепости расстреливали без разбора, так погибли сотни или даже тысячи. 15 тысяч моряков Балтийского флота в той или иной мере подверглись репрессиям или чисткам, многие были сосланы в Сибирь или на Соловки.

ЭПИЛОГ

С 8 по 16 марта 1921 г. в Москве проходил X съезд большевистской партии. На нем под влиянием народных восстаний была провозглашена радикальная смена курса. Но реформы НЭПа, введенные большевиками, имели мало общего с тем, чего требовали борцы за Третью революцию. Право распоряжаться частью произведенной продукции, данное крестьянам, и погасившее на какое-то время их недовольство, не было дополнено развитием разнообразных общественных форм самоуправления в сфере обмена и производства, которые представляли реальную опасность для большевистской диктатуры уже самим фактом своего существования, СВОЕЙ НЕЗАВИСИМОСТЬЮ. Единственная из таких форм – кооперация - развивалась в 20-е годы уродливо и однобоко, под неусыпным гнетом государства, в условиях террора ОГПУ и при отсутствии возможности для рядовых участников кооперативного движения принимать суверенные решения на всех уровнях. Правления большинства кооперативных союзов теперь контролировались коммунистами, которых было практически невозможно сместить с занимаемых ими постов, хотя кооперативы на местах могли по-прежнему контролироваться общими собраниями их членов. В результате кооперативное движение к концу 20-х годов превратилось в получастное-полугосударственное учреждение, основанное на эксплуатации и коррупции. НЭП стал сочетанием элементов пресловутого "свободного рынка" с массированным государственным вмешательством в экономическую и общественную жизнь.

Элементы самоуправления были дарованы большевиками сельской общине, вернее выбиты повстанческими движениями крестьян. "Земель-

ные Общества" были легитимированы в 1922 году, а ликвидированы официально в 1930-ом. Это и была община, с коллективным пользованием и управлением землей, с входившими в нее кооперативами, с обширным коллективным инвентарем (мельницы, маслобойки, семенные фонды, избы-читальни, школы, бани) кассой взаимопомощи, куда крестьяне платили сами специальный налог - значительную часть своих доходов. ЗО было юридическим лицом, с основным органом принятия решений - сельским сходом (с участием лиц обоих полов от 18 лет), и с правом передела земли и даже с правом возбуждения исков. В ее ведении находилось 95,4% земель крестьянского пользования РСФСР (Земельный кодекс РСФСР, принятый в 1922 г). Однако, с 1922 года большевики пытались ограничить переделы земли (но фактически они, видимо, иногда проводились). Кроме того, большевики ограничили права общины сельсоветом - органом и инструментом государственной власти, куда общее собрание мира не могло теперь, выбирать кого хотело. Там сидели партийные чиновники, активно вмешивающиеся в управление деревней, на всех уровнях, например, запрещали переделы земли, что вело к постепенному развитию классового расслоения в деревне. Таким образом в 20-е годы в деревне сложилось своеобразное "полуторовластие" (по аналогии с двоевластием), основанное на сосуществовании взаимоисключающих социальных элементов: деспотического государства, монопольно управляемого одной партией и осуществлявшего индустриально-капиталистическую модернизацию, и сельской общины, пользовавшейся известными правами и полномочиями, но строго ограниченной в них.

Правые большевики (Бухарин, Рыков) и примкнувшая к ним, на некоторое время, фракция Сталина делали упор на создание в деревне крепких товарно-ориентированных хозяйств. Поэтому они старались запретить переделы земли в общине. Кроме того в деревне в 20-е годы разрешалось использовать наемный труд, который пыталась там ликвидировать революция 1917-1921 гг. Фактически это было продолжением линии Столыпина на разрушение общины и развитием частнособственнических рыночных отношений, только более тонкими методами и под другим идеологическим знаменем. В городах установке на развитие капитализма, направляемого государством, соответствовал так называемый "режим экономии на производстве" – система все усиливающейся эксплуатации рабочего класса.

Что касается левых большевиков - троцкистов, то они вообще считали все происходящее буржуазным перерождением и требовали возврата к военному коммунизму. Что в итоге и произошло при их активнейшем участии. В 1928-1930 гг. 2\3 троцкистов и почти все их руководство перешли на сторону Сталина и получили высокие посты в аппарате наркомата тяжелой промышленности. Сталин знал, что в деле индустриализации эти кадры незаменимы (когда они выполнили свою задачу, он их уничтожил – во время чисток 1937 года).

С 1928 года начался откат к новой форме военного коммунизма – к сталинской коллективизации и индустриализации, и на российские города и села опустился ужас массового террора. Большевистский режим, по словам левого эсера Исаака Штейнберга, все время колебался между двумя полюсами: "Он знает или военный "коммунизм" эпохи войны, или рыночный нэповский "коммунизм" мирного времени. Но он в испуге шарахается от третьего пути социалистической революции: демократической и социалистической самоуправляющейся Республики Советов". Однако, этот третий путь был неплохо известен общинному крестьянству и части городских рабочих. Троцкистские "оппозиционеры" отмечали, что, например, в Питере многие рабочие охвачены антиправительственными настроениями. По стране прокатилась волна забастовок. Снова разгорелась страшная борьба в деревне - 3,5 миллиона крестьян приняли участие в 13.754 восстаниях и бунтах против коллективизации. Грандиозное повстанческое и протестное движение вновь, как и в 1921 году, охватило огромные территории в феврале-марте 1930-го года; в какой-то момент только на Украине восстаниями было охвачено около 1000 населенных пунктов. В некоторых местах снова был поднят лозунг третьей революции "за Советы без коммунистов". В Западной Сибири, на Дону, в некоторых районах Украины уже формировались альтернативные органы новой (и подлинной) власти Советов, основанной на решениях суверенного сельского схода. Но, как и в 1921 году, крестьянская община не смогла довести борьбу до конца и разрушить государство в ходе подлинно-советской, анархистской революции. Сказалось отсутствие оружия, но, прежде всего, то обстоятельство, что как и в 1921 году основная масса крестьянства отказалась от борьбы, после того, как власти пошли на частичные уступки (тогда, в 1921 ввели НЭП и дали частичные полномочия сельской общине, теперь, в 1930-ом, после знаменитой статьи Сталина "Головокружение от успехов" разрешили крестьянам выходить из колхозов). Дальнейшие события со всей очевидностью продемонстрировали ошибочность такой тактики и правильность лозунга "Земля и Воля", где обе составляющие в равной степени необходимы. Контрнаступление сельской общины сменилось новым наступлением государства, с насильственным загоном крестьян в колхозы и массовыми репрессиями. Крестьянство отступило, а потом отступление сменилось массовой гибелью и бегством в города. Военный коммунизм с его "красным террором", подавлением общественных свобод и двумя миллионами поволжских крестьян, убитых искусственным голодом в 1921-1922 гг., оказался лишь прелюдией к еще более масштабной трагедии, опустошившей страну в 30-е– 50-е годы.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Время "Ч". Стихи о Чечне и не только

М., Новое литературное обозрение, 2001

Фронтовая лирика снова входит в нашу жизнь. Становится актуальной. Сегодня, увы, слова "война" и "Чечня" для нас - почти синонимы. Также как "война" и "смерть". Пусть поэзия сегодня переживает далеко не лучшие (мягко говоря!) времена, все же поэзия - какая уж она ни есть - не может быть в стороне от смерти. Поэтому - вот этот сборник: "Время "Ч" (стихи о Чечне и не только)". Благодаря его составителю Николаю Виннику стало понятно не только то, что в России, среди мириадов графоманов, изредка попадаются отдельные неплохие литераторы, но также и то, что многие из этих графоманов и литераторов уже не находят в себе сил пребывать в полном внеобщественном вакууме. "Заглушить рокотанье прибоя соловьиная песнь не вольна"...

Возможна ли у нас поэзия? Возможна ли у нас гражданственность? Ответ далеко не очевиден. В полном соответствии с мифологической периодизацией Гесиода и индусов, "золотой", а затем "серебряный" века русской поэзии давно сменились "железным" веком (может быть, даже - "свинцовым", но о нем Гесиод и индусы ничего не сообщают).

Кроме того, Власть в России столько лет систематически насиловала литературу, брала Муз на содержание, лезла в душу художникам, что ныне они забились кто куда с криками: "Не лезьте! Плевали мы на вашу политику! Поэзия - есть мое частное, приватное, интимное дело - и только!" А слово "гражданин" у нас, как правило, известно кто произносит и известно в каких ситуациях. И все же...

Как бы не отмежевывался уважаемый составитель сборника от "одиозного" словосочетания "гражданская лирика" (которое ему представляется чуть ли не страшным ругательством), но это именно она... И право же, в этом нет ничего постыдного. Ведь "гражданская лирика" - это не только (и не столько) пресловутый "соцреализм" с его стандартными кампаниями: "писатели за...", "писатели против...", но – Некрасов. Рылеев. Гейне. Беранже. Петефи. Мицкевич. Галич. Ранний Пушкин, в конце концов! Право же, отнюдь не зазорно вписаться в подобную традицию (я говорю не о степени талантливости, которая, как известно, от Бога и, может быть, от эпохи, а об общей направленности стихов). Да и в русской литературе о Кавказской войне традиция немалая - Лермонтов, Толстой, опять же Пушкин.

И не то удивительно мне, что большую часть стихов в сборнике стихами можно назвать лишь очень условно, с большой натяжкой и обладая снисходительным вкусом, прошедшим школу постмодернистского релятивизма, а то, что есть - пусть меньшая, - но часть, вполне поэтическая, соответствующая своему названию. Мне, как культурному "консерватору", приятно отметить, что среди буйства разнузданного модернизма и постмодернизма, попадаются в некотором числе и стихотворения во вполне классическом духе, напоминающие о былом величии русской литературы, канувшей в Лету.

Вышедший сборник - явление и поэтически и гражданcки значимое. Наперекор официозу он создает некое идейно неоднозначное, но независимое и живое культурное "поле" в освещении (отражении, осмыслении) нашего мира, в котором чеченская война играет роль одновременно и символа, и зеркала и важного смыслообразующего фактора, между прочим, заставляющего каждого литератора высовывать нос то ли из норки в полу, то ли из Башни из слоновой кости (у кого что) и отвечать на грубый, но неизбежный вопрос: "С кем вы, мастера культуры?" С Властью? С генералами, президентами, омоновцами, карателями? И пресловутая "партийность в искусстве" тут совсем не при чем! Можно долго стебаться, резвиться, выпендриваться, музицировать, выкаблучиваться, самолюбоваться, выстраивать "поэтические концепты" или "конструкты"... И тут вдруг - боль, война, Чечня, смерть, - точно удар обухом по голове. Поэзия в оторопи, в шоке. И ее-то, такую пугливую в отношении любой "политики", такую целомудренно-герметичную и самодовольную - достало и проняло, обожгло пламя войны.

В сборнике присутствует единство темы, но не позиций и мнений. Однако, как справедливо замечает в предисловии Николай Винник, "мнение - это не главное, чем поэт может поделиться с читателем". В конце концов, в произведениях тех же Толстого и Лермонтова, воевавших на прошлой (позапрошлой?) Кавказской войне, трудно выудить какую-то однозначную "позицию".

Сборник хорош широтой, многомерностью срезов войны (фронт и тыл, прошлое и настоящее, Кавказская война

XIX века и нынешняя, и много иных), многомерностью взглядов, стилей, форм, уровней обобщения. Оценивать эту книгу исключительно с идейно-политической точки зрения было бы также узко и неверно, как и исключительно с литературно-художественной. Не откажу себе в удовольствии кое-что процитировать (ибо трудно, даже невозможно, говорить о поэзии прозой). Вот - картинки, ассоциации, рефлексия. То плакатно-лозунговая прямота, то возвышенная простота, то вычурная претенциозность, то фотографический реализм, то заумный авангардизм. Итак, избранные места из сборника (да простят меня поэты за неполное цитирование большинства приводимых текстов!).

В стихотворении Натальи Ванханен - тревога и предупреждение:

Если клетка с птицей в окне видна,
значит, мирные времена.
А еще это значит - идет война,
только, значит, не здесь война.

Василий Дробот взывает к тому, чего у нас так мало осталось:

Раскаянья не дано,
Поскольку неймем вины,
Поскольку в себе давно
Все чувства отменены.

И что нам от жизни взять,
Помимо борьбы за власть?
Ведь выше уже не стать
И ниже уже не пасть.

В стихах Глеба Ситько - взгляд на войну "изнутри":

Мы сеем свинцовое семя
В непроизносимой стране
Воюем, забытые всеми
На Богом забытой войне.

Томимся тоской заключенных
В лесу корабельной травы
Нам год не подвозят патронов,
Три дня не дают нам жратвы.

В генштабе фельдмаршалы знают:
Мы сами хотели быть тут...
Героев всегда забывают,
Героев всегда предают.

А вот то, что происходит с теми, кто случайно уцелел, показано в другом стихотворении того же Глеба Ситько:

Чтобы стать не мальчиком, но мужем
Много крови нужно пролить мне
Ну, а выживу - кому я нужен
Муж, что выжил на чужой войне.

Пометут хозяйки по сусекам
Я надолго прикоснусь к вину...
Разве может зваться человеком
Человек, что пережил войну?

Ирина Репина - о том же:

Крик орла в вышине. И слова генеральского бреда.
На кавказской войне не бывает салютов победы.
При угрюмой скале не бывает открытого боя.
По кавказской войне не пройти дрессированным строем.
(...) В этой черной стране с каждым шагом на сердце тревожно.
На кавказской войне покорить никого не возможно.
(...) И по чьей же вине пол-России размазано горем?
На кавказской войне очень просто погибнуть героем.

Александру Левину первая чеченская война представляется чудовищным телеспектаклем (что верно в нашу эпоху свето-пре-д-ставления):

В кулисах шорох, в зале тишина,
Слепит глаза мохнатый свет софитов.
Идет позиционная война,
Считают преждевременно убитых,
Досрочно раненых, контуженных не в такт.
Проносят генеральские погоны.
Кричит статист в раскрашенных бинтах
Потом его как будто бы хоронят.

Валерий Шубинский в стихотворении "Последний поход Игоря", историософски смешав концы русской истории с ее началами, отрешенно и горько воспевает наступающий конец усталой и впавшей в маразм Империи:

И в крови, обесточенной от потерь,
Просыпается древний код,
И последний, убогонький русский зверь
Завыл и позвал в поход.

Но сквозь отчаяние пробивается порой слабая надежда. Вот Анна Гедымин:

Над русским полем сумрачно и голо,
Танцует птица.
И небо сыто душами по горло,
А бой все длится.

Опять беда ни в чем не знает меры
И рвет на части.
Но в мире нет безропотнее веры,
Чем вера в счастье.

Наряду с прямолинейной поэтической прозой, попадается философская лирика. Алексей Александров:

Облака, как волхвы, неустанно
В свой небесный спешат Вифлеем,
Им, похоже, шепнули недавно
То, что нам не сказали совсем.

Значит, жди теперь мора и глада
И какой-нибудь новой Чечни.
И зачем тебе, Господи, надо
Это все? Лучше ночь сочини.

А вот картинка "зачистки" села, чудовищная в своей будничности, как ее правдиво изображает Валерий Шубинский:

И утомленные мужчины
Войдут вразвалку во дворы
И понесут в бронемашины
Магнитофоны и ковры.

Совершенно вне идеологии, но талантливо написано стихотворение Владимира Губайловского о гибели Дудаева.

СМЕРТЬ ВОЖДЯ.

Круглое небо, опрокинутое на Чечню,
Как царапина голубого плафона
Ракета соскальзывает по лучу
Портативного телефона.
Остаются только доли секунд,
За которые не моргнуть, не охнуть.
Время, рассчитанное на самосуд,
Крепко держит за локоть.
И деревья, опавшие до худобы,
Венчают тело посмертной славой,
Где будет десять минут ходьбы
От левой руки до правой.

Владимир Стариков, характеризуя нашу эпоху, оказался лаконичнее лаконичных японцев с их трехстрочными хайку. Ему хватило двух строк:

Приметы времени: коровы в Англии,
Комета в небе и война в Чечне.

Порой авторы не менее лаконичны и прямолинейны. Как Александр Воловик:

Стоит погода новогодняя,
крещением увлечена.
Идет война. Но не народная.
Антинародная война.

Или как Иван Ахметьев:

Разоружить
ценой уже полного
ожесточения.

И он же:

Истерические попытки
сохранить эту
никому не нужную
территориальную целостность.

Конечно, в наше усталое, эрудированное, бесплодное, ерническое, постмодернистское (то есть "послесовременное") время не обходится без аллюзий и скрытых цитат:

Ведь если дома взрывают
То это кому-то нужно
(Филипп Минлос).
- Вот не только поэтически, но и политически совершенно правомерная постановка вопроса!

Или:
Заложница - страна,
Всяк сущий в ней - "язык".
(Мартин Мелодьев).

Как ни странно, есть в этом сборнике даже и юмор. "Черный юмор" Владимира Строчкова, подстать нашему "Виртуальному Наперекору", описывающего нелегкую жизнь ваххабита, покорившего Москву:

В вагоне, натянув противогаз,
читаю "Послезавтра", "Штурмовик",
просматриваю "Знамя газавата",
"Звезду Востока", "Вестник ваххабизма",-
рекламу, объявления о казнях
публичных, распродажах - и дремлю,
не отрывая пальца от гашетки.

И - просто "юмор"- незатейливая, в духе капустника, пародия Дмитрия Пригова, по своему обыкновению перелицевавшего известный канонический школьный стишок про войну на новый лад:

Это было в мае на рассвете
Нарастал у Хасавьюрта бой
Девочку чеченскую заметил
Наш солдат на пыльной мостовой.

Короче, вопреки исторической правде, и в полном соответствии с известной мифологией, солдат не убил и даже не изнасиловал чеченскую девочку, а спас ее.

Чтоб жила, чтоб все на свете жило,
Чтобы только супостат не жил.
Говорят, что генерал Манилов
Путину об этом доложил.

(в оригинале соответственно фигурировали маршал Конев и генералиссимус Сталин). Можно ли шутить о *таком* - о смерти, о страданиях? Не знаю. Но смерть и война - тоже часть жизни, а значит, возможно, допускают и такие шуточки.

Закончить же свой обзор мне бы хотелось замечательным стихотворением Натальи Акуленко, которое было написано задолго до войны - в 1990-91 годах, и которое открывает сборник и, по-моему, очень точно передает что-то сокровенное в нашем времени - с его бредом, ужасами, усталостью, кошмарами и - недобитой до конца, хотя и не основанной ни на чем надеждой.

Самозваных нельзя упрекнуть докторов -
Выжигали и резали сколько могли...
Нас свалили в огромный некошеный ров,
Закидали пластами холодной земли.
Все как надо - знамена и веры не в счет,
Все как могут лежат под знаменами трав,
То же солнце печет, тот же дождик сечет
И неясно, кто был исторически прав.
Здесь холодный, поспешный, заброшенный склад,
Где ненужные судьбы отложены впрок,
Но из норки в песке, выгребаясь не в такт,
Вылезает на травку и пилит сверчок.
Мелодрамы стыдится взыскательный вкус
И романсы про гибель нелепы в раю,
Но сверчок протирает зазубренный ус,
И жестокие крылья, елозя, поют.
Он поет, что жуки выедают глаза,
Что по осени тело смерзается в лед...
Да, он знает, что петь про такое нельзя,
Он про многое знает, но все же - поет.
Эта песня не терпит повышенных нот
В ней безбожно фальшивят любые слова,
Но сверчок все без слов жесткой лапкой поет,
Я смотрю на них сверху, наверно - жива...
Я об этом как надо сказать не могу,
И над общей могилой мне трудно парить,
Слишком много скопилось в заброшенном рву,
Чтобы каждую гибель понять и простить,
В этом рву прочно занят любой уголок
И помытые кости не радуют взгляд...
Вылезает на травку иссохший сверчок
Повторяя живым про утратность утрат.

Петр Рябов

Митчел Сейдман

Рабочие против работы: трудящиеся Парижа и Барселоны в период Народных фронтов

Workers Against Work: Labor in Paris and Barcelona During the Popular Fronts
By Michael Seidman (University of California Press, 1990). 384 pages. $50.00 hardcover

Книга представляет собой сравнительное исследование того, как рабочие сопротивлялись трудовой дисциплине, введенной пришедшими к власти партиями, "отстаивающими интересы рабочего класса" (то есть, социалистами, коммунистами, анархо-синдикалистами, и различными другими левыми и либералами) в ходе двух различных, но происходивших в одно и то же время в 1930-х общественных процессов. В отличие от стандартных историй о защите труда, которые, кажется, всегда прославляют любые политические и экономические действия профсоюзов и партий, Сейдман предлагает реальную историю повседневной жизни периода Народных фронтов в Испании и Франции и уделяет внимание тому, как рабочие боролись против работы. Сейдман проделал замечательную работу, показав, как "прогрессивные силы" боролись не только со своими врагами справа, но также с безразличием и недисциплинированностью масс, чьи интересы они защищали (даже если он кажется время от времени слишком озабоченным оправданием своего сочувствия сопротивляющимся рабочим). Увы, цена $50 будет выглядеть устрашающей для большинства потенциальных читателей, особенно самих рабочих, которые смогли бы извлечь из нее максимум пользы. Те, кто имеют доступ в Интернет, могут прочитать полную книгу на сайте Калифорнийского университета в режиме "онлайн" (как это сделал я).

Сейдман исследует социальные и исторические отличия между Францией и Испанией, пути, которыми эти различия привели к отличающимся стилям руководства левых коалиций, и в то же время показывает, насколько похожими были методы, использовавшиеся в двух странах рабочими, чтобы уклоняться от работы или смягчить требования к производительности труда. Сейдман показывает методы, использовавшиеся левыми (революционерами в Испании, реформистами во Франции), чтобы обеспечить дисциплину на рабочем месте, при помощи кнута или пряника. Два определения классового сознания вошли в острое противоречие. Для активистов это значило продуктивно работать для построения социализма. Для рабочих - насколько это возможно избегать тягот наемного труда. Сейдман рассматривает

специфическую борьбу женщин, иммигрантов и безработных, также как и основной части мужчин, граждан и рабочих, имеющих работу.

Испания находилась на гораздо более низком уровне индустриального развития, чем Франция. В этой стране никогда не было как таковой настоящей буржуазной либеральной революции, а Просвещение сделало лишь первые шаги. Основная власть оставалась в руках финансовых олигархов, крупных земельных собственников, католической церкви и военных. В Каталонии находилась наиболее развитая промышленность в Испании, но даже там буржуазия была относительно слаба. Власть была мафиозной и в исключительной степени патерналистской [1] с частыми полицейскими репрессиями и военным вмешательством в политику (пронунсиаменто [2]). Рабочий класс в первую половину 20-го века был особенно воинствующим, постоянно происходили кровавые столкновения с предпринимателями, церковью и полицией. Народный фронт пришел к власти в то время, когда рабочими фактически был совершен переворот; церкви сожжены, а заводы и фабрики - оставлены своими владельцами, сбежавшими ради спасения жизни. Основные организации рабочих, CNT анархо-синдикалистов и марксистский UGT, выражали революционную идеологию и до 30-х, и в 1930-е годы. Марксисты и анархисты одинаково поддерживали идеологию модернизации и развития. На их взгляд индустриальная модернизация была задачей, за которую должен был взяться пролетариат, т.к. буржуазия не смогла или не захотела этого сделать.

В противоположность Испании, во Франции была стабильная демократия, с разделением церкви и государства; сильный класс буржуазии, исповедовавшей идеологию модернизации и прогресса, в которой не было разделения на "иудеев" и "протестантов". Была высокоразвитая промышленность и единый национальный рынок. Антиклерикализм исчез после дела Дрейфуса [3]. Во время Третьей республики было свободное общественное образование, и, таким образом, не было особой потребности в модернизации школ, которую проводили анархо-синдикалисты в Испании. Ко времени Народного фронта ведущие рабочие организации - Социалистическая партия (SFIO), Коммунистическая партия (PCF), и CGT (профсоюзы) - в значительной степени отказались от революционной идеологии. Поддерживая французский патриотизм времен Первой мировой войны (священный союз), Социалисты и CGT вписались в существующий государственный строй и показывали правящему классу, что они не представляют революционной угрозы. Анархо-синдикализм во Франции исчез после Первой мировой войны и ему на замену пришел коммунизм как основная революционная идеология. Несмотря на политические и тактические разногласия, Социалисты и Коммунисты объединились для создания Народного фронта. Во время Народного фронта были вспышки насилия, но капиталисты остались владельцами средств производства. Не было угроз государству справа, в стиле Франко. Офицеры во Франции оставались лояльными, хотя возможно и недовольными, по отношению к республике, даже во время первого красного правительства со времен Коммуны.

Сейдман сравнивает уровень развития Испании в 1930-х с уровнем дореволюционной России; здесь сила революционной идеологии была похожа на советскую. Как и русские марксисты, анархисты-революционеры Испании видели себя просветителями. Испанский народный фронт (который включал CNT, POUM, Социалистическую партию, Коммунистическую партию и каталонских националистов) использовал советские методы, включая Стахановское движение, "социалистическое реалистическое" пропагандистское искусство, и даже лагеря для сопротивляющихся рабочих, укомплектованные охраной, набранной в CNT. Несмотря на разногласия, последователи Маркса и Бакунина объединяли свои усилия, чтобы выжать максимум из рабочих. В Испании дисциплинарные меры, предпринятые по отношению к рабочим профсоюзами и левыми властями, были вызваны не просто острой военной необходимостью (для войны с Франко), но и являлись последовательными выводами из основ идеологий марксизма и анархо-синдикализма, особенно проект рационализации производства и прославление науки и техники, включая энтузиазм по отношению к тейлоризму [4]. Другими прогрессивными проектами испанских революционеров были грандиозные общественные работы типа постройки дорог, дамб и другой инфраструктуры. Они демонстрировали пристрастие к урбанизации Ле Корбузье (Le Corbusier), который мечтал о массовом автомобиле.

На ранних этапах Испанской Революции, были отменены сверхурочные работы и разница в оплате труда. Но так как CNT и UGT столкнулись с постоянным сопротивлением рабочих призывам больше производить и больше жертвовать на военные нужды, сверхурочные и разница в оплате труда были восстановлены. Рабочие всеми возможными способами воровали инструменты и запчасти, симулировали раны и болезни, уклонялись от посещения собраний профсоюзов и выплаты взносов. Народный фронт отвечал штрафами, увольнениями, кампаниями по сокращению остановок работы на время фиесты (церковных праздников), и попытками ликвидировать Рождественские праздники и новогодние премии. Профсоюзы требовали использования собственных врачей для проверки болезней и производственных травм рабочих. Ярлык саботажника приклеивали каждому рабочему, который жаловался, грубил клиентам, использовал рабочий телефон для

несрочных звонков и не брал дополнительной работы после завершения основной. Работающий спустя рукава даже приравнивался к фашисту: "Ленивый - тот же фашист", - гласил один из лозунгов. Все взрослые люди от 18 до 45 должны были иметь справку о том, что они работают, наличие которой у них могли проверить в любое время. Проводились кампании, направленные на искоренение пьянства, азартных игр, порнографии. UGT напоминал рабочим, что революция - это не вечеринка, в то время как CNT утверждал, что необходимо работать над сознательностью и нравственной просвещенностью масс.

Сейдман ставит под сомнение представление о том, что организации, не входившие в течение CNT, предлагали сколько-нибудь серьезную альтернативу коррупции и бюрократии с точки зрения сопротивления трудовой дисциплине. Например, "Друзья Дуррути" (Friends of Durruti), кого он называет крайне левыми, призывали к еще более интенсивной работе, самопожертвованию и даже к принудительному труду. Сам Дуррути заявлял, что революция должна быть тоталитарной (на самом деле слово "тоталитарный" имело для Дуррути иной смысл, чем для Муссолини - он считал, что революция должна быть всеохватной, тотальной. - Прим. ред.). Mujeres Libres, женская организация, примкнувшая к CNT, восхищалась советскими заявлениями об искоренении проституции.

Во Франции методы принуждения Народного фронта были мягче, чем в Испании, отражая более высокую степень приспособления французского рабочего класса к промышленной системе и большую стабильность в обществе. Сейдман пытается показать, что роль профсоюзов и левых не была исключительно насильственной, что они также, в зависимости от ситуации, помогали рабочим требовать снижения работы. Хотя они и пришли к власти на волне забастовок в 1936, французские левые были заинтересованы не в построении диктатуры пролетариата в условиях спартанского экономического развития, но в борьбе за интеграцию пролетариата в формировавшееся общество потребителей. Так, лозунг коммунистов того времени гласил: "Ривьера для всех" (т.е., не только для богатых). Главной политической целью Народного фронта был краткосрочный союз, чтобы задержать распространение фашизма, но в то же время он являлся и признанием того, что революция Советского или синдикалистского типа во Франции реально была невозможна, хотя она и продолжала еще фигурировать в напыщенных речах.

В отличие от Испании, основные механизмы контроля над рабочим классом во Франции были установлены самими капиталистами. Французским капиталистам не требовалось указки левых промышленных активистов в претворении в жизнь концепции тейлористского научного управления или сдельной оплаты труда. Дисциплина в заводских цехах была жесткой, и мастера во Франции были, как пишет Сейдман, лояльными сержантами в армии производства, в то время как их коллеги в Испании часто действительно оказывались на одной стороне с рабочими в борьбе против власти боссов и сеньоров. Хотя и менее радикальные, чем испанцы, французские рабочие демонстрировали достаточное неповиновение, для того, чтобы заставить "капитанов индустрии" завидовать заводскому режиму в "странах порядка," таких как США, Великобритания и Германия.

До Народного фронта во Франции обычной была 48-часовая рабочая неделя. Двумя главными достижениями правительства левых, возглавляемого лидером социалистов Леоном Блюмом, были 40-часовая рабочая неделя и оплаченный отпуск. Предприниматели со скрежетом подчинились сокращению рабочего времени. Но рабочие продемонстрировали свою "благодарность" за эти достижения, которых они добились при помощи левых и профсоюзов, постоянным требованием большего, пользуясь при этом тысячами несанкционированных путей. Забастовки в 1936-ом, которые привели Народный фронт ко власти, а также и более поздние, были, как правило, спонтанными и поначалу заставали левых и профсоюзных активистов врасплох, только потом профсоюзы постепенно ставили забастовки под свой контроль. Как и в Испании, рабочие начали опаздывать на работу, пьянствовать, воровать, снижать темп работы, сопротивляться сдельной оплате труда, симулировать травмы и болезни, пренебрежительно относиться к начальству и властям. Безработные часто отказывались от предложений правительственной службы занятости. В ходе забастовок имело место значительное разрушение техники и другой собственности, стоившей многие тысячи франков. Неповиновение продолжалось и после прекращения забастовок. В своих обращениях Народный фронт призывал рабочих победить фашизм, но рабочие имели на этот счет свои собственные представления: для них настоящим фашизмом была железная дисциплина на рабочем месте. Рабочие часто называли фашистами демократических боссов, мастеров, инженеров, и других управленцев (фактически, в рядах последних было достаточно будущих сторонников маршала Петена), а также штрейкбрехеров. Сейдман приводит пример образцового рабочего-"стахановца", сопровождаемого домой сотнями его товарищей, которые оплевали его с головы до ног.

Блюм критиковал рабочих за отказ от сверхурочных, включая работу в выходные, и за снижение производительности труда. Но, видимо, он был действительно популярен. Он обещал, что Социалистическое правительство Франции не будет открывать огонь по рабочим, как это сделали

Социал-демократы в Германии при Носке (Noske) после Первой мировой войны. Он сумел сдержать свое обещание, но, правда, тогда, в 1930-х, Франция так и не оказалась в революционной ситуации, так что это обещание и не подвергалось серьезным испытаниям.

Левые, как и правые, вели цивилизованное наступление на рабочий класс с целью управлять его образом жизни в интересах повышения производительности труда. Даже увеличение нерабочего времени было частью этого управления. Распущенность в народной культуре искоренялась посредством организации свободного времени (не путать с бездельем или ленью) и пропагандой потребления, как образа жизни. Активисты ругали рабочих за курение, пьянство, игру в карты и на ипподроме. Тем временем, началась эпоха распродаж для населения и покупок в кредит. CGT воплотил в жизнь оплачиваемые отпуска. Отпуска рассматривались в прагматическом свете, как необходимое восстановление для еще более интенсивного труда. В жизнь входили автомобили, хотя в это время большинство рабочих не могли себе их позволить; большинство поездок осуществлялось на велосипедах. Коммунисты плакались, что французские автомобилестроители не смогли демократизировать автомобиль.

Конец Народного фронта в Испании пришел, как известно, с военной победой Франко над республикой. Во Франции он наступил из-за различных причин, включая растущее нежелание буржуазии терпеть снижение конкурентоспособности на международных рынках из-за сокращения рабочего времени. Увеличившимся зарплатам сопутствовали растущие цены, что возмущало средние классы. Усиление международной напряженности, вызванное шагами Гитлера, способствовало желанию французского правящего класса навести порядок в своем собственном доме, чтобы встретить угрозу во всеоружии. Правительство Даладье, в котором преобладали представители Радикальной партии, либерального союзника красных партий в Народном фронте, заявило французским рабочим, чтобы те бросили заниматься ерундой и работали больше и лучше. Того, как социалисты, коммунисты и профсоюзы пытались выполнить эту задачу, было недостаточно для защиты порядка и права на труд. Следующая всеобщая спонтанная забастовка последовала в 1938-ом, чтобы предотвратить увеличение 40-часовой рабочей недели. Ответственность за нее хозяева возложили на коммунистическую партию, и PCF охотно поставило это себе в заслугу. С провалом этой забастовки Народный фронт окончательно потерял инициативу.

Сейдман утверждает, что безразличие или сопротивление рабочих утопическим прожектам новой организации труда, способствовали использованию принудительных мер со стороны государственных и профсоюзных активистов. Можно спекулировать тем, пишет он, что бюрократизация и централизация CNT и государст-ва могли бы быть меньше, если бы рабочие добровольно пошли на жертвы. Демократическое управление рабочих могло бы иметь больше шансов на успех, и у централизованной военной экономики оказалось бы меньше защитников. Но он не приводит никаких доказательств в пользу такого рода предположений, и это заставляет задать вопрос, почему он вообще их выдвигает, тем более, что, они, кажется, противоречат главным тезисам книги. Или он перестраховывается? Противоречие в позиции Сейдмана проявляется и тогда, когда он признает, что сопротивление рабочих увеличению рабочего времени и производительности труда вредило военным действиям против франкизма в Испании, как и военным приготовлениям Франции во время организованного нацистами перевооружения Германии. (Рабочие авиационной промышленности Франции уклонялись от работы по выходным, пытаясь отстоять с трудом заработанную 40-часовую неделю, в то время как рабочие авиационной промышленности Германии вкалывали от 50 до 60 часов в неделю.) Но в другом месте он указывает, что то, о чем действительно следует сожалеть, - это ситуация, при которой германские рабочие не последовали примеру их французских товарищей в отстаивании права на лень. Эту проблему он мог бы исследовать более детально.

Автор заканчивает ссылкой на книгу Поля Лафарга “Право на лень”. Вместе с Лафаргом, он полагает, что упразднение государства и наемного труда (Сейдман никогда не говорит об упразднении работы) зависит от реализации автоматико-кибернетической утопии, в которой машины будут делать всю работу за человека. Эта спорная концепция остается неразобранной. Можно возразить, что для устранения сопротивления рабочих нужен не рабочий контроль над средствами производства, а скорее устранение наемного труда как такового. Сейдман также говорит, что сопротивление рабочих, которое он описал, нельзя представлять как результат их ложного сознания, отсталости, или симпатии к правым. Но к кому обращено это предостережение? Мало кто из левых/профсоюзных лидеров и активистов захотят прочитать эту книгу. Еще меньше смогут, прочитав, переварить ее. Язык Сейдмана здесь выдает некую академическую робость и боязнь неодобрения со стороны его левых коллег с факультета истории или социологии.

Согласно Сейдману, “сопротивленцы не смогли ясно сформулировать, как они видят в будущем рабочее место (организацию труда) или общество в целом”. Это утверждение указывает на одну из тайн, присущих борьбе против работы. Теперь, как и тогда, сопротивление работе вездесуще, но молчаливо. Оно не нуждается в героях, даже

презирает их, но те, кто агитируют против работы, могут играть некую тайную, неопределенную роль в поддержке движения. Неорганизованное, это сопротивление подобно магме, бурлящей под поверхностью современного общества. Мы не знаем, скоро или нет произойдет ее следующее великое извержение, и в какой стране оно случится в следующий раз.

Примечания

1) Патернализм - в области трудовых отношений показная предпринимательская "благотворительность" в целях создания иллюзии заботы об интересах трудящихся. Используется для подрыва рабочих организаций и ослабления классовой борьбы пролетариата. Составная часть теории и практики "человеческих отношений", "социального партнерства" и т.п.

2) В Испании и Лат. Америке название государственного военного переворота.

3) Дело Дрейфуса - сфабрикованное в 1894 г. реакционной французской военщиной судебное дело по ложному обвинению офицера французского Генерального штаба еврея А. Дрейфуса (A. Dreyfus) в шпионаже в пользу Германии. Несмотря на отсутствие доказательств, суд приговорил Дрейфуса к пожизненной каторге. Борьба вокруг Дела Дрейфуса привела к политическому кризису. Под давлением общественного мнения Дрейфус в 1899 был помилован, а в 1906 г. реабилитирован.

4) Тейлоризм - система капиталистической организации производства, цель которой - получение прибыли путем максимального повышения интенсивности труда. Основана на глубоком разделении труда, рационализации трудовых движений. Предложена американским инженером Ф.У. Тейлором (F.W.Taylor, 1856-1915). Называя Тейлоризм ""научной" системой выжимания пота", В.И. Ленин в то же время подчеркивал важность заимствования всего прогрессивного, что содержит Тейлоризм.

Перевод рецензии Алекса Троттера из журнала "Anarchy: A Journal of Desire Armed" N51

Адрес сайта, на котором размещена книга М.Сейдмана: http://www-ucpress.berkeley.edu:3030/dynaweb/public/books/history/seidman

Дамье В.

Анархо-синдикализм в XX веке

М.: Институт всеобщей истории РАН, 2001

Вышедшая книга - первое в России и достаточно основательное, фундаментальное, хотя и лаконичное, исследование анархо-синдикализма. Автор использовал огромное количество источников и публикаций на нескольких языках, в подавляющем большинстве - зарубежных. В центре внимания исследователя - проблема соотношения социал-демократии и синдикализма, возникновение революционного синдикализма и его эволюция к анархо-синдикализму на протяжении двух первых десятилетий XX века, взаимосвязь анархизма и синдикализма и их синтез в анархо-синдикализме, основные идеи, особенности тактики и организации анархо-синдикалистского движения, драматические взаимоотношения между большевизмом и анархо-синдикализмом, испанская революция, анархо-синдикализм после Второй мировой войны. Примерно девяносто пять сотых книги посвящены событиям первой половины XX века, что и понятно: именно в этот период анархо-синдикализм возник, представлял из себя внушительную общественную силу (в анархо-синдикалистских профсоюзах, создавших в 1922 году новый Интернационал, состояло два миллиона человек), именно в это время анархо-синдикалисты получили и упустили неповторимый исторический шанс - попытаться воплотить в жизнь свою утопию.

Проблемность и аналитичность работы удачно сочетаются с кратким изложением основных фактов и многочисленными ссылками на первоисточники. Эта книга может быть интересна всем, интересующимся либертарной теорией и практикой, историей анархического движения (хотя, увы, мизерный тираж книги не позволяет надеяться на то, что все желающие смогут ее прочитать).

Элементы общинной солидарности и ремесленнической психологии (заклейменные марксистами как "мелкобуржуазность" и позволяющие рабочим действовать совместно и не воспринимать самоуправление в обществе и на производстве как нечто невероятное), недовольство реформизмом и бюрократизмом социал-демократических профсоюзов, общая нестабильность грозовой эпохи - первой четверти XX века - все это дало мощный импульс революционному синдикализму и анархо-синдикализму. Если революционный синдикализм, как показано в книге, возник и во многом осознал себя в отталкивании от социал-демократии, то анархо-синдикализм проделал то же, во многом отмежевываясь от большевизма и, шире, от марксизма.

Сначала Первая мировая война устроила синдикалистам экзамен на интернационализм и антипатриотизм, затем появление тоталитарных движений (фашизма и большевизма) устроило экзамен на либертарность, наконец, Испанская

революция устроила анархо-синдикалистам экзамен на революционность. Далеко не все выдержали (и пережили) эти экзамены. Анархо-синдикалистское движение, приняв в некоторых странах огромный размах (во Франции, Италии, Испании, Аргентине) и дав несколько ярких и впечатляющих битв, однако, не поспевало за событиями, не успевало извлечь уроки из стремительно меняющейся ситуации и было в итоге раздавлено жерновами буржуазных и тоталитарно-этатистских сил. Однако его бесценный опыт остался. Историческая дистанция, отделяющая нас от этих событий. не так уж велика, чтобы они утратили свою яркость и актуальность, но и достаточна для того, чтобы взглянуть на них "извне", чтобы за деревьями увидеть лес, за бесчисленными спорами, расколами, полемиками, стачками, съездами и восстаниями разглядеть самое существенное. Пожалуй, к самому существенному здесь относится вопрос об отношении к индустриализму и о том - является ли будущее общество продолжением (и даже неизбежным продолжением!) логики существующего общества, или же создается, творится как порождение свободной воли (и фантазии, воображения, сознания) людей, как альтернатива, противостоящая ему? Я, вместе с автором книги, склоняюсь к последнему ответу.

Герои книги: французская ВКТ (Всеобщая конфедерация труда), итальянские ВКТ и УСИ (Итальянский синдикалистский союз), американская организация "Индустриальные рабочие мира", аргентинская ФОРА (Аргентинская региональная рабочая федерация), испанская НКТ (Национальная конфедерация труда), шведская САК (Центральная организация рабочих), немецкий ФАУД (Свободный рабочий союз Германии), разумеется, анархо-синдикалистский Интернационал - МАТ (Международная Ассоциация Трудящихся), а также - Фернан Пеллутье, Эмиль Пато, Пьер Монатт, Эмиль Пуже, Жорж Сорель, Христиан Корнелиссен, Всеволод Волин, Артуро Лабриола, Юбер Лагардель, Александр Шапиро, Рудольф Роккер, Эмилио Лопес Аранго, Пьер Бенар, Александр Беркман, Эмма Гольдман, Густав Ландауэр, Армандо Борги, Аугустин Сухи, Эррико Малатеста, Исаак Пуэнте, Буэнавентура Дуррути, Диего Абад де Сантильян...

К числу недостатков работы, которые не могут быть оправданы ссылкой на ее предельную лаконичность, можно отнести то, что в ней обходится неудобная, но важная и поучительная тема о взаимоотношениях синдикализма и фашизма (к сожалению. нередко один перерастал в другой - и следовало бы показать их генетическую связь, особенно в Италии). Как-то, лет 12 назад, тогда еще вождь российских анархистов (а ныне профсоюзный бонза) Андрей Исаев очень точно и верно заметил: "Синдикализм без анархизма - это фашизм".

Вадим Дамье ярко показал противостояние анархо-синдикализма в рабочем движении индустриалистской, централистской и авангардистской линии марксистов: социал-демократов и большевиков. (К сожалению, не всегда это противостояние было до конца осознанным, последовательным и определенным). Будучи приверженцем и видным адептом анархо-синдикализма, автор, однако, как добросовестный исследователь и анархист, пытающийся извлечь уроки из прошлых ошибок, сумел вскрыть слабые места и болевые точки революционного синдикализма и анархо-синдикализма XX века, приведшие его к целому ряду грандиозных и сокрушительных поражений. Среди них: во многом позитивное отношение к индустриалистскому пути развития (и неизбежно связанным с ним специализации, технократизации и централизации производства, культуры и всей жизни), недооценка местного (коммунитарного) самоуправления и переоценка самоуправления на производстве, рассматриваемого как "матрица" будущего общества, чрезмерная терпимость к рецидивам марксизма и даже к большевизму и фашизму, элементы элитаризма и авангардизма, недостаток осознанности и конструктивности, а порой и воли (Испания 1936 года), переоценка экономики и недооценка этических и вообще "идеальных" факторов. Расплата за эти ошибки оказалась чудовищной и для анархического движения, и для всего человечества. В 1931 году Рудольф Роккер говорил: "Если рационализация труда сохранится в нынешней форме еще 50 лет, любая надежда на социализм будет утрачена". Очевидно, эти слова оказались пророческими.

Книга Вадима Дамье написана чрезвычайно информативно и хотя суховато, но отнюдь не беспристрастно, что, по моему мнению, также является ее несомненным достоинством: буржуазно-позитивистскому равнодушному и бесчеловечному "объективизму" автор противопоставляет сочувственный и вовлеченный взгляд на события недавнего прошлого. Он не просто перечисляет факты и мнения, но анализирует и оценивает их как человек, которому дороги вольнолюбие и отвага героев его книги и которому горько говорить об их заблуждениях и слабостях.

Было бы бессмысленно в этой краткой заметке пересказывать и без того чрезвычайно краткую книгу Вадима Дамье. Желающие прочитать ее могут попытаться сделать это, связавшись с автором через нашу редакцию.

Петр Рябов

Ульрих Бек

Общество риска. На пути к другому модерну

М.: Прогресс-Традиция, 2000

Книга "Общество риска" является ключевой, важнейшей публикацией немецкого социолога Ульриха Бека. Основная тема книги - социальные, экономические и политические тенденции, которые автор наблюдал в Европе 1970-1990-х годов. Большое впечатление на автора произвели экологические катастрофы последних десятилетий, особенно – на Чернобыльской АЭС. Благополучное западное общество столкнулось с угрозой радиоактивного загрязнения, которую оно не могло предсказать и предотвратить. Границы, отделяющие их благополучие от проблем всего остального мира, оказались очень непрочными. Причина катастрофы была не в злонамеренности и не в ошибках людей как таковых, а в системе, которая превращает вполне объяснимую человеческую ошибку в непостижимую разрушительную силу. Это было новое для многих явление, которое заставило задуматься о взаимоотношениях природы, техники и человека. В конце XX века человек воспринимает природу как покоренную, превратившуюся из внешнего феномена во внутренний, из существовавшего до нас - в воспроизведенный. Она оказалась интегрированной в индустриальную систему, но при этом осталась неизбежной предпосылкой возможности самой Жизни.

Ульрих Бек является создателем концепции "общества риска", хотя понятие риска в науку было введено не им. Риск в математической статистике, теории игр, психологии это деятельность, связанная с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора. Риски по Беку - это продукт индустриализации; риски распространяются, поскольку индустриализация охватывает весь мир. "Общество риска" – концепция XX века, порожденная специфическими проблемами века. Научная революция, рост роли техники в жизни человека, индустриализация и модернизация создали ряд новых явлений и подходов в жизни человека.

"Общество риска" - фактически новая парадигма общественного производства. Ее суть состоит в том, что господствовавшая в индустриальном обществе "позитивная" логика производства, заключавшаяся в накоплении и распределении богатства, все более перекрывается и вытесняется "негативной" логикой производства и распространения рисков. Перед людьми теперь стоит задача изыскания путей минимизации рисков, не препятствующих процессу модернизации. Растущие по масштабам и сфере распространения риски подрывают сам принцип рыночного хозяйства, поскольку означают систематическое обесценивание и экспроприацию произведенного богатства. Производство рисков - мощный фактор изменения социальной структуры общества. "[Современные] риски отличаются от разрушений, порожденных войной, их "нормальным" или, точнее, их "мирным" порождением (производством) в центрах рациональности и процветания, с благословения и при гарантиях закона и социального порядка", - пишет Бек.

В условиях производящей риски модернизации изменяется роль науки в общественной жизни и политике. Большинство рисков не воспринимаются органами чувств, а являются человеку в форме знания о них. Поэтому ученые, инженеры, журналисты, менеджеры и политики (которые нанимают ученых и владеют информационными источниками) становятся решающими игроками на поле формирования знания о рисках. Общество разделяется на экспертов и не-экспертов. Эксперты получают право судить о приемлемости риска, но всем известно, что они зависимы, и в обществе возникает устойчивое недоверие к информации об опасностях. Кроме того, монополия науки на истину сегодня разрушена: мнение одного эксперта всегда может быть оспорено другими.

И природная окружающая среда, и техническая в равной степени могут быть опасны для человека. Жизнь человека в до-научном, до-индустриальном мире не была более безопасной, скорее наоборот: неурожаи и голод, гибель во время охоты, эпидемии и т.д. Пока не были открыты антибиотики, многие болезни оказывались для человека смертельными; эпидемии уносили до 75% населения. В то время почти все угрозы исходили непосредственно от природы. Развитие техники позволило предсказывать многие природные опасности, некоторые – предотвращать, и... вызвало появление новых рисков.

Главное отличие эпохи модерна состоит в том, значительная часть рисков возникает в результате деятельности человека. Раньше ответственность за опасность лежала на некоем трансцендентном явлении – природе, боге, судьбе и т.д. Теперь же в создании опасных ситуаций участвуют конкретные люди, и вроде бы они и должны нести ответственность. Но эти люди включены в общую систему производства жизненно важных для общества продуктов, а риски являются только неизбежным побочным результатом их полезной деятельности.

Так что может быть противоположностью "общества риска"? Что представляет из себя "безопасное общество"? Каково было бы место человека и техники в таком обществе? Ульрих Бек не предлагает никакой альтернативы. Он указывает только на существование проблемы в

сочетании с мрачными пророчествами. Это существенный недостаток концепции "общества риска".

И, кстати: хочет ли человек жить в абсолютно безопасном мире? Развитие экстремальных видов спорта, компьютерных игр и рискованных развлечений среди вполне благополучных социальных групп доказывает обратное. Человеку необходимы сложные и небезопасные ситуации для развития. Человек, выросший в стабильном мире, в ситуации предопределенности, теряет способность к адаптации в новых условиях, к генерированию идей, к творчеству. Экстремальная ситуация заставляет человека действовать, мобилизовывать скрытые ресурсы. Значит, однозначно оценить вклад рисков как негативный тоже нельзя.

Кроме того, относительны представления об опасности и безопасности. В США, например, небольшие колебания курса валюты способны вызвать панику; экономическая стабильность стала предметом культа. При этом оценка опасности связана с ценностями, интересами, значимыми потребностями и личными качествами каждого человека. Одним людям свойственно недооценивать опасность, другим – впадать в паранойю при малейшем отклонении от "образца". С другой стороны, существуют общие закономерности в реакции людей на опасность. Например, происходит "привыкание". В конце восьмидесятых в СССР был резкий подъем экологического общественного движения, который был вызван открытием информации о реальном состоянии дел с загрязнением окружающей среды. Высокая озабоченность людей состоянием среды "проживания" сохранялась от нескольких месяцев до нескольких лет, пока не наступала "усталость". Предупреждения ученых и экологов стали привычным фоном, угроза уже больше не воспринималась всерьез.

Последствия события всегда в той или иной степени непредсказуемы. Значит, любое действие порождает риск, вопрос только в вероятности и масштабах возможного ущерба. Вера в прогресс науки и техники на протяжении XX века сменилась напряженными размышлениями о его последствиях. Стало очевидным: сложные технические системы человек полностью контролировать не в состоянии, а последствия ошибки могут быть катастрофическими. Выхода из этой ситуации есть только два: пренебрежение неизбежными человеческими жертвами технического прогресса или переход к разработке децентрализованных, гибких, незначительных по масштабам или индивидуальных технологий, которые бы позволили сделать риски умеренными и локальными.

Про "Общество риска" Ульриха Бека много хороших слов написано в послесловии к ней; со многим можно согласиться. Книга публицистична и актуальна, что делает ее интересной для широкого читателя. Радует искренняя озабоченность автора проблемами, стоящими сейчас перед человечеством. Автор здесь не беспристрастный исследователь (позиция, граничащая с цинизмом), но Человек и Ученый. Книга открывает нам новую перспективу на индустриально развитое западное общество и происходящие в нем процессы (позволит ли это избежать ошибок и проблем в будущем?). Бек доказывает, что современные проблемы перестали быть государственными или региональными, и призывает народы повернуться "лицом друг к другу" для обсуждения самых насущных проблем человечества.

Новую концепцию оценивают или по количеству неизвестных ранее науке аспектов, которые ей удалось обнаружить, или по возможности применения концепции для решения проблем, находящихся в области компетенции данной науки. Концепция "общества риска" обнаруживает множество важных социологических аспектов современного общества, ставит новые методологические проблемы. Что касается возможности ее применения для решения актуальных задач, то это вызывает большие сомнения.

Арина Майхова

В.М.Ахинько

Нестор Махно. Роман

Харьков: Фолио; М.: "Издательство АСТ", 2000

Уже не первый раз выходит книга с таким заглавием. В 1998 г. В.Телицын выпустил аналогично названный труд, характеризующийся полным отсутствием научности, претензией на нескучность изложения материала и безграничным порою полетом авторской фантазии. У В.Телицына популярно-художественно-публицистическое изложение истории Махно и махновщины, у Ахинько так вообще роман. Насколько мне известно, опус Ахинько – первый опыт чисто литературного изложения истории Махно. Конечно, фигура Батьки появлялась и раньше множество раз в произведениях русско-советских литераторов: у Толстого А.Н., у Есенина, у Пильняка и пр. Но так, чтобы роман целый? Мне такие случаи неизвестны. Жаль, что Ахинько не так талантлив, как А.Толстой. Впрочем, мне кажется, что произведение Ахинько на роман не тянет. Скорее, - это документальная повесть.

Автор верно соблюдает хронологическую

последовательность развития событий от лета 1918 г. до лета 1921 г., совершая экскурсы в дореволюционное прошлое Махно. По всей видимости, Ахинько достаточно хорошо изучил биографию Нестора Ивановича и историю махновщины, более того – таки живет и дышит этой темой. С фактографической точки зрения серьезных претензий к автору у меня нет (если вообще могут быть претензии такого рода к чисто художественному произведению, где автор волен по своей прихоти жонглировать фактами, именами и событиями). Спору нет, историческая канва сроблена более-менее ладно. Упомяну лишь об одной концептуальной проблеме. Мне кажется, некоторым современным украинским махноведам, и Ахинько в их числе, свойственно перебарщивать с любовью Нестора Ивановича к “нэньке Украине”. С этим надо быть осторожнее, знамо дело.

Кое-что о стиле романа. Приведем несколько отрывков, характеризующих роман.

“…Отбирая бойцов в отряд, отвечая на разные вопросы, он нет-нет и вспоминал о девушке, так неожиданно исчезнувшей и вновь появившейся. У Махно даже мелькнула коварная догадка: “А не подсадная ли утка? Чья? Может, своего рода Фанни Каплан? Возьмет и запросто всадит ядовитую пулю! А?”…” (Стр. 80).

“…С ума сойдет, как выражается отрядный поэт Петя Лютый: “крыша поедет”…” (Стр. 115)

“…Кончай базлать! - прикрикнул конопатый и выстрелил для острастки…” (Стр. 215).

“Сашка Барановский коротал время на даче вместе со всеми, кого не успели взять (как Вы, может быть, догадались, речь идет об Анархистах Подполья на даче в Красково). Позавтракал и захотел в туалет.

- Ты куда?- поинтересовался всегда веселый светлый Яша Глазгон (настоящая фамилия – Глагзон, конечно же), что остался за старшего.

- Да тут. В лесок, рядышком.

- Шурка присел под сосенкой и… услышал выстрел!”

- На протяжении всего повествования у Ахинько кто-то “зыркнул, гаркнул, налил, дыхнул и выпил”. Это не значит, что повстанцы повально пьют все время. Просто, у автора как-то почти не нарисовалось никаких других ярких бытовых сцен, а все только: кто-то “помочился у дерева/куста/забора” и т.д. Короче, Художественным Словом здесь не пахнет. Так, лишь иногда, местами автору удается какая-нибудь сценка.

- Может быть, Ахинько стоило написать не роман, а художественно-публицистическую книгу, наподобие книги Голованова “Тачанки с юга”. Тогда, в таком контексте, художественность изложения была бы, быть может, украшением. А так получилось какое-то забавное чтиво. Научной ценности не представляет, за душу не берет, особо не интригует, эстетического удовольствия в целом не доставляет.

В общем книга неплохая.
Покупай, не размышляя.
Есть достоинство одно –
Эта книга – про Махно.

Шутка. Например, есть другое достоинство текста. Ахинько – уроженец пригорода Александровска (Запорожья), он представитель той самой народной культуры (хотя и ужасно деформированной за советские годы), в которой заквашивался сам Махно. Ахинько является волей-неволей транслятором народного восприятия Махно (а мне кажется, такое должно существовать), транслятором народного языка, Интересна в тексте у Ахинько крестьянская речь, слова, речевые обороты, порой весьма оригинальные. На это стоит обратить внимание, несмотря на отсутствие у Ахинько писательского мастерства.

Сергей Миколенко

Памяти В.Пустарнакова

В нашей официальной науке, насквозь мафиозной и ангажированно-конъюнктурной, осталось совсем немного - можно пересчитать по пальцам одной руки - серьезных, объективных и заинтересованных исследователей истории и философии анархизма. Не так давно ушла из жизни “бабушка русского анархизма” Наталья Михайловна Пирумова. А 6 февраля 2001 года не стало Владимира Федоровича Пустарнакова. Его имя хорошо известно многим людям, интересующимся отечественной либертарной мыслью (мы здесь оставляем в стороне другие сферы его широких философских и научных интересов).

Наряду с несколькими написанными им, глубокими философскими статьями, посвященными творчеству М.А.Бакунина и П.А.Кропоткина, Владимир Федорович издал два (из трех, вышедших в последние годы) сборника основных работ Михаила Бакунина (1987 и 1989 годов), сопроводив их интересными, обширными и содержательными комментариями. Благодаря Пустарнакову дошли до широкого читателя многие, ранее не публиковавшиеся на русском языке сочинения Бакунина. Покойный философ был активным участником комиссии по творческому наследию П.А.Кропоткина при Российской академии наук.

Владимир Федорович не был анархистом, однако, не был он и приверженцем современной оголтелой либерально-патриотической конъюнктуры, для которой слово “анархизм” звучит как угроза и ругательство. В.Ф.Пустарнаков был интересным, самостоятельным, принципиальным и знающим исследователем, добросовестным и активным публикатором, неравнодушным и порядочным человеком. Его смерть - большая утрата для всех нас.

Редакция “Наперекора”

SEKSIZM STOP

“Хранителям” корней

Почти три года назад, в 10 номере журнала была опубликована одноименная статья А.Константинова - “Наперекор”. Во второй части статьи автор излагает свою теорию “красивых женщин и доблестных мужчин” и часто цитирует Ивана Ефремова. Удивляет, что он является поклонником творчества Ефремова. Я читала Ефремова давно, в старших классах школы, но уверена совсем в ином отношении писателя к предназначению мужчин и женщин.

С самых первых слов “о предназначении женского и мужского”, автор статьи пытается обезопасить себя от критики. Кто такие “дорогие дамы”, к которым он обращается? Это некие существа, которым можно и нужно поклоняться, но они вряд ли способны на что-то кроме светской болтовни. Так он исключает даже саму возможность дискуссии с женщинами. Далее мы читаем, что главной идеей женщины должна быть красота, а мужчины - рыцарство. Путь Воина оказывается открыт только для некоторых “избранных” - в качестве “хобби”. Скажите мне, что такое красота, и в чем тот ее единый канон для всех культур и эпох, которому должны соответствовать все женщины? Известно, что существовавший почти тысячелетие в Китае обычай бинтования ног приносил женщинам огромные страдания и делал их инвалидами. Тем не менее, эта процедура в той или иной степени совершалась над всеми женщинами, так как основным их предназначением была привлекательность для мужчин. Тогда красота заключалась в возможно малом размере ноги. В наше время и в нашей стране тысячи женщин изводят себя диетами, пьют невообразимые сочетания гормональных препаратов, жертвуют здоровьем, чтобы “похудеть навсегда”. Лишь бы соответствовать навязанному обществом идеалу красоты. Мужчины, кстати, тоже оказываются жертвами стремления к привлекательности (качалки, машины, хорошие костюмы и престижные рестораны, на которые надо работать как проклятый), хотя и не так часто.

А что такое “рыцарство”? Не чувствуют ли себя именно “рыцарями” по крайней мере некоторые из тех, кто воюет сейчас в Чечне? Рыцарство предполагает участие в борьбе, войне - таков исторический и культурный контекст этого слова. Восприятие себя “рыцарем” подталкивает человека к созданию соответствующих (милитаристских) ситуаций, в которых можно доказать самому себе, что ты – “рыцарь”. Ну, а если не “рыцарь” мальчик (ну не уродился! не хочет!), что же ему теперь всю жизнь мучиться, что он не такой? Именно это и происходит повсеместно: у людей возникает куча психологических проблем (которые отнюдь не способствуют формированию гармоничной личности) из-за того, что они чувствуют свое несоответствие общепринятым стандартам, ролям, стереотипам - в том числе и гендерным.

У Ефремова понятие физической красоты неразрывно связано с понятием красоты духовной. Стремление человека к красоте в этом широком смысле слова является задачей каждого, и никто не получает ее просто при рождении. Красивым человек становится, если живет по законам рыцарства, понимаемого как благородство, возвышенность души, стремление к постоянному совершенствованию. Это одинаково относится ко всем людям. В утопиях Ефремова физическое, интеллектуальное и духовное совершенство присуще и мужчинам, и женщинам. Хочется обратиться к редакции “Наперекора”: нам необходимо уходить от бесконечного воспроизводства культурных клише, от “помещения” человека в узкие рамки задаваемых обществом (культурой, традицией, etc.) ролей. Только в этом случае появляются шансы для формирования сильной и свободной личности.

Арина Майхова

Что читать в Интернете?

Анархистская страница на сайте “У Максима Машкова” - zhurnal.lib.ru/m/magid_m_n/

Библиотека анархических текстов - anarchive.da.ru

Движение скинхедов-антифашистов - redskin.newmail.ru

Новости анархического движения на английском языке - ainfos.ca

Сайт движения “Автономное действие” - avtonom.net

Сайт о сопротивлении “трудовому рабству” - antijob.nm.ru

“А-дистро”

Каталог книг, периодических изданий, видео и пр. об анархизме, антифашизме, феминизме и глобализации смотрите в Интернете (www.tao.ca/~dikobraz/distro/) или заказывайте по адресам: 109028, Москва, а/я 13 (+ конверт с обратным адресом) или kuzja@ecoline.ru

Беспартшкола

Анархистский лекторий и дискуссионный клуб. Философия, история, культура, социальные движения, актуальные проблемы современности. Вопросы о времени и месте встреч по телефону (095)365-80-93 (Марина)

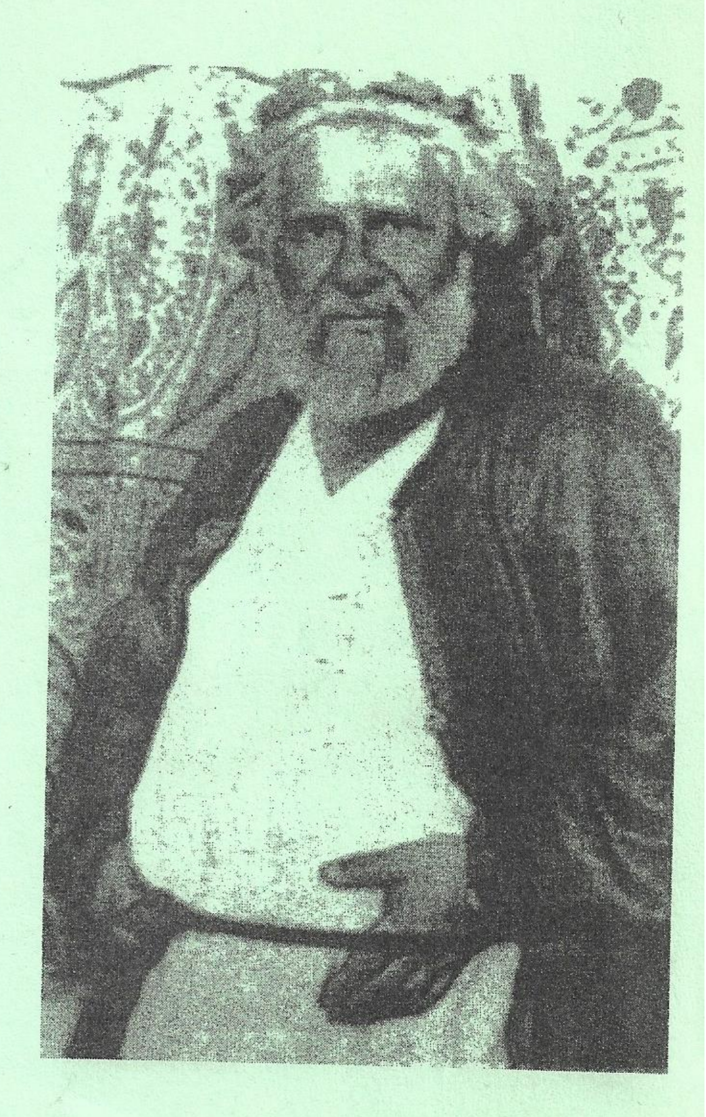
Максимилиан Волошин

Государство

Из совокупности
Избытков скоростей,
Машин и жадности
Возникло государство.
Гражданство было крепостью, мечом,
Законом и согласьем. Государство
Явилось средоточьем
Кустарного, рассеянного зла:
Огромным бронированным желудком,
В котором люди выполняют роль
Пищеварительных бактерий. Здесь
Все строится на выгоде и пользе,
На выживаньи приспособленных,
На силе.
Его мораль - здоровый эгоизм.
Цель бытия - процесс пищеваренья.
Мерило же культуры - чистота
Отхожих мест и емкость испражнений.
...

А в наши дни, когда необходимо
Всеобщим, равным, тайным и прямым
Избрать достойного, -
Единственный критерий
Для выборов:
Искусство кандидата
Оклеветать противника
И доказать
Свою способность к лжи и
преступленью.
Поэтому парламентским вождем
Является всегда наинаглейший
И наиадвокатнейший из всех.
Политика есть дело грязное -
Ей надо
Людей практических,
Не брезгующих кровью.
Торговлей трупами
И скупкой нечистот...
Но избиратели доселе верят
В возможность из трех сотен негодяев
Построить честное
Правительство стране.
...

Есть много истин, правда лишь одна:
Штампованная признанная правда.
Она готовится

Из грязного белья
Под бдительным надзором государства
На все потребности,
И вкусы, и мозги.
Ее обычно сервируют к кофе
Оттиснутой на свежие листы,
Ее глотают наскоро в трамваях,
И каждый сделавший укол с утра
На целый день имеет убежденья
И политические взгляды, -
Может спорить,
Шуметь в собраньях и голосовать.
Из государственных мануфактур,
Как алкоголь, как сифилис, как опий,
Патриотизм, спички и табак, -
Из патентованных наркотиков -
Газета
Есть самый сильнодействующий яд,
Дающий наибольшие доходы.
...

13 апреля 1922 г., Коктебель